БОЛЬШЕВИК

№ 2—(18)

31 ЯНВАРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 2 (18) 31 ЯНВАРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 32202. Москва. Тираж 50.000.
Типогр. из-ва „Правда" и „Беднота". Яузский м., Серебряническая наб., д. 23а.

Г. Крумин.

Без Ленина...

Ленина всего не об'ять, особенно нам, его современникам.

Ленин—философ... Многим ли это известно? Между тем, Ленин—один из яснейших, глубоких мыслителей XX века. Его труд «Материализм и эмпириокритицизм»—могущий даже и по количеству страниц быть признанным трудом!—является, можно сказать, единственным философским произведением XX века, в котором делается попытка действительно научно об'единить последние завоевания науки—физики, химии, биологии и т. д. Однако, его замалчивают как буржуазные философы, так и мировая социал-демократия. В их об'емистых «трудах» мы не найдем никаких ссылок на это сочинение Ильича...

Ленин—величайший экономист XX века...

Его кардинальная работа «Развитие капитализма в России», несомненно, обозначила эпоху в познании экономики России. Но много ли ссылок на Ленина в буржуазных и социал-демократических «трудах»? Идеи же Ленина «гуляют», используются в этих «трудах», с ссылкой в лучшем случае на их автора в конце «труда» по самому незначительному поводу...

Ленин—глубочайший знаток аграрного вопроса. Он, как никто, сумел даже в брошюрках, книжечках в 50—75—100 страниц, выпукло вырешать «самые последние», самые новые проблемы с.-х. экономики (на примере, напр., Соед. Штатов Америки). Там, где буржуазные архи-ученые люди запутывались немилосердно, Ленин вносил ясность. Ленин продвинул вперед теорию аграрного вопроса. Однако и здесь мы встречаемся с тем же маневром замалчивания со стороны буржуазных и социал-демократических писателей.

Ленин—величайший тактик, стратег, полководец, имеющий дело с миллионными массами. Однако «общество» говорило о «великих» людях XX века—разных премьер-министрах: Мильеране, Бриане, Ллойд-Джордже и многих других, о Ленине же—исключительно как о сектанте, узком фракционере. Партия большевиков представлялась как группка «ленинских молодцов»; Ленин—как способный только вариться в котле эмигрантских дрязг. Наиболее ярко такое отношение к Ленину выразил Троцкий, когда он был еще очень далек от нашей партии (не даром же дается талант публициста и блестящий стиль!): «Каким-то бессмыс-

женным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно неповрежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове»... «Сейчас могут быть две политики: идейное и организационное разрушение переживших себя фракционных перегородок, а значит и разрушение самих основ ленинизма, который не совместим с партийно-политической организацией рабочих, но зато великолепно расцветает на навозе фракционных межеваний» и т. д. (см. письмо Троцкого Н. С. Чхеидзе от 1/IV 1913 г.). Стиль блестящий, что и говорить. Но нужно сказать, что автору в этом письме удалось об'единить все то, что в «обществе» говорилось про Ленина.

Такова характеристика человека, который вел счет на миллионы, который двигал и руководил массами.

Ленин—планетарный, как выразился Горький. Именно планетарный.

Ленин—вождь переходного периода, периода заката, гибели капитализма, периода кануна социальной революции, периода разрушения и периода нового собирания элементов, но уже в социалистической связи, периода «малых дел» и периода, открывающего широчайшие перспективы измученному, но освобождающемуся человечеству. В этой великолепной мозговой коробке сочетались поэтому качества, нужные именно для такого периода.

Величайший напор в разрушении капиталистической действительности, напор в положительном строительстве, вникание в детали, мелочи,—ибо в них в значительной мере центр тяжести первого периода социалистического строительства, и широчайшие обобщения, незабвение ни на секунду в ежедневной практической «мелочной» работе этих широчайших перспектив. Ставка на массы, вера в них.

Партия и советская власть лишилась человека, именно созданного для руководства «прыжком из царства необходимости в царство свободы». Но этот человек, руководивший миллионами, делавший ставку на творчество миллионов, не мог не оставить партии, закаленной и способной справиться с гигантскими затруднениями переходного периода. Движение вперед, может быть, будет более медленное, с бо̀льшими ошибками, но оно безостановочно будет продолжаться.

Проследим грубо работу партии без Ильича по двум линиям: **уменью руководить положительным строительством, уменью комбинировать, связывать мельчайшие элементы в новую социалистическую систему, и уменью сочетать эти «малые дела» с широчайшими перспективами, открываемыми социалистической революцией.**

В конце 1919 г. в «проекте циркулярного письма Цека», опубликованном впервые в нынешнем году в «Эконом. Жизни» (21 января), Владимир Ильич резко поставил вопрос о причинах наших побед внутри страны. Он писал: «причины наших побед: прямое обращение нашей партии и советской власти к трудящимся массам, с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; уменье об'яснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в этот или иной момент; уменье поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче».

Итак, во-первых, ставка на широчайшие массы трудящихся с раз'яснением—совершенно открытым, до конца полным—действительного положения вещей; ставка на растущую сознательность широчайших масс народа. Во-вторых, уменье выделить очередное звено в цепи советского строительства, от которого в каждый данный момент зависит прочность всей советской цепи. В-третьих, мобилизация вокруг и за это очередное звено трудящихся масс.

Работая так, Владимир Ильич провел страну не только через период «военного коммунизма» и период тяжелейшего отступления от «военного коммунизма» к нэпу, но и через период приостановки отступления и начала восстановительных, наступательных процессов в хозяйстве.

Сумела ли партия без Ильича нащупать правильное звено? Сумела ли мобилизовать, поднять «энергию, героизм, энтузиазм масс» в борьбе за это звено? Несомненно, сумела. Очередным звеном являлась денежная реформа и его-то партия и укрепила.

Нет нужды подробнее на этом останавливаться — слишком хорошо это известно—нужно только еще и еще раз дать себе отчет, почему очередным звеном являлась именно валюта. Рабоче-крестьянский блок—вот основное содержание нашей политики. Укреплению этого блока должны быть подчинены отдельные стороны нашей работы. Но политике рабоче-крестьянского блока должна соответствовать определенная политика в области хозяйства. Соответствующая хозяйственная политика является составной частью общей политики рабоче-крестьянского блока. Совершенно очевидно, что основным содержанием такой хозяйственной политики должно было являться создание твердой валюты. Начинать нужно было именно с этого.

В борьбе за это очередное звено, подымая «энергию, героизм, энтузиазм масс», партии пришлось посчитаться с троцкизмом, **не могущим понять и принять подобной хозяйственной политики. Жизнь свой приговор уже вынесла: на основе такой хозяйствен-**

ной политики партия добилась роста производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности, роста и укрепления социалистических элементов в хозяйстве.

В первый же день Октябрьской революции Ленин, как великий вождь, совершенно открыто поставил перед восставшими вопрос: мы вот берем власть, но умеем ли мы управлять государством, умеем ли руководить хозяйством? Нет, не умеем, но научимся. Сейчас мы можем смело сказать, что научились, что создали некоторое новое равновесие, что заложили основы новой экономики.

Перейдем к рассмотрению второй линии—уменью сочетать «малые дела», текущую работу с широчайшими перспективами строительства.

Основные трудности строительства лежат, несомненно, в деревне. Здесь предстоит, во-первых, побороть процессы дифференциации, неизбежно возникающие в условиях товарно-денежного хозяйства, и, во-вторых, поднять всю крестьянскую *массу*, как таковую, все больше направляя ее к социалистическим берегам, все больше приобщая ее к преимуществам крупного производства. Два главнейших препятствия, две гигантских задачи встают на этом пути: уничтожение неграмотности и проблема реконструкции всего хозяйства.

Безграмотность... На IV Конгрессе Коминтерна Владимир Ильич поставил вопрос: «почему мы делаем глупости?» Его ответ гласил: «это понятно: во-первых, мы—отсталая страна, во-вторых, *образование в нашей стране минимальное*, в-третьих, мы не получаем помощи извне... в-четвертых, по вине нашего государственного аппарата». «Минимальное образование» все резче и резче сказывается как фактор, тормозящий дальнейший хозяйственный под'ем. Ошибки и промахи в кооперативном строительстве об'ясняются именно на этой почве.

И как раз в годовщину смерти Владимира Ильича партия может отметить значительный перелом на фронте безграмотности, некультурности. Мы говорим о Всесоюзном учительском с'езде. Гигантский с'езд почти с полутора тысячами участников, при преобладающей массе беспартийных, поставил себя и все учительство на сознательную службу советской общественности, взял на себя функцию проводника советской грамоты в миллионные массы неграмотных. Партия начинает пожинать плоды семи лет невиданно тяжелой, невиданно мучительной строительной работы.

Второе препятствие—необходимость реконструкции всего хозяйства, воссоздания его на принципиально новых основах. Совершенно очевидно, что только при этом условии может быть решена проблема деревни, может быть углублена смычка ее с городом, могут быть уничтожены «нормальные ножницы»—наш враг будущего, может быть построено коммунистическое общество. Но здесь мы вплотную подходим к перспективным планам вообще, к плану электрификации в первую очередь.

Как ставил вопрос Владимир Ильич?

«Гвоздь» заключался для него в том, чтобы *сочетать* текущую действительность и работу с широчайшими перспективами, планами, открываемыми фактом завоевания власти. Еще в конце «военного коммунизма» Ленин учил—*не бояться* широких перспективных планов. «*Без них хозяйственного возрождения не построить*». В частности, не в том ошибка, что был построен перспективный план возрождения транспорта—знаменитый приказ 1042. Беда в его осуществлении, бюрократически прямолинейном, в нежелании и неумении учитывать ход жизни и приспосабливать к нему план.

В самые тяжелые годы существования советской власти, в годину невиданных транспортных, продовольственных, топливных и иных кризисов, Ленин глубоко задумывается над реконструкцией всего хозяйства и кладет первые камни этой реконструкции. В чрезвычайно интересной статье т. Кржижановского «Ленин и техника», помещенной в «Экономической Жизни» (№№ 17 и 18 от 1925 г.) и вышедшей также отдельной брошюрой, приведены новые письма и записки Владимира Ильича. В одной из них, написанной в начале 1920 года, Владимир Ильич предлагает выступить в печати со статьей, в которой доказать или иллюстрировать, что «*если восстановить промышленность по-старому, нужно затратить больше, чем для восстановления на базе электрификации*». Владимир Ильич мечтал об электрифицированной России, об «обновленной земле». План электрификации, составленный с величайшим напряжением в 1920 году, можно сказать, под непосредственным контролем Ильича, является, по его же словам, «второй программой партии». И Владимир Ильич нажимает на то, чтобы эту «вторую программу партии» тщательно преподавать молодому поколению.

Но уже в то время вопрос не ставился исключительно в плоскость теоретических расчетов преподавания. Нет, под руководством Владимира Ильича страна, мобилизуя все силы на преодоление очередного звена, очередного бедствия, выделяет некоторую толику средств на *осуществление* плана электрификации. И если на восьмом году существования Советского Союза страна уже получает первые электрические станции, работа которых достаточно ощутительно скажется на хозяйстве данной округи, района, то это благодаря Ильичу, благодаря его уменью сочетать текущую злобу дня с широчайшими перспективами, открываемыми октябрем.

Партия без Ильича, так же как и при нем, будет блюсти эту свою «вторую программу». На основе смычки она будет вносить все больше реконструкционных моментов в строительство.

Партия будет укреплять в себе качества строителя, необходимые в нашу великую эпоху: уменье сочетать «мелкую работу» с широчайшими горизонтами, впервые открываемыми перед человечеством завоеванием власти трудящимися. И нет сомнений, что она превратится в могучую ленинскую партию, все больше обнимающую собой рабочий класс, все больше связывающуюся с широкими трудовыми массами, и приведет человечество к новым берегам, подведет его к началу действительной, сознательной истории человечества.

В. Астров.

К вопросу о роли ленинской теории.

1. О некоторых формулировках.

Ленинизм есть теория революционного действия пролетариата. Называть эту теорию марксизмом столь же верно и правильно. Это учение Маркса и Ленина. Тов. Зиновьев однажды назвал это учение неуклюже, но верно: «марксо-ленинизм». Ленинизм есть современный марксизм, марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. В лице Ленина марксизм развился до ленинизма, стал ленинизмом.

Современный марксизм, естественно, полнее, развитее марксизма начального, марксизма эпохи Маркса. Современный марксизм включает в себя марксизм начальный, как свою исходную часть, фундамент, основу, корень. Если марксизм и ленинизм брать, как различные ступени развития одной и той же теории революционного действия, то никоим образом нельзя сказать, что марксизм «шире» ленинизма, что марксизм включает в себя ленинизм, как часть, или как ответвление. Сказать так, значило бы дать повод считать марксистами не-ленинцев. Между тем, всякий не-ленинец в нашу эпоху не марксист, а ревизионист, извратитель учения Маркса. Поэтому всякий намек на лозунг возврата «от Ленина к Марксу в теории» в настоящих условиях не может быть ничем иным, как ревизией или шагом к ревизии Маркса.

Так, нам кажется, в основном, стоит вопрос об отношении марксизма к ленинизму. Между тем, за год, который мы прожили без Ленина, в партийной литературе, посвященной Ленину, появились формулировки и определения ленинизма, вносящие полный сумбур и путаницу в этот вопрос. Подчас выдумываются такие отличия между марксизмом и ленинизмом, которых на деле и в помине нет.

Наиболее ходким из подобных определений является определение: «ленинизм есть марксизм в действии». На ошибочность его уже не один раз указывалось в нашей печати. В видоизмененной форме оно выступает, когда выражаются в роде того, что «марксизм в теории,—ленинизм в тактике», или: «ленинизм есть претворенный в жизнь марксизм».

Почему неверно сказать «марксизм в теории, ленинизм в тактике?». Потому, что ленинизм не просто «взял» в готовом виде теорию, выработанную Марксом, а развил ее (в частности и в особенности разработал теорию стратегии и тактики,—но не только теорию стратегии и тактики). С другой стороны, тактика ленинизма есть развитие тактики Маркса. Таким образом, ни в теории, ни

в тактике между Марксом и Лениным никакой «китайской стены» нет, точно так же, как нет такой стены между теорией и тактикой в их учении. Признать справедливость приведенной формулировки означало бы оторвать Маркса от Ленина, а теорию их от их тактики—разорвать ленинизм, так сказать, крест—на крест, не понять его, как единую теорию действия.

Почему неверно выражение, что «ленинизм есть марксизм в действии»? Потому что это порождает самые нелепые, но логически неизбежные, выводы.

Когда подчеркивают, что ленинизм есть «марксизм в действии», то, очевидно, что марксизм в теории мыслится, как нечто иное, отличное от ленинизма, т.-е., ленинская теория не рассматривается, как подлинная марксистская теория, или же признается не-марксистским то новое, что Ленин внес в теорию марксизма. Словом, практика Ленина принимается без его теории. Вот почему подобное определение есть лазейка ревизионизму.

Можно принять это определение также в том случае, если отрицать за ленинской теорией какой бы то ни было шаг вперед по сравнению с марксизмом эпохи Маркса. Однако, на такой позиции может стоять только невежда.

Таким образом, разбираемая формула одним своим концом бьет по Ленину. Другим концом она наносит удар Марксу.

В самом деле. Если «марксизм в действии» есть ленинизм, то это значит, что до ленинизма не было «марксизма в действии», т.-е. что марксизм существовал, как теория, которую Маркс и Энгельс к действию не применяли, не «претворяли в жизнь», Маркс и Энгельс выступают перед нами не величайшими пролетарскими революционерами и политиками своего времени, а исключительно теоретиками, учеными академиками, «книжниками».

Нам кажется, что по вопросу о соотношении теории и практики в марксизме и ленинизме существует только одна общая формулировка, безусловно и одинаково верно схватывающая суть, как марксизма, так и ленинизма: «теория революционного действия». Сочинять другие общие формулировки о каком бы то ни было принципиальном, коренном отличии марксизма от ленинизма в вопросе о соотношении теории и практики в них, нам кажется ошибкой, абсолютно излишним и вредным занятием.

Конечно, на первом году после смерти Ильича появление непродуманных определений ленинизма до некоторой степени было неизбежно. Они представляют из себя тот литературный шлак, который партия быстро отметет, выбрав из черновых набросков о ленинизме, (издаваемых авторами, вследствие назревшей потребности в теоретической разработке огромного количества вопросов, наспех), только наиболее ценное и безусловно правильное.

Но в высшей степени важно немедленно разоблачить ошибочность подобных выкрутасов, потому что будучи продуктом, может быть, добросовестного заблуждения, они в то же время имеют тенденцию к превращению в орудие настоящих ревизионистских попыток.

На иллюстрации к последнему утверждению мы и остановимся в этой статье.

2. О некоторых заявлениях тов. Троцкого.

Говоря о ленинизме, тов. Троцкий в ряде напечатанных им статей и речей проявил стремление умалить теоретические заслуги Ленина, свести ленинизм к «марксизму в действии». Приведем некоторые принадлежащие т. Троцкому заявления подобного рода. Если каждое из них в отдельности может показаться обмолвкой или пустой красивой фразой, с которой не полагается спрашивать какой бы то ни было самостоятельной мысли, то в совокупности они толкают к определенному выводу и выражают, бесспорно, определенную неверную мысль.

В книге «О Ленине» т. Троцкий написал:

«Маркс весь (курсив наш, В. А.) в «Коммунистическом Манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Если бы он даже не был основателем I Интернационала, он навсегда оставался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь (курсив наш, В. А.): вождем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала».

Пренебрежение к «книгам» Ленина крайне характерно для тов. Троцкого и оно его выдает. Он не понял роли и значения этих «книг» в деле пролетарской революции, в деле строительства нашей партии и III Интернационала. Иначе он не писал бы, что Ленин «вошел бы в историю таким же», «если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги». В том-то и дело, что без «опубликования» книг, по которым учились целые поколения большевиков, Ленин не создал бы партии и Коммунистического Интернационала, не провел бы пролетарской революции с тем успехом, с каким он ее провел.

«Коммунистический Манифест» и «Критика» сыграли и играют гигантскую роль в деле организации коммунистической революции во всем мире. Но в нынешнюю эпоху для революционного действия пролетариата они безусловно недостаточны, без дополнения их книгами: «Что делать?», «Шаг вперед, два назад» (книга, с которой так ожесточенно боролся Троцкий в бытность меньшевиком), «Две тактики» (книга, которую т. Троцкий вычеркивает из своего «ленинизма», говоря, что его писания о перманентной революции были «несравненно ближе к действительной сущности ленинизма»,—см. «Новый курс», стр. 50), «Империализм», «Государство и революция», «Детская болезнь», бесчисленные и бесценные для нас статьи и речи, в частности те из них, которые (в большом количестве) направлены специально против троцкизма.

Все это—неот'емлемый, основной идейный инвентарь пролетарского движения. Без этого инвентаря оно не было бы настоящим, осознавшим себя до конца, революционным движением пролетариата. Без своих «книг», о которых так пренебрежительно отзывается Троцкий, Ленин не был бы настоящим вождем пролетарской революции.

Разумеется, Маркс тоже не «весь» в своих книгах. И здесь тов. Троцкий переборщил. К этому мотиву он возвращался также в своей речи о «Перспективах и задачах на Востоке», про-

изнесенной весной 1924 года на собрании слушателей Комуниверситета Трудящихся Востока. Так как здесь та же самая мысль выражена более обстоятельно, и вместе с тем более осторожно, приведем довольно пространную цитату из этой речи (см. «Запад и Восток», стр. 35—37):

«Я читал в вашей газете, которую мне так любезно с отметками прислало бюро вашей ячейки, горячую полемику о Марксе и Ленине. Полемизируете вы друг с другом очень круто; говорю вам это, впрочем, не в укор. Там вопрос ставился так, что, мол, по мнению одних, Маркс был будто бы только теоретиком, — так изображала эту позицию противная сторона, и она же возражала: «нет, Маркс был революционным политиком, как и Ленин, и у Маркса, и у Ленина теория и практика шли рука об руку». В такой общей отвлеченной формулировке это безусловно верно и неоспоримо; но есть же разница между этими двумя историческими фигурами, — глубокая разница, которая выросла не только из различия индивидуальностей, но и из различия эпох. Марксизм, разумеется, не есть академическое учение, а рычаг революционного действия; не даром же Маркс сказал: «философы достаточно истолковывали мир, а надо его переделать». Но при жизни Маркса, в эпоху I Интернационала, затем во время II Интернационала, была ли возможность использования марксизма движением рабочего класса полностью и до конца? Нашел ли тогда марксизм подлинное воплощение в действии? Нет, не нашел. Имел ли Маркс возможность и счастье руководить применением своей революционной теории в решающем историческом действии: завоевание власти пролетариатом? Нет, не имел. Учение свое Маркс создал, конечно, не как академик; он сам вырос целиком из революции, из оценки и критики крушения буржуазной демократии; он написал свой «Манифест» в 47 году; он проделал на левом фланге буржуазной демократии революцию 48 года, оценивая по-марксистски или по-марксовски все ее события; он в Лондоне написал «Капитал»; он был в то же время творцом I Интернационала, вдохновителем политики передовых групп рабочего класса всех стран, но он не стоял во главе партии, которая решала судьбы мира или хотя бы одной страны. Когда мы хотим коротко ответить на вопрос: кто такой Маркс, мы говорим: «Маркс — автор «Капитала». А когда мы себя спросим, кто такой Ленин, мы скажем: «Ленин — автор Октябрьского переворота» [1]) (аплодисменты). Ленин больше, чем кто бы то ни было другой, подчеркивал, что не собирается ревизовать, переделывать, пересматривать учение Маркса. Ленин пришел, говоря старыми е ангельскими словами, не для того, чтобы изменять марксов закон, а для того, чтобы исполнить его. Он сам больше, чем кто бы то ни было, подчеркивал это, но ему в то же время понадобилось высвободить Маркса из-под наслоений тех поколений, которые отделяли Ленина от Маркса — из-под наслоений каутскианства, макдональдовщины, консерватизма рабочих верхов, реформистской и националистической бюрократии, и оружие подлинного марксизма, очищенное от наслоений, примесей и фальсификации, применить в величайшем историческом действии полностью и целиком. И вот ваше, как молодого поколения, величайшее преимущество в том, что вы в этой работе прямо или косвенно участвовали, что вы ее наблюдали, что вы живете в политическом и идейном окружении ленинизма, что вы эту совпадающую с практикой теорию впитываете в себя в Университете Трудящихся Востока. Это есть огромное и неоценимое ваше преимущество, и вы должны его понять. Если сам Маркс в теории своей мог обнять ход развития десятилетий и столетий, то учение его затем разменивалось на отдельные элементы в повседневной борьбе, впитывалось по частям и искаженно. Ленин пришел, собрал марксизм заново и в новых условиях, и показал это учение в действии величайшего исторического масштаба». (Курсив наш. В. А.).

Тов. Троцкий высказывается здесь по поводу полемики в студенческой газете, где спорили две стороны.

[1]) Курсив в этой фразе и в предыдущей принадлежит т. Троцкому.

Если судить по тому пересказу спора, который делается Троцким, то права, безусловно, та сторона, которая говорила: Маркс был революционным политиком, как и Ленин, и у Маркса, и у Ленина теория и практика шли рука об руку». Это целиком и полностью верно, и тов. Троцкий, если он правильно понимает соотношение теории и практики в марксизме-ленинизме, должен был присоединиться к этой точке зрения без всяких оговорок. Между тем, он, сказав, что «в такой общей отвлеченной формулировке это безусловно верно и неоспоримо», сейчас же пускается в оговорки («но есть же разница между этими двумя историческими фигурами» и т. д.), и дает не менее «отвлеченные» формулировки, неправильно толкующие ту, которую он признал правильной. Но прежде чем обратиться к этим формулировкам т. Троцкого, остановимся на позиции «другой стороны». Как ее передает сам тов. Троцкий?

«По мнению одних, — говорит он, — Маркс был будто бы только теоретиком, — так изображала эту позицию противная сторона». Остается вопрос: верно ли, с точки зрения т. Троцкого, «изображала эту позицию противная сторона»? Или эта позиция передана «противной стороной» в искаженном виде?

Посмотрим, что на самом деле защищала в газете КУТВ-а «сторона» «одних». Этой «стороной» выступал тов. А. Бегеулов, слушатель КУТВ-а. Он выставил такое центральное положение:

«Полагаю, что тов. Войтинский (оппонент Бегеулова. В. А.) согласится с тем, что марксизм есть пролетарская научно-революционная теория, а ленинизм — это тактика, стратегия революционно классовой борьбы пролетариата, основанная на марксистской теории» (см. «Под знаменем Ильича», орг. бюро ячейки РКП и правления университета, № 5 (8), 22 марта, 1924 г. Статья т. Бегеулова: «О теории Маркса и практике Ленина»).

И там же было сказано:

«Маркс явился крупным теоретиком, но не участником и руководителем классовых битв».

Спрашивается, верно ли, что «по мнению одних, Маркс был будто бы только теоретиком»? Очевидно, что, именно, таково мнение этих «одних». Тогда зачем же понадобилась тов. Троцкому оговорка: «так изображала эту позицию противная сторона»? Эта оговорка никакого другого смысла иметь не может, кроме как смысла косвенного прикрытия вопиюще-неверных положений.

Начав с этого прикрытия и ограничившись признанием правоты противников в «общей отвлеченной формулировке», тов. Троцкий в дальнейшей аргументации, по сути дела, воспроизводит прикрываемые им неверные утверждения в смягченной форме.

Неопытный КУТВ-овец, не заглянув в святцы, бухает во все колокола:

— «Маркс, — говорит он, — являлся крупным теоретиком, но не участником и руководителем классовых битв».

А когда, в ответных статьях, ему указывают на его круглое... незнание предмета, то он обижается и выгораживает себя так:

«Восстания западно-европейских пролетариев и мелкой буржуазии XIX века не есть массовые явления (?!?) и совершенно не типичны (?) для миро-

вой (!) классовой борьбы» (№ 6—9, 5 апр. 1924 г. Статья «Кавалерийский наскок». Ответ тов. Ташкарову).

Тов. Троцкий, будучи несравненно более искушен в «святцах» истории XIX века, выражает ту же самую мысль, но в более «приличном» виде:

«Имел ли Маркс возможность и счастье руководить применением своей революционной теории в решающем историческом действии: завоевании власти пролетариатом? Нет, не имел. Учение свое Маркс создал, конечно, не как академик» и т. д., «но он не стоял во главе партии, которая решала судьбы мира или хотя бы одной страны». И далее: «Маркс—автор «Капитала», «Ленин—автор Октябрьского переворота».

Строго говоря, и здесь не все верно (точнее и верно, и не верно), потому что это историческое сравнение Маркса и Ленина проникнуто определенной политической тенденцией. С таким же правом можно сказать: «Ленин—автор диктатуры пролетариата в России», «Ленин — автор Коминтерна», или «автор РКП» и т. д., но т. Троцкому политически нужно было раздувать значение, именно, определенного момента в истории революции.

Но мы пройдем мимо этого. Разница эпох, в которые жили и действовали Маркс и Ленин, разумеется есть. Разница исторических фигур—тоже. Суть не в этой аргументации и не в ее форме, а в тех выводах, для которых эта аргументация нужна. У т. Бегеулова вывод тот, что Маркс исключительно теоретик, а Ленин — тактик. А у тов. Троцкого? По сути тоже, но с соответствующей маскировкой и смягчением.

Наивный КУТВ-овец прямо пишет:

«Не случайно, что теория Маркса в его эпоху не претворялась в жизнь».

А тов. Троцкий ему вторит более осторожно:

«Но при жизни Маркса, в эпоху I Интернационала, затем во время II Интернационала была ли возможность использования марксизма движением рабочего класса полностью и до конца? Нашел ли тогда марксизм подлинное воплощение в действии? Нет, не нашел».

Итак, тов. Троцкий «в отвлеченной формулировке» согласен с тем, что у Маркса теория и практика шли «рука об руку». Но он имеет свое «но» для защиты Бегеулова. «Воплощение в действии» марксизма самим Марксом было, оказывается, не «подлинным». Маркс не «использовал марксизма» «полностью и до конца».

К чему эти новые «выкрутасы», которые только запутывают вопрос в головах слушателей и читателей речей т. Троцкого?

Для проверки «подлинности» или «неподлинности» марксистского действия существует, на наш взгляд, один единственный правильный и точный критерий: соответствие этого действия интересам пролетариата.

Марксизм есть теория подлинно-пролетарского революционного действия во всякой обстановке, независимо от масштаба и от условий, в которые это действие заключено историческими рамками эпохи или страны, независимо от тех форм борьбы, которые приходится применять. Теорию марксизма-ленинизма применяют к действию коммунисты, «определяют ли они судьбы страны» или мира, или руководят подпольными группами—в Европе, Америке или Индии, выступают ли в парламенте, или совершают пролетарский переворот. Действия коммунистов всегда есть подлинное воплощение теории Маркса и Ленина в жизнь,—конечно, если коммунисты не делают ошибок.

Тов. Бегеулов безбожно спутал два различных вопроса: частный вопрос о масштабе и формах революционного действия пролетариата и общий вопрос о соотношении теории и практики в марксизме и ленинизме. Вместо того, чтобы распутать эту путаницу, тов. Троцкий сам в ней завяз, сочинив теорию о «подлинном» и «неподлинном» «воплощении марксизма в действии». Неподлинное «воплощение» есть ошибка или оппортунизм. Вне этого значения слова о «подлинности» марксистского действия не имеют никакого марксистского смысла, оставаясь пустой фразой.

Точно такой же «выкрутас» представляет собой выражение об «использовании марксизма полностью и до конца».

Почему в пролетарском перевороте, в этом «решающем историческом действии», марксизм используется «полностью и до конца», а до переворота (или после него) нет?! Может быть тов. Троцкий хотел выразить мысль о более полном, чем при Марксе, овладении теорией со стороны рабочих масс в наше время? Но тогда при чем тут «до конца»,—разве в нашу эпоху уже не осталось рабочих, не овладевших теорией Маркса? Ничего, кроме фразы, которой т. Троцкий прикрывает неверные положения других, здесь нет. Сказать «полностью и до конца» тем более было неуместно, что мы привыкли все, что использовано «полностью и до конца», выбрасывать вон, как вещь устаревшую и не годную. Вряд ли тов. Троцкий хотел так сказать, но ведь так у него вышло.

Не вытекает ли из всего сказанного т. Троцким, что вся история большевизма до Октября 1917 года является также не «подлинным воплощением марксизма в действии»? Такой вывод заставляет делать логика, ибо до Октября, ведь, Ленин не был «автором Октябрьского переворота», партия большевиков еще не правила страной, а Коминтерн не «решал судеб» мира. Значит ли это, что партия не использовала марксизма «полностью и до конца» вплоть до того момента, когда в нее вступил т. Троцкий? Теоретические выкрутасы тов. Троцкого попадают аккуратно «в паз» его политическим выступлениям. Теория у него весьма «честно» служит практике...

В конце приведенной нами выше цитаты из речи т. Троцкого оратор дает режущую слух, явно неверную формулировку, определяя ленинизм, как «теорию, совпадающую с практикой»:

«Вы живете в политическом и идейном окружении ленинизма»... «вы эту совпадающую с практикой теорию впитываете в себя в Университете Трудящихся Востока».

Тов. Троцкий высказывается не где-нибудь, а перед студентами комуниверситета, «грызущими гранит науки», высказывается по поводу статей о теории и практике в ленинизме, которые ему были специально посланы ячейкой, со специальными отметками, иначе говоря, с просьбой высказаться именно по данному вопросу. Случайна ли, в таких условиях, обмолвка тов. Троцкого? Вряд ли она случайна!..

Теория и практика в ленинизме находятся в диалектическом единстве, которое так удачно схвачено в определении ленинизма, как «теории революционного действия». Но единство не есть

тождество, не есть «совпадение». Теория ленинизма ни в каком случае не «совпадает» с практикой, отнюдь не растворяется в ней.

Кстати, это выражение выдает тов. Троцкого и с такой стороны: согласится ли он его распространить и на марксизм? Если нет, то, очевидно, для тов. Троцкого марксизм и ленинизм по существу не одно и то же. Если да, то ему придется пересмотреть то его утверждение, что марксизм при Марксе, якобы, не находил «подлинного воплощения в действии», ибо теория Маркса окажется «совпадавшей» с «действием» Маркса.

В общем контексте всего разобранного нами, в сопоставлении с отзывом т. Троцкого о «книгах» Ленина и пр., фальшью звучат и слова т. Троцкого, что «Ленин пришел» «не для того, чтобы изменять марксов закон, а для того, чтобы исполнить его». Тов. Троцкий здесь говорит, что Ленин не искажал «марксова закона», и в этом т. Троцкий прав. Но исполняя марксов закон, Ленин ведь «собирал» его «заново и в новых условиях», а это значило, что он развивал «марксов закон» и в этом условном смысле «изменял». Когда же «исполнение» и «изменение» закона противопоставляются одно другому («не»,—«а»), то,—повторяем, в общем контексте всей речи,—приходится и эту формулировку признать неудовлетворительной. Выступая перед комвузовцами и касаясь, по их предложению, вопроса о теории и практике в ленинизме надо было говорить не так и не то.

Подведем краткий итог. Тов. Троцкий умаляет значение книг Ленина. Теорию Ленина он об'являет «совпадающей с практикой», говорит, что Ленин «весь в революционном действии», что он только «исполнял» заветы Маркса. В этой части аргументация т. Троцкого бьет по Ленину.

Тов. Троцкий противопоставляет Ленина Марксу, об'являя практику Маркса не «подлинным» воплощением марксизма в действии, говоря о неиспользовании им своего учения «полностью и до конца». В этой части аргументы тов. Троцкого бьют по Марксу. Это есть, по сути дела, аргументация, которая обосновывает понимание ленинизма, как «марксизма в действии».

Убедительным доказательством в пользу этого служит тот факт, что тов. Троцкий на собрании слушателей КУТВ-а выступил по этому вопросу, прикрывая и смягчая то неверное положение, высказанное в газете КУТВ-а, будто бы марксизм есть теория, а ленинизм—тактика и стратегия.

3. Маркс и учение Ленина о демократической диктатуре.

До сих пор мы почти не задевали политических споров с Троцким, которые только что вела партия. Сейчас мы из области этих политических споров приведем пример, который покажет конкретную «смычку» с политикой того неверного понимания ленинизма, которое обнаруживает тов. Троцкий.

Как раз в теоретической постановке вопроса о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, вопроса, который стоял в центре споров о «перманентной революции», Ленин сделал шаг вперед по сравнению с тем, что сказал Маркс. Товарищ же Троцкий, выступая против Ленина, делает попытку прикрыться именем Маркса.

В брошюре «Новый курс» он пишет:

«Что касается теории «перманентной революции», то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что я писал по этому поводу в 1904—5—6 годах и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени. Термин перманентная революция есть марксов термин, которым он пользовался по отношению к революции 48 года. В марксистской литературе, разумеется, не в ревизионистской, а в революционной, термин этот всегда располагал правами гражданства» (стр. 51).

Маркс в марте 1850 года, действительно, говорил, что задача пролетариата в европейской революции состоит в том, чтобы сделать революцию «непрерывной». Перечисляя требования демократических мелких буржуа (уменьшение расходов на бюрократию, перераспределение налогов, облегчение для мелкого капитала, законы против ростовщичества, полное устранение феодализма в деревне, ограничение права наследования, демократический государственный строй и проч.), Маркс писал:

«Но эти требования никак не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большого числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключается в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев».

Мысль о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, в той общей форме, в какой она выражена здесь Марксом, была у него взята Лениным целиком и полностью. Но эта мысль была Лениным не просто взята, как нечто «застывшее» у Маркса, но и развита. То новое, что внес Ленин в развитие мысли Маркса о перерастании одной революции в другую, есть учение о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Этого учения, в том виде, как оно имеется у Ленина, у Маркса мы еще не находим. Что Ленин здесь сделал несомненный шаг вперед, конечно, по пути Маркса, на это указывал сам Ленин. Так, в 1905 году, в статье «О временном революционном правительстве» («Статья первая». Соч. т. VI, стр. 214—215), споря с меньшевиком Плехановым, защищая учение Маркса от меньшевистских извращений, Ленин писал:

«Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряблым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы минимум от программы максимум. Если же делать это различение (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социали-

стов-революционеров»), то надо особо разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно»...

«Маркс и Энгельс в 1850 году считали социализм близким и потому не дооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными в виду несомненной победы мелко-буржуазной демократической партии. 25 лет спустя, в 1875 г., Маркс указывал на недемократический строй Германии—«абсолютизм обшитый парламентскими формами». 35 лет спустя, в 1885 году, Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелко-буржуазной демократии при грядущем европейском столкновении»... «Если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного демократического строя, то они тем больше значения придавали бы демократической диктатуре пролетариата и крестьянства (курсив наш, двойной курсив—Ленина. В. А.) в целях упрочения республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм».

В подтверждение слов Ленина об ошибке, которую в оценке европейских революционных перспектив допустили Маркс и Энгельс в 1848—50 г.г., приведем признание самого Энгельса. Во «Введении», которое Энгельс в 1895 году написал к историческим работам Маркса, сказано следующее:

«Когда разразилась февральская революция, все мы в своих представлениях об условиях и ходе революционных движений находились под властью прежнего исторического опыта, особенно опыта Франции. Как раз она господствовала над всей европейской историей с 1789 года, из нее же и теперь исходил сигнал к общему перевороту. Само собой понятно и неизбежно, что наши представления о природе и ходе «социальной» революции, провозглашенной в Париже в феврале 1848 года,—революции пролетариата,—были сильно окрашены воспоминаниями о ее прототипах 1789—1830 годов. А когда парижское восстание нашло себе отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина, когда вся Европа, вплоть до русской границы, была вовлечена в движение, когда, затем, в июне произошла в Париже первая большая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда самая победа буржуазного класса настолько поколебала положение буржуазии во всех странах, что она снова бросилась в об'ятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции,—тогда, принимая во внимание обстоятельства того времени, для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательной победой пролетариата».

И далее:

«В третьей статье Маркса показано, как развитие буржуазной республики, возникшей из «социальной» революции 1848 года, сосредоточило весной 1850 года действительное господство в руках буржуазии, вдобавок, монархически настроенной. Все другие классы общества, крестьяне и мелкие буржуа, сгруппировались вокруг пролетариата, так что в случае общей победы не они, а умудренный опытом пролетариат должен был сыграть роль решающего фактора. Неужели всего этого было мало, чтобы питать полную надежду на поворот от революции меньшинства к революции большинства»?

«История показала, что мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте далеко еще не достаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства» (курсив наш. В. А.).

Говоря далее, что могучая социалистическая интернациональная армия пролетариата возникла лишь на основе последующего развития европейского капитализма, Энгельс заключает:

«И если даже эта мощная армия пролетариата все еще не достигла своей цели, если она, далекая от того, чтобы добиться победы одним (курсив Энгельса) сильным ударом, принуждена медленно пробиваться вперед, суровой, упорной борьбой отстаивая позицию за позицией, то отсюда, с полной несомненностью, вытекает, до какой степени невозможно было в 1848 году достигнуть социального преобразования просто посредством внезапного падения» (М. и Э. Соч., т. III, стр. 2 и 12).

К вопросу о «незрелости пролетарских стремлений того времени» Энгельс возвращается и в последующем изложении своего «Введения». На примере Парижской Коммуны 1871 года, между прочим, говорит он,—«выяснилось, до какой степени и тогда, двадцать лет спустя после времени, изображенного в издаваемой работе, невозможно было господство рабочего класса».

Подведем итоги. Творцы научного социализма открыто признали свою ошибку, сделанную ими в 1848—50 годах. Ошибка состояла в недооценке тех сил и способностей к расширению, какими тогда еще обладал европейский капитализм. Отсюда их «недооценка демократических завоеваний», как выражается Ленин, отсюда не различение ими программы-минимум от программы-максимум. Отсюда и не различение ими социалистической диктатуры пролетариата и демократической диктатуры.

Для Ленина, который брал учение Маркса не как застывшую догму, а как теорию революционного действия, было ясно, куда должна была «расти» эта теория: из признания за капитализмом исторического будущего неизбежно вытекало и различение двух программ, и различение двух диктатур. Это Ленин и выполнил, следуя целиком и полностью духу и сути учения Маркса, развивая это учение.

Для Троцкого эти дух и суть учения Маркса остались чуждыми. Мы оставляем сейчас совершенно в стороне то обстоятельство, что тов. Троцкий самую мысль Маркса о непрерывном развитии революции исказил и применил к движущим силам русской революции неправильно,—на это уже указывалось в дискуссии. Здесь мы подчеркнем лишь, что т. Троцкий, помимо этого, общим фронтом со всеми меньшевиками, отвергает учение Ленина о демократической диктатуре. Маркс этой диктатуры не выдвигал, у Маркса об этом не было сказано,—этого достаточно для меньшевиков, чтобы отвергать большевистское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Тов. Троцкий упрекал учеников Ленина в якобы «догматическом» отношении к ленинизму и его традициям. Однако, в действительности, в самом коренном вопросе своих тактических воз-

зрений он сам показал действительно (а не—«якобы») **догматическое** отношение к Марксу.

Ленинизм **развил** учение Маркса, а не просто «взял» его в застывшем виде. Вот почему вносят вредную путаницу всякие попытки изобразить ленинизм, как простое «применение к действию» учения Маркса.

4. Теория партийного единства без единства партийной теории.

В умалении т. Троцким теоретических заслуг и значения «книг» Ленина имеется политическая цель: облегчить подстановку своей, троцкистской, оценки движущих сил революции на место оценки ленинской, большевистской. Но, кроме того, в умалении роли ленинской теории сказывается и глубокая старая ошибка тов. Троцкого, заключающаяся в **принижении роли теории в рабочем движении.**

До 1917 года тов. Троцкий был открытым противником ленинизма. Но, защищая свою особую линию поведения, считая себя доподлинным марксистом, он органически не был в состоянии правильно поставить и разрешить общий вопрос о роли марксистской теории в движении рабочего класса. Это проверялось, в первую очередь, на отношении Троцкого к партии, как к носителю теории в рабочем движении и инструменту революционного действия пролетариата. Питаясь эклектизмом, сочетая в своей линии обрывки меньшевизма и большевизма, внутренне не связанные между собой, не владея марксизмом, как **единой и целостной** теорией революционного действия, Троцкий не был в состоянии не только создать свою партию, но даже сплотить вокруг себя сколько нибудь значительную и устойчивую группу единомышленников. Не понимая действительных причин своих шатаний и одиночества, заключавшихся в неверных и эклектических теоретических воззрениях, Троцкий в оправдание своих шатаний создал **целую философию партийного единства без единства партийной теории.** Это и есть троцкистский взгляд на партию, как на **сумму идейных течений**, уживающихся в общих организациях («живи, и жить давай другим»,—по меткому определению В. И. Ленина).

Эта философия очень ярко сформулирована тов. Троцким в его выступлении на Лондонском (V) с'езде партии по вопросу о порядке дня. Большевики спорили с меньшевиками о том, нужны ли в повестке с'езда «принципиальные вопросы»—о текущем моменте, характеристика данной полосы в развитии революции и пр. Меньшевики и с ними т. Троцкий были против «принципиальных» теоретических дебатов на партийном с'езде, большевики—за. Тов. Троцкий приводил тогда следующие доводы:

«**Единство политических действий, вопреки мнению Алексинского,** (тогда большевика. В. А.) **возможно при разнообразии идей.** Да и как же иначе? Ведь в противном случае политическая деятельность стала бы вообще немыслимой».

Речь идет, разумеется, о политической деятельности в рамках **одной** партии, а не о блоках и компромиссах с другими партиями. Троцкий защищает «разнообразие идей» внутри организационно-единой партии.

«В основе нашего единства действий,—продолжает он,—лежит единство об'ективных отношений и прежде всего **единство классовой борьбы.** Вся мудрость наша на с'езде должна состоять в том, чтобы суметь от этого об'ективного единства фактов **через разнообразие суб'ективных воззрений притти к единству политического действия».**

Троцкий здесь не понимает, что **единство** пролетарской классовой борьбы выражается и выковывается именно через посредство **единой теории**, никак не иначе, никак не «через разнообразие суб'ективных воззрений». В последнем случае классовая борьба **теряет** свое единство, переставая быть подлинной **классовой** борьбой пролетариата.

«Вы боитесь,—спорил дальше Троцкий с большевиками,—что не сумеете на политических вопросах развернуть ваши разногласия. А я говорю: это лучшее для них испытание. Если ваши разногласия имеют какую-либо цену, они должны **сказаться в обсуждении того, как и что партия** должна делать».

То-есть, помалкивайте об общей теории, обсуждайте от случая к случаю практические политические вопросы, ждите, пока ваши принципиальные разногласия не скажутся непосредственно на практике. Это есть философия «делячеческого» оппортунизма.

«**Вы боитесь** и иные из вас это прямо говорят, **что на вопросах политики не сможете об'яснить массам,** почему собственно вы существуете, как две фракции, неустанно терзающие партию. **Но если вы этого не об'ясните на вопросах политики, то массы вас никогда не поймут».**

Читая последние слова, неожиданно и невольно как бы врезаешься в недавнюю обстановку. Немногочисленные защитники Троцкого в протекшей теоретической дискуссии (преимущественно одиночки из вузов) аргументировали как раз так: «зачем вы идете в массу с отвлеченными теоретическими разногласиями, масса вас не поймет»! Пока эти принципиальные разногласия не «сказались в обсуждении того, как и что партия должна делать», этим разногласиям—де грош цена.

Но послушаем дальше речь т. Троцкого в 1907 году:

«**Пока события не пред'явят спроса на ваши разногласия, они сохранят бумажно-литературное, в лучшем случае марксистско-педагогическое значение. Ждите событий, если верите в жизненность ваших фракций».**

Положительно, недавние защитники Троцкого говорили точь в точь то же самое: разногласия ваши «бумажно-литературные», споры ваши имеют «марксистско-педагогическое значение», а значит они и не могут привести к решительным политическим и организационным выводам,—подождите, пока Троцкий сделает новые практически-политические ошибки, тогда и выступайте перед партией с обличениями Троцкого и пр., и т. п. Ошибок, которые тов. Троцкий уже делал столько раз после Октября, им было недостаточно.

Тов. Троцкий представляет особое идейное **течение** в партии, из ошибочной теории которого **вытекают с неизбежностью** и практические ошибки. «Ждите событий»,—на прак-

тике это означает—не разоблачайте перед партией вредную теорию, дайте возможность внутри партии идейно (а значит и организационно, это неразрывно) оформиться мелко-буржуазному уклону, закройте глаза на формирование кадров идеологов мелкой буржуазии внутри партии, до тех пор, пока они не переносят своей борьбы в плоскость практической политики дня. Ведь мы сейчас сильны,—чего же нам бояться пропаганды какого-то чуждого течения в партии, пока оно не проявляет себя в практике, пока оно «отмалчивается» по практическим запросам дня?..

Но ведь потому это течение и отмалчивается, что мы сейчас сильны, а заговорит оно по практическим вопросам в том случае, если мы будем слабы, если на каком-либо историческом повороте в момент кризиса (а кризисы, по всей вероятности, впереди будут еще не раз) перед партией встанут опасности,—в первую очередь опасность быть захлестнутой мелко-буржуазной стихией. Таково свойство мелко-буржуазных идеологов—отражать колебания мелкой буржуазии.

Вот почему мы не можем в подобных вопросах «ждать событий». Партия должна была решительно выступить против чуждого течения в его идейных основах, взять его с теоретических корней и выдернуть из обихода внутри-партийного общественного мнения.

И партийная масса великолепно разобралась и поняла самое основное в теоретической дискуссии, ни на йоту не оправдав тех, кто по троцкистским прописям 1907 года (и по-хвостистски) ссылался на неспособность массы понять «сухой» и «отвлеченный», якобы «схоластический» теоретический спор. Масса, может быть, разобралась не во всех тонкостях, но она глубоко поняла практическое, жизненное значение спора о таких «тонких» вещах, как перманентная революция.

В итоге дискуссии, глубоко в массу проникла мысль о единстве партии на основе ленинской, и никакой другой, теории. Новые большие пласты партийцев-середняков поднялись к овладению основами ленинской теории. В этом вернейший залог единства партии.

Партия с «разнообразием идей» превратилась бы в рассыпанную храмину при первом же серьезном испытании, на первом же историческом перевале. Никакая формальная дисциплина не смогла бы спасти такую партию. Но партия с единой ленинской теорией—есть партия, имеющая свой становой хребет, и единство действий во всякой сложной обстановке для нее обеспечено в максимально-возможной степени.

5. О практических следствиях эклектической теории.

Эклектизм, отсутствие монизма (внутреннего единства) в воззрениях тов. Троцкого обрекают его на особую, специфическую роль в истории нашей партии. Будучи неспособным создать устойчивое массовое течение или партию, тов. Троцкий в высшей степени пригоден в роли прикрытия для самых разнородных оппортунистических и полуоппортунистических элементов, которые «при разнообразии идей», тем не менее, вполне способны на кратковременное об'единение, на блок с целью какого-либо непосредственного практически-политического действия. Достаточно привести, в подтверждение этого, исторические примеры: в августе 1912 г. тов. Троцкий прикрывал ликвидаторов; в 1923—24 годах выступил во главе разношерстной оппозиции против ЦК партии, состоявшей из остатков «левого коммунизма» «демократического централизма», «рабочей оппозиции» и т. д.; то же, примерно, было и в дискуссии 1921 года.

В этой особой способности т. Троцкого прикрывать собой разнородные (на первый взгляд, а на деле однородные по своей мелко-буржуазности) элементы скрыта специфическая опасность ошибок т. Троцкого для нашей партии. Политический деятель,—недаром эти слова Ленин говорил в 1921 году в дискуссии с Троцким!—отвечает не только за свои действия, но и за поступки руководимых им. Тов. Троцкого, именно вследствие его взглядов на партийное единство, игнорирующих роль единой теории, можно об'ективно правильно оценить с точки зрения партии только в том случае, если не ограничиваться в своем суждении вопросом о том, что предлагал тогда-то и тогда-то сам Троцкий, а включая в свою оценку и те последствия, которыми его выступления сопровождались, те «круги», которые разбегались каждый раз вокруг т. Троцкого, словом,—взяв тов. Троцкого в известной идейной «компании». Только тогда мы поймем настоящие размеры вреда, который тов. Троцкий наносил и может нанести партии в случае его новых ошибок.

Мелко-буржуазные элементы нашей страны в их колебаниях, когда эти колебания бывают направлены против диктатуры пролетариата и идут в сторону интересов буржуазии, в конечном счете ни на что иное не способны, кроме как на то, чтобы быть ступенькой, мостками к победе буржуазной контр-революции. Мелко-буржуазная стихия способна разрушать, а не строить,—для последнего необходимо руководство и главенство в стране либо буржуазии, либо пролетариата.

В деле разрушения пролетарской диктатуры могут сомкнуться на короткий срок для определенных «практических задач» самые разношерстные мелко-буржуазные элементы и в стране, и внутри партии с тем, чтобы этот «блок» распался в дальнейшем ходе классовой борьбы. В предвидении полной возможности мелко-буржуазных колебаний в будущем, мы, поэтому, заранее должны обеспечивать партию от различных «переходных мостков» в ее среду из мелко-буржуазного и мещанского болота.

В мелко-крестьянской стране, в условиях внешнего капиталистического окружения диктатура пролетариата может существовать и побеждать только при условии полной идейной однородности, полного единомыслия по основным вопросам в партии пролетариата и в ее руководящем штабе. Понять эту практическую, на опыте ясную истину значит подойти правильно и к такому коренному в ленинизме вопросу, как вопрос о соотношении теории и практики в нем.

Д. Марецкий.

Идейные блуждания социал-предательства.

(Теория конструктивного социализма).

Если военную и послевоенную эпоху развернуть в большой исторической перспективе, то даже для невооруженного специальными познаниями глаза окажется заметным, что эпоха эта обладает рядом особых характеризующих признаков. Не перебирая эти характеризующие моменты, подчеркнем лишь, что империалистический капитализм новейшей формации осуществляет свой исторический поступательный ход в совершенно исключительной обстановке. Своеобразный «дух времени» витает в истории нынешнего дня, в современной экономике, в современной социальной жизни, политике, идеологии. Всякий чувствует, что эпоха носит какой-то «поворотный» характер, что происходят какие-то сдвиги, что исторический процесс выливается из своего нормального «органического» русла, что он становится особенно бурливым, нервозным. Вся общественная жизнь приобретает лихорадочный темп, все социальные процессы небывало ускоряют свой ритм, всякие перемены проходят резче, круче, чаще и вся эта, бешеным хороводом мчащаяся, социальная система пронизывается несомненными и все усиливающимися тенденциями распада. Идеологически это выражается в острой потребности непрерывно «переоценивать ценности», по-новому располагать исторические «вехи»[1]), измышлять новые перспективы, наспех составлять всевозможные планы «спасения» и «оздоровления». На сцену выступают теоретические «толковники», которые фиксируют происходящие сдвиги; как грибы появляются всякого рода прожектеры валютных дел кудесники, составители грандиознейших рецептов, вытаскиваются на свет 14 пунктов Вильсона, планы Дауэса, а на мистических задворках где-то колдуют волхвы-прорицатели типа Шпенглера, узревшие звезду Вифлиемскую на берегах Ян-Цзы-Цзяна.

В эту эпоху не дремлет и величайшая производительная сила современного человечества—не дремлет международный рабочий класс. В толщах международного пролетариата происходят

[1]) В самое недавнее время известный немецкий профессор Шульце-Геверниц в одной из своих статей, посвященных вопросу о передвижении „центра тяжести“ в мировом хозяйстве сделал такую прокладку „вех“ в экономической истории: 1) эпоха античная—до битвы при Марафоне; 2) эпоха европейская—от Марафонского сражения до Версаля и 3) американская, современная, когда значение Европы становится все более „антикварным“. Впрочем, практическая тенденция такого „вехостроительства“ почтенного профессора состояла в том, чтобы от творцов „эпохи“ из Уолл-Стрита получить максимум послаблений для бедной „антикварной“ Германии.

огромнейшие массовые сдвиги. Массы смотрят на происходящее уже по иному, не так, как смотрели до войны: их психика реорганизуется, они выступают с новыми требованиями, на их знаменах—новые лозунги, они становятся активнее, более дерзновенными, более «требовательными». В разной степени, с разной силой, но эти сдвиги массовых настроений налицо во всех странах. Повышенная активность рабочих масс проявляется в двух направлениях.

Во-первых, становятся в порядок дня, актуализируются социалистические проблемы. Вопросы социализма из области далекого идеала переносятся в область повседневной борьбы и практического осуществления.

Во-вторых, в ряде стран мы наблюдаем резкое изменение отношения рабочего класса к вопросам политики. В особенности это касается таких руководящих государств, как Англия и Соединенные Штаты. И в британском и в американском рабочем движении, в силу своеобразного сплетения экономических и социально-исторических условий, десятилетиями держались настроения стихийного «экономизма», замкнутого цехового трэд-юнионизма, аполитичного профессионализма, принципы «нейтральности» и равнодушия к проблеме политической власти. Благодаря таким принципам «невмешательства», политика целиком находилась в руках господствующих классов. Так называемая «двухпартийная» система в течение весьма длительного исторического периода заполняла все содержание политической жизни обоих стран. Вопрос ставится так: кто станет у «кормила правления»: виги или тори, позднее либералы или консерваторы в Англии; республиканцы или демократы в Америке; другими словами, те или иные группы эксплоатирующих классов—иных дилемм долго не знали английские и американские избиратели. И здесь поворотное десятилетие провело глубокую борозду. «Двухпартийная» система отживает свое время и уступает место «трехпартийной». Стихийный напор масс выталкивает «рабочие партии» на широкую политическую арену, рабочий класс понемногу освобождается от своих буржуазных гувернанток, начинает, плохо ли, хорошо ли, играть роль «самостоятельного» фактора, вопрос о «своей» власти становится обыденной темой политических разговоров. В столь спесивой своими «двухпартийными» традициями Англии рабочий класс в течение 8 месяцев уже вкушал,—без особого аппетита, впрочем,—лакомства «своей» власти, а в Соединенных Штатах переход к «двухпартийной» системе ожидался уже перед последними выборами, исход которых наглядно показал лишь, что еще ждать придется не особенно долго. «Социалистические партии у власти» факт, который, конечно, нельзя переоценивать, делать «перлом создания» и видеть в нем начало «врастания в социализм», как это силятся представлять гг. Каутские и Гильфердинги—опыт подтвердил уже прогноз революционного марксизма, что, так назыв., «рабочее правительство» может превосходнейшим образом функционировать на правах «Исполнительного Комитета» класса капиталистов,—но с другой стороны, нельзя недооценивать этот факт как исторический симптом. Так или иначе, получая свое первое политическое крещение на реформистских иллюзиях,—но пролетариат Англии и Америки начинает «конституироваться в класс», осознавать себя как носителя социалистического способа производства и замет-

но пробуждаться от вековой политической спячки. Тема для социологических трактатов предвоенного периода: «Почему нет социализма в Соед. Штатах», или почему так слаб социализм в Англии?—теперь благополучно может быть выброшена в сорную корзину и очистить место для вопроса: почему там еще так силен соглашательский социализм и так еще относительно слаб революционный коммунизм? И «социализм» и «политическая борьба» уже входят в плоть и кровь рабочего движения даже в обоих великих англосаксонских странах—о других мы уже не говорим. Бывшее дотоле отсталым, рабочее движение передвигается на целую историческую ступень выше, и переживает новый неизбежный этап на путях к своему «коммунистическому вызреванию». И, конечно, заправилы Второго Интернационала, вожди и «идеологи» не могли остаться и не остались безучастными зрителями описанных процессов. Чтобы сохранить за собой «руководство» пролетариатом, а только при этом условии они могут успешно выполнять свою социальную миссию: быть проводниками буржуазного влияния на рабочий класс—они должны были приспособиться к стихийным передвижкам в массах, активно вмешаться и дать этим передвижкам «надлежащее» оформление. Идя «навстречу» требованиям масс, социал-реформисты должны были поневоле пересмотреть свои былые программные, политические и теоретические доспехи, их максимально «осовременить» и только в таком старательном подновленном виде снова пустить в ход. Созерцательно-негодующая критика капитализма, лубочные картинки социализма, далекого, как небеса, беллетристические «вести ниоткуда» грозили превратиться в залежалый товар. Нужным стало подойти к проблемам социализма и власти вплотную, поставить их практически, дать назойливой массе нечто более осязательное, в pendant эпохе «перевооружиться» или сделать вид, что «перевооружаешься». И вот соглашатели начали спешно «перевооружаться». И Каутский и Бауэр, и дюжина других великих и малых теоретиков пишут программы «переходного периода», в которых детально раз'ясняют, комментируют, развивают линию экономического и политического поведения пролетариата, берущего власть и приступающего к реализации социализма, попутно напрягая все усилия, разумеется, чтобы отвести внимание масс от манящего призрака большевизма. Производящая в настоящее время, кое-какую шумиху «теория конструктивного социализма» также представляет собой один из образчиков фабрикации самоновейших «социалистических систем». С этой теорией связаны два очень известные всем имени. Первое имя—господин Рамзей Макдональд, второе—Виктор Чернов, старый эсер, испытанный ниспровергатель Маркса, злополучный министр земледелия при Керенском и ныне скромный пражский отшельник. Вникнуть в содержание произведенного обоими «политическими фигурами» крика моды и составит задачу настоящей статьи. Обе теории «конструктивного социализма» разберем в порядке их нисniспадающей политической важности: вначале возьмем г. Макдональда, а затем перейдем к г. Чернову.

* * *

Свои социалистические взгляды Макдональд подробно излагает в двух работах: «Социализм: критический и конструктивный (Socialism: critical and coustructive, London, 1921)[1]) и «Наша политика» (нем. перевод «Unsere Politik», Berlin. 1924.). Вторая работа, находящаяся в полном идейном контакте с первой, трактует вопросы практической политики, ее лейтмотив—доказательство возможности правительства рабочей партии, она специально ориентируется на непосредственную злобу дня. Напротив, первая книга содержит в себе систему «конструктивного социализма» в развернутом виде, со всеми соответствующими теоретическими и историческими экскурсами. В ней вы встретите и анализ прогресса, и определенное понимание общества, и краткую историю социализма, и исследование капиталистического и социалистического способов производства и распределения, и схему «политической конструкции», и «конструкцию» общества будущего в его завершенном виде. Нельзя сказать, к сожалению, чтобы четкость мысли и теоретическая глубина принадлежали к заслугам Макдональда. Поэтому мы находим у него массу недоговоренностей, неясностей, «открытых вопросов», на ряду с беспочвенными морализированными, обилием театральных жестов, ничего не говорящего по существу ораторского пафоса. Если отвлечься, однако, от ораторского начала, в творениях Макдональда, если несколько упорядочить его разбросанные по разным местам мысли, систематизировать его довольно бессистемную «систему»—то нам придется сосредоточиться вокруг трех основных разделов.

Всякая социалистическая доктрина должна покоиться на определенной концепции общества, логически выростать из такой концепции. Выяснить позицию Макдональда в этом вопросе, очертить сущность его социологических представлений—составит нашу первую задачу.

Всякая социалистическая доктрина, далее, вытекает из определенной критики капиталистического хозяйства. Выявить существо критики капитализма под «конструктивным» углом зрения, сопоставив ее попутно с критикой марксистской—такова наша вторая задача.

Наконец, всякая социалистическая доктрина достойная такой репутации, обязана обладать определенной программой действия, надлежащим позитивным планом, к претворению которого в жизнь она стремится. Поэтому, в последней части нашей статьи попробуем разобрать тот «конструктивный план социализма», который Макдональдом выдвигается.

1. Социология господина Макдональда.

Что представляет собой общество согласно конструктивной теории Макдональда? И выступает ли, вообще говоря, Макдональд с каким-нибудь своим особым понятием общества? Нет, социологом-новатором господин Макдональд не является. Социологические основы для теории конструктивного социализма, оказывается, давным давно были заложены в творениях Герберта Спэнсера. В чем же заключаются эти элементы спэнсеревской социологии, в готовом виде позаимствованные «конструктивным социализмом»?

[1]) „Конструктивный“ значит „созидательный“. „Конструктивный социализм“ употребляется, очевидно, как противоположность „деструктивному“, разрушительному, социализму, под которым разумеется обычно наш грешный коммунизм.

Спэнсер известен, как один из основоположников органической школы в социологии. С его точки зрения общество есть определенное единство, определенное органическое целое. Это органическое целое существует как система расчлененных, дифференцированных, взаимно дополняющих, координированных между собой функций. Каждый индивидуум, каждая группа людей, каждый общественный класс выполняют определенную адэкватную их позиции общественную роль. Этот момент—общество, как дифференцированное функциональное единство—дополняется у Спэнсера другой отличительной чертой: идеей так наз. эволюционного развития. Сущность этой эволюционной идеи,—возведенной Спэнсером в ранг универсального закона бытия,—состоит в том, что общественный организм развивается от элементарного, простейшего состояния к более сложному, дифференцированному. Прогресс общественной дифференциации выражается одновременно и в процессе интеграции, непрерывным сочетанием, об'единением в общее целое дифференцирующихся функций. В постоянном развертывании единства этих обоих процессов дифференциации и интеграции и заключается вся «формула» социального прогресса. Постулат общественного функционального единства у Макдональда находит свое моральное выражение в применяемом им повсюду критерии «всеобщего благосостояния» (Communal well-being) а принцип социальной эволюции служит ему средством для изобретения так называемого «Социалистического интеллектуального метода» («Socialist intellectual method»). В следующих словах формулирует сам Макдональд этот, столь громко аттестуемый им «метод». «Социалист», говорит он, «берет исторические факты так, как он их находит, но рассматривает их не как окончательные положения, но как условия, которые не являются неподвижными, потому что они заключают в себе импульсы, непрерывно модифицирующие эти условия, придающие им более законченное осуществление»[1]) и дальше... «он изучает ныне действующие тенденции и руководствуясь интересами всего общества он создает свои конструктивные предложения, основанные не на каких-либо абстрактных утопиях, принадлежащих к области свободного воображения, но на эволюции функций и учреждений своего собственного времени[2]). И «в этом духе», об'являет Макдональд, «пишу я»... Беря общественное производство в «экономическом аспекте» — кроме «экономического аспекта» Макдональдом в лошадиных порциях принимается и «моральный аспект»—он набрасывает такую схему экономической эволюции. На заре человеческого развития, как полагается, выступает фигура «дикаря». В его хозяйстве отдельные факторы производства—физический труд, разум, капитал—еще не дифференцированы, равно как не дифференцированы такие моменты, как производство, распределение и потребление. Дикарь употребляет еще собственный капитал, состоящий из лука и стрел—читатель видит, как знаменитая тень полковника Торренса вдруг за-

[1]) The Socialist takes historical facts as he finds them, but regards them not as final states but as condi ions that are unstable because they contain impuls s that are constantly modifying them by giving them a more complete fulfilment". Macd Socialism, 134.

[2]) Там же 135. „..he studies the tendincies now in operation and with the interest of the whole community as bis guide, he makes his constructive proposals founded not on any abstract Utopias which belong to the free imagination, but „on he evolution of functions and instatutions in his own time".

шмыгала в новейшем конструктивном облачении—дикарь сам для себя и рабочий, и управляющий, и капиталист, и сам для себя служит «рынком». В дальнейшем в силу «закона экономии усилий», происходит «дифференциация»: экономические функции разделяются, факторы распадаются, труд отделяется от капитала и от управления. Возникает вопрос, какому из разделившихся факторов впасть в «субординацию»,—который решается тем, что в «субординацию» впадает «слабейший» из факторов, т.-е. труд. От труда отделяются средства производства: феодализм производит безземельных работников, капитализм—лишенных собственности пролетариев. Капитал надолго становится господствующей общественной силой. Но нет ничего вечного под солнцем; старый крот эволюции продолжает славно рыть дальше и «социалистический интеллектуальный метод» постигает новые тенденции и новые «импульсы», направленные к изменению существующих условий. Труд перестает быть «слабейшим» фактором, усиливается культурно и морально, необычайно развивает свою организационную мощь, об'единяется с «фактором», выполняющим функцию «управления» (management), привлекает на свою сторону интеллигенцию. Наоборот, экономические функции капитала суживаются, он уже не способен гарантировать «всеобщее благосостояние» и совершенствовать производство и без всякого революционного переворота он отмирает, вынужденный уступить место новой общественной системе. Совершенно понятно, конечно, что Макдональд будучи эволюционистом «отрицает» катастрофы и является противником теории классовой борьбы. Эту последнюю, равно как и материалистическую философию, он считает «континентальным» навождением[1]). Принцип классовой борьбы идет вразрез с принципом «всеобщего благосостояния»; поэтому разжигание классовых страстей социально опасно и нездорово, тем более, что благосклонная история сама мирно катит свои воды на мельницу конструктивного социализма.

Эволюционная социология Спэнсера—Макдональда настолько знакома марксистской критике, что останавливаться на ней подробно не имеет смысла. Напомним лишь про ее наиболее «вопиющие» дыры. Конечно, общество есть нечто цельное, определенная система. Но общественное единство, за которое цепляется спэнсеревская социология есть только половина правды. Другая половина истины—и более существенная—заключена в самом характере, в типе этого единства. Тип единства неодинаков для различ-

[1]) „В то время как континентальный социализм есть продукт догматического материализма с его руководящей идеей классовой борьбы, у нас лейтмотивом социалистической мысли, которая была направлена на благо общего, было общечеловеческое". (Während der kontinentale Sozialismus ein Produkt des dogmatischen Materialismus mit seiner Leitidee des Klassenkampfes ist, war bei uns das al gemein Menschliche das Leitmotiv des sozialistischen Gedankens, der auf das Wohl der Gesamtheit gerichtet war. Unsere Politik. S. 51). Выступая открыто против марксизма, материализма и теории классовой борьбы Макдональд ведет себя в тысячу раз честнее тех фарисеев „континентальной" социал-демократии, которые на деле, расставив повсюду „предательские" точки, продолжают еще ханжески цепляться за „марксистские" запятые. Что этому ханжеству грош цена, простодушно выбалтывает, между прочим, социал-демократический издатель макдональдовской книжки, который в предисловии к ней говорит, что от формулы Макдональда, берущей „политические конфликты" как внутриобщественную борьбу „между вечным ростом и отмирающими останками прошлого", к теории классовой борьбы легко перекинуть соответствующий „мост". Недурный „мост" нечего сказать!

ных социальных систем. В одних обществах, будь то великая Коммуна будущего, будь то «ойкос» Родбертуса или фаланстер Шарля Фурье—мы имеем единство организованное. Другие общества—буржуазное в первую голову—представляют собой единство анархическое, «единство противоречий», единство, воспроизводящееся стихийно, несмотря на эти противоречия. Капитализм, например, есть единство противоречивых, ведущих между собой борьбу классов буржуазии и пролетариата, как бы ни выступал против теории классовой борьбы Макдональд. Что же касается пресловутой революционной формулы дифференциации и интеграции, то, во-первых, она в своей бесплотной универсальности и абстрактности бессодержательна [1]), а во-вторых, она неверна и фактически, поскольку односторонне берет случай «прогресса» и не учитывает тысячи и миллионы случаев и явлений, когда происходят процессы, обратные дифференциации и интеграции. Наконец, вздорна и нелепа эволюционная идея, что общество будто бы «не делает скачков» и что «катастроф» не существует. Легионы фактов, вся история человечества, беспрерывная цепь войн и революций звучат убийственной насмешкой над «антикатастрофальным» эволюционизмом. Мы еще увидим к каким беспросветным злоключениям приводит Макдональда его морально-эволюционное «отрицание» насилия и переворотов, а сейчас от Макдональда—социолога перейдем к Макдональду, как критику марксизма и как критику капитализма.

2. Критика марксизма и критика капитализма.

Как ясно уже из предыдущего,—Макдональд не зачисляет себя в «служители церкви Маркса». С марксизмом ему не по дороге. Единственно приемлемой для себя марксистской «цитатой», цитатой, которой он придает, не без юмора, колоссальнейшее значение, это известное выражение Маркса: «благодаря богу, я не марксист» (Thank God, Jam no marxist»). Но если поистине «благодаря богу, Макдональд не марксист», то это не мешает ему на восьми страницах «критически» обосновать свое несогласие с марксизмом. Он это и делает, правда с большим конфузом для себя, ибо об об'екте своей критики у него оказываются отчаянно смутные представления. О «блеске» его эрудиции в области марксизма, пусть судит сам читатель по некоторым его собственным «высказываниям».

Маркс очень известная в мире персона, не меньше чем Христос и Магомет, признает Макдональд. (В устах христианнейшего Макдональда это должно звучать, конечно, как необыкновенно высокий комплемент).

Значение Маркса заключается однако не больше и не меньше как в том, что он «скомбинировал идеализм Годвина с горьким опытом Чарльсхолла и при помощи амальгамы того и другого вызвал историческое движение. Но это не было новым евангелием [2]). (He combined the idealism of Godwin and the bitter experience of Charles Hall and by'an amalgamation of the one and the other he produced a historical movement. Socialism, 49).

Неужто в этой дикой «амальгаме» значение Маркса? Куда же девался «Капитал», предисловие «К критике» и т. д., спросим мы Макдональда. На это Макдональд категорически ответствует: «Ценность его (т.-е. Маркса Д. М.) экономических теорий более чем сомнительна, в том же самом положении его историческая философия» (The validity of his economic theories is more than doubtful; his historical philosophy is in the same position, Soc. 48).

Хотя Макдональд не дает себе труда, впрочем, как нибудь подкрепить свои «сомнения» в «ценности» марксизма,—по ряду косвенных признаков легко очень умозаключить об их основательности. Например, он того мнения, что Маркс вообще «плагиировал» английских экономистов—мнение, свидетельствовавшее о том, что он «вообще» не понимает ни Маркса, ни английских экономистов. В частности, он считает, что Маркс заимствовал у Адама Смита тезис о труде, как «источнике всякого богатства»,—взгляд наивно приписывающий Марксу суеверия, разоблаченные уже Виллиямом Петти с его формулой: труд—отец богатства, земля его мать. Категорию «прибавочной ценности» (surplus value) он опять-таки считает сомнительным сокровищем, похищенным у Томпсона, т.-е. верит в бесцветную басню, пущенную в оборот Менгером. Макдональд свободен поэтому от подозрений, что он знает о существовании «Теорий прибавочной ценности» и ему невдомек, конечно, что «открыть» прибавочную ценность и не уметь с ее помощью об'яснить законов прибыли—и было тем, на чем застряла вся классическая экономия в противоположность Карлу Марксу. Не вникая в такие гигантские «детали», не мудрено, разумеется, что он отважно грешит и утверждениями в роде того, что Маркс был сторонником «Iron Law Wages»—железного закона заработной платы и т. п. Но не будем дальше тревожить Макдональда справками на счет действительных начал марксистской политической экономии. Поинтересуемся лучше его собственными «сооружениями» на месте «свергнутого кумира». Чем он заменяет «сомнительную историческую формулу Маркса «экономический детерминизм» нам уже известно. Не менее плачевно обстоит дело с его экономической критикой капитализма. Исторический переходящий характер категории капитала лежит за пределами его сознания: капитал для него существует как и при капитализме», так и в античном мире—мы не упоминаем здесь вновь о его подозрительном сообщеничестве с полковником Торренсом. Касаясь капитализма «настоящего», в его реальном социально-историческом существе, критика Макдональда, там где она правильна—ничего нового не прибавляет к поруганной им критике марксистской. Капитализм несет с собой стачки, безработицу, всякое расточение общественной энергии и производительных сил, промышленные кризисы, которые Макдональд выводит прямо из анархичности хозяйства и из спекулятивных замашек крупных буржуа, преступно не внемлящих гласу «всеобщего благополучия». Капиталистический аппарат конкуренции не в силах гарантировать всеобщего благополучия и если он в новейшее время заменяется или вернее ограничивается аппаратом «комбинаций», монополий, синдикатов и трестов—капитализм есть не конкуренция, а комбинация, горделиво повторяет чужие слова Макдональд—даже новейшие капиталистические «комбинации» не

[1]) Известно, как издевался над этой формулой В. И. Ленин.

[2]) Пусть не удивляется читатель особенностям „терминологии". Как на парламентской трибуне, так и в своих „научных" работах Макдональд неизменно перебирает имена всех известных ему пророков, а словечко „пилигрим" он произносит даже с каким-то особым сладострастием.

способствует общему благу поскольку руководство ими целиком находится в руках капитала, антисоциально взвинчивающего, при каждом удобном случае, цены на товары на страх массовому «потребителю». Крайне мало «эффективен» капиталистический способ распределения. Этот способ распределения Макдональд понимает в двояком смысле. Во-первых, как распределения богатства земли и капитала между классами, распределение «несправедливо» отдающее непроизводительным паразитическим элементам все большую часть, вопреки убывающему значению их социальной «функции». Во-вторых, неэффективен и расточителен способ распределения благ (goods) между людьми через механизм рынка. Несовершенство и «расточительность» стихийного рыночного распределения он поясняет на целом ряде иллюстраций. Необыкновенно трогательно рассказывает он, как глядя «в окно» на одну из шумных улиц огромного Лондона, он поражается непродуктивной растратой времени и энергии продавцов молока (milkmen) целой вереницей снующих по городу. При этом он не замечает, как в лице бедных молочников он «бичует» не капитализм, но лишь допотопное ремесло.

Капиталистическая система производства также давно отжила свой век перед лицом императива «высшего блага». В главе «Капитализм и производство» Макдональд следующим образом демонстрирует смертный грех капиталистической системы. Он сопоставляет две цифры: число работающего населения Англии—с одной стороны и сумму ее национального дохода с другой. Доля общественного дохода—несмотря на стремительный рост техники, которым характеризовались последние десятилетия—доля, приходящаяся в среднем на душу населения в результате оказывается чрезвычайно низкой. Причину этого Макдональд усматривает с одной стороны, в большом распространении паразитического потребления господствующих классов, а с другой, в большой массе непроизводительного труда, растрачиваемого капитализмом.

Мы извиняемся если возьмем здесь несколько пространный, но весьма красочный и характерный для теоретической физиономии Макдональда, приводимый им пример. Представим себе, рассуждает Макдональд, плотника, выполняющего двоякого рода работу: одну—на соседа—кузнеца, другую на лэндлорда, живущего исключительно на ренту. Изготовляя предметы потребления для кузнеца, как плотник производит богатство, которое в свою очередь производит богатство. Совершенствуя методы своей работы он не только удешевляет изготовляемые им столы и стулья, но и косвенным путем снижает и цены на подковы, являющиеся плодом усердия кузнеца. Наоборот, доставляя точно такие же столы и стулья лэндлорду, он не только ни на иоту не вносит в сферу эффективного богатства страны, но и сам становится паразитом в общественном производстве. Развивая технику своей работы он способствует лишь, тому, что получатель ренты имеет возможность распоряжения большей массой чужого труда, отвлекаемого из производительных областей и, таким образом, косвенно он еще более увеличивает общее количество работников-паразитов. И Макдональд со всем своим пылом обрушивается не только на присвоителей ренты, но на услаждающих последних работников в роде: судомоек, лесничих, чистильщиков платья, охотников за кроликами, всевозможных слуг, играющих такую огромную роль в нынешнем обществе. Всех тех, кто производит предметы потребления «паразитов», Макдональд самих считает «паразитами» и безжалостно вычеркивает их из списка производительного населения. Напротив, за поэтами и певцами Макдональд заботливо сохраняет все добродетели производительного труда, вносящего свой соответствующий пай в общий итог «эффективного богатства страны».

Излишне распутывать здесь великую путаницу Макдональда. Всякий, кому не лень, легко это проделает сам. Пусть обратит только читатель внимание на то, кого Макдональд собрал в одной очаровательной компании: здесь и трудолюбивый кузнец, торгующий подковами, здесь и двуликий—производительный и непроизводительный—плотник, и несчастные судомойки, и бессовестные охотники за кроликами, и всепожирающее чрево лэндлорда; но здесь нет тех, кому надлежало бы быть первыми гостями—нет ни фабрики, ни капиталиста, ни наемного рабочего. Изумительная критическая меткость г-на Макдональда заключается в том, что развенчивая капиталистическую систему распределения, он фактически «развенчивает»—как мы видели—лишь ее ремесленные анахронизмы («молочниц»), а под видом атаки на капиталистическую систему производства, он ведет «атаку» на пережитки феодального паразитизма.

Насколько решителен Макдональд в борьбе против действительного буржуазного паразитизма, «рентьерства»—являющегося не детищем докапиталистических отношений, но вытекающего из специфической современной акционерной формы капитала—и насколько глубоко простирается его радикализм в борьбе против земельной собственности, это можно узнать, лишь обратившись к предлагаемым им «конструктивным» мероприятиям.

3. Конструктивные противоречия г-на Макдональда.

«Социализм не ссорится с историей», говорит Макдональд. Великую задачу «конструирования» новой социальной системы можно поэтому выполнить лишь избегая малейшей «ссоры» с «существующими функциями и учреждениями». Камни для социалистической постройки должны быть найдены внутри самого капитализма.

В каком направлении следует «реконструировать» капиталистическую систему распределения благ? Успехи кооперации и муниципального хозяйства подсказывают ответ. И организация кооперативов, и общественное хозяйство городов должны быть максимально усилены, форсированы. Кооперации должны быть приданы более гибкие, эластичные формы, должна возникнуть разветвленная система кооперативов, с сильными центрами и более мелкими и свободными в своем движении участковыми филиалами. Между кооперацией и коммунальным хозяйством должно существовать известное экономическое сотрудничество, определенное разделение труда. Доставку дешевых продуктов потребителям должны, например, взять на себя кооперативы; электричество, газы, трамвай, должны остаться коммунальными услугами. Укрепить позицию кооперации, развить ее нельзя, однако, ни «государственным эдиктом», ни «революционным актом» разгона частных лавок. Поэтому конструктивный социализм рекомендует, на очень значительный исторический промежуток, «комбинацию» между кооперацией и универсальными магазинами, нахо-

дящимися в частных руках, рядом с «комбинацией» между кооперацией и коммунхозами. Пока что, как всякий видит, социализм Макдональда действительно не «ссорится» ни с «историей», ни, по меньшей мере, с капитализмом. Но Макдональд и не думает возлагать особенных надежд на кооперацию. Кооперация есть лишь одно из звеньев конструктивной цепи, и звено притом отнюдь не определяющее. Макдональд самым решительным образом выступает против ошибок однобокого кооперативизма: само «развитие кооперации» по Макдональду, «доказывает лишь, что изменить систему распределения нельзя вне «отношения к производству и транспорту», что «эти функции должны быть организованы гармонически» [1]).

Как же предлагает Макдональд реорганизовать систему производства, которую лишь «гармонически» дополнять призвана кооперативная система распределения? Одним из наиболее мощных рычагов преобразования капиталистического производства Макдональд считает «рабочий контроль» (worshop control). Право на контроль со стороны рабочих и служащих Макдональд подпирает, разумеется, соответствующим «моральным» фундаментом. Социальная функция рабочего класса, заинтересованность его в «благополучии» целого, достаточно очевидны для того, чтобы рабочие представители в предприятиях могли «кооперировать» с заводоуправлениями. Но как далеко могут простираться функции контроля,—распространяются ли они, например, на нормировку прибыли или на регулирование процесса накопления капитала—вопрос этот Макдональд, вообще довольно-таки вольготно лавирующий между всякими деликатными, чреватыми опасными «ссорами», проблемами—не считает нужным непосредственно освещать.

Историческая миссия настоящего рабочего контроля,—а не импотентного придатка к капиталистической колеснице — быть этапом на пути к национализации производства пролетарским государством, как это и было эмпирически подтверждено историей русской революции. Кому, какому, или каким классам принадлежит основная масса средств производства—это решающий, определяющий момент во всей проблеме социализма. И конструированный социализм не может избежать ответа на этот центральный вопрос; волей-неволей, но и сам Макдональд вынужден столкнуться с ним в очной ставке. Но, как и следует ожидать, как раз в этом пункте дилемма «ссоры»—либо с капитализмом, либо с социализмом, развертывается перед нами во всей ее неумолимой ясности.

Начнем с малого—запросим Макдональда о судьбе крупной собственности на землю, о судьбе «паразитического» par exellence класса ландлордов. Требует ли Макдональд хотя бы национализации земли, хотя бы проведения в жизнь той буржуазной по существу меры, которую предлагал Генри Джордж в своей книге «Progress and Poverty»? Нет, не требует. Претензия Макдональда даже на это не распространяется. Он предлагает лишь... налог на земельную ренту. «Полная конфискация земли была одним из первых результатов революции в Великобритании: но революция невероятна и даже «не желательна» [1]). Лишь посредством длительного налогового нажима конструированный социализм гарантирует нам исчезновение «мертвящей руки земельных монополий». Что этот нажим не будет слишком грозным, видно из того, что Макдональд растягивает его даже не на ряд лет, а на целый ряд... поколений. Таким образом, даже в деле, являющемся «долгом чести» для последовательного буржуазного радикализма—национализация земли—конструктивный социализм сулит нам только «журавлей» эфемерного будущего. Миролюбивый Макдональд не желает «ссориться» даже с «паразитическим» феодализмом.

[1]) „The Cooperative mouvement... is a proof, that distrubution cannot be dealt with except in relation to production and transport, — that these functions must be organized in harmony (Socialism, 193).

А буржуазная собственность, капиталы, классовая монополия на средства производства,—какой реконструкции подвергает их конструктивный социализм? Макдональд выступает за «огосударствление» целых отраслей производства, наиболее подготовленных к этому, транспорт и горное дело в первую голову. Но есть «огосударствление» и «огосударствление». Макдональд дипломатически утаивает от нас те условия, на которых должна «совершиться» национализация. Он только против экспроприации капитала,—большевистская безвозмездная конфискация до корней волос чужда его тихой эволюционной морали. Он предлагает «конституционно», экономически выживать частный капитал из системы общественного производства и думает даже, что дает нам самые надежные пути такого мирного завоевания производства рабочим классом. Какие это пути?

Во-первых, это налог на наследства, который предохранит капитал от рантьерского разводнения, подрежет его паразитический характер. Макдональд предостерегает нас однако от чересчур решительных мер в этой области: налоги на наследства должны быть умеренными. Система наследственной связи, наследственной передачи капитала не может быть насильственно разрушена, ибо и наследство выполняет социально-полезную функцию в той части его, которую капиталист не проматывает лично, но использует для дальнейшего накопления, следовательно, для увеличения производства. Но так как рост общественного богатства и механизм капиталистической конкуренции заставляет капиталистов все большую и большую долю извлекаемой ими прибыли накоплять, так как относительно доля прибавочной ценности, потребляемая классом капиталистов непрерывно падает и должно падать, то, естественно, отсюда, что посредством налога на ненакопляемое наследство основная масса «капиталов» не сможет перейти в распоряжение рабочего класса. Командующие высоты остаются попрежнему во власти буржуазии.

Вторая мера Макдональда — обложение «несправедливых» сверхприбылей. Государство должно зафиксировать «справедливую» норму прибыли, а остальное должно подвергнуть самому суровому обложению. Но что такое «справедливая» прибыль, мы так и не узнаем от Макдональда, благодаря чему она также мало «ссорит» его с капитализмом, как и только что упомянутая буржуазная мера обложения наследства.

Ни обложения наследства, ни налоги на прибыль Макдональд не ставит все-таки во главу угла. Он указывает как на самый

[1]) If there were to be a revolution in Great Britian, ohe of the first of its results in Great Britian would be the wholesale confiscation of the land. But a revolution is not likely, and still less it is desirable. (Socialism, 171).

важный, «эффективный»,—на третий способ, обеспечивающий рабочему классу экономически доминирующую роль в производстве. Этот способ—организация Национального Банка рабочим правительством, являющегося центральным государственным банком, банком, пользующимся монопольным правом выпуска денег, стоящим во главе всех прочих местных банков, стягивающим в свои резервуары огромные богатства со всей страны. Располагая столь могучим рычагом экономической жизни, каким является Национальный Банк, государство окажется в силах взять на себя функцию снабжения производства капиталами (provision of capitals). Процесс накопления, процесс расширения общественного производства станет независимым от частных капиталистов, роль последних в деле снабжения производства капитала начнет резко сокращаться и средства производства, таким экономически легальным путем, сами собой перейдут во «владение» рабочих и служащих.

Верно ли, однако, такое «конструктивное» положение, верно ли, что макдональдовский банк сможет стать реальным якорем спасения для пролетариата, действительно «эмансипирует» его от капитала? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. Пусть Макдональд «снабжает» промышленность капиталами, сосредоточивающимися в Государственном банке. Но откуда могут взяться эти огромные банковские рессурсы. Если не из заоблачного царства, то единственно из карманов самих буржуа, помещающих в банке свои капиталы. Макдональд вытесняет, следовательно, капиталистов из производства, мобилизуя для этой цели банковские средства, тому же самому классу капиталистов, принадлежащие. Но классу капиталистов едва ли свойственны навязываемые ему Макдональдом причуды унтерофицерской жены: он ни за что не станет сечь себя «своею собственной рукой»: его историческим «экзекутором» может быть только рабочий класс. Одно из двух:

Или рабочее правительство об'являет богатства банков своей собственностью, декретирует национализацию банков, т.-е. вступает на большевистскую дорогу «экспроприации экспроприаторов». Но тогда в ответ на национализацию «банков» буржуазия неминуемо ответит саботажем в «промышленности»—тем более, что в эпоху финансового капитала промышленность и банки представляют собой de facto одно неразрывное целое. Рабочее правительство должно будет проделать другой шаг—национализировать промышленный капитал. Другими словами, «конструктивному социализму» логически и исторически должен будет предшествовать социализм «деструктивный»—большевизм.

Или же, как это имеется у Макдональда, фактическим собственником и руководителем банков останется буржуазия. Тогда последняя отыщет меры, чтобы обеспечить свое господство в промышленности, так же как и в банках, и не только не подпадет под «контроль» рабочего правительства, но само это рабочее правительство превратит в свой «подконтрольный» инструмент. Капиталистическая «система» будет превосходнейшим образом воспроизводиться, как капиталистическая, все останется «на своих местах», а конструктивный социализм окажется ничем иным, как «конструктивным капитализмом».

То, что социализма не построишь финансовыми манипуляциями, с этим в ряде мест своей работы соглашается, впрочем, и

сам Макдональд. Он не отрицает колоссальной роли high finance, крупной финансовой буржуазии. Контр-революция финансовая, говорит он, была бы еще более опасной, нежели контр-революция военная. И фактический контроль за high finance, признает Макдональд, немыслим до тех пор, пока сама промышленность не будет организована по «социалистической модели»[1]. Мы получаем в результате два следующих, исключающих друг друга, положения «конструктивного социализма».

Национализация производства, организация его по «социалистической модели» невозможна без освобождения процесса накопления от зависимости от частных предпринимателей в области снабжения необходимыми капиталами (посредством государственного кредита). Построить социализм в производстве можно лишь при условии предварительного господства в области финансов.

Но господство в финансовой сфере уже предполагает господство социализма в промышленности.

Социализм нельзя вводить в производство, пока не установлен контроль над финансами, но последний нельзя установить, пока не социализировано производство. Т.-е. конструктивный социализм вращается в прочном кругу, запутывается в тенетах, им самим созданных противоречий. Мы убеждаемся воочию, как конструктивный социализм начинает «ссориться» не только с историей, но и с логикой. Вывод один: конструктивный социализм вообще невозможен.

Оппортунистическая система, выдвинутая Макдональдом под конструктивным ярлыком, особенно ярко обнаруживает свой внутренний порок, если не сопоставить с основными тенденциями капиталистического развития последнего времени—с одной стороны, и с системой «классического» ревизионизма Эд. Бернштейна—с другой. Бернштейн строил свои перспективы мирного органического «преодоления» капитализма, опираясь на ошибочные наблюдения за, якобы, смягчавшейся экономической противоположностью между капиталом и трудом, на пресловутую гипотезу «демократизации» капитала и т. п. Опираясь на вымышленные факты, ревизионизм логически приходил к отрицанию неизбежности революционного краха. Конструктивный социализм Макдональда не имеет даже такого сомнительного утешения: переживаемая эпоха властно запрещает ему увлекаться иллюзиями смягчения социально-экономических противоречий. Классовая дифференциация теперь идет семимильными шагами, процесс экономической «поляризации» капитала и труда достигает теперь такой небывалой остроты, что даже Макдональд вынужден признать его как эмпирическую закономерность. Сам Макдональд приводит ряд цифровых иллюстраций поразительного роста экономической дифференциации за последние годы как в Англии, так и в Соединенных Штатах Америки. По вычислениям экономиста сэра Leo Chiozza Money (автора книги: «Триумф национализации»—The Triumph of Nationalisatien) одна семидесятая часть населения Соединенного Королевства владеет двумя третями

[1]) But finance cannot be controlled cannot be absorbed into the functionig organization of the community, until industry has been organized on Socialist models (Socialism, 207). В качестве предпосылок для контроля над финансами Макдональд указывает конкретно на три момента: „национализацию угольной промышленности и железных дорог“, обложение анормальных прибылей и контроль над производством. Там же 202.

всего накопленного богатства страны! Мировая война, по утверждению самого Макдональда, еще более углубила процессы дифференциации: из войны капитализм вышел экономически и организационно гораздо более «эксплоататорским», чем он был раньше. А если это так, если это признает сам Макдональд, если таковы фактические тенденции новейшего капитализма,—то перед лицом этих тенденций не является вся его лжесоциалистическая концепция, вся его борьба против «молочных» и против ветряных феодальных мельниц, все его жалкие «конструктивные» паллиативы,—не является ли все это опереточной стрельбой в слона горохом, лишь неопрятно прикрывающей теоретическое убожество и практическую измену?

Мы уже не будем здесь приводить соображения Макдональда, касающиеся «политической конструкции» и международных отношений. Его взгляды в этой области общеизвестны из газет. Возьмите его рассуждения о роли и политике «рабочего правительства», его лозунг «единства» Британской империи и, значит, сохранения эксплоатации колоний, его пацифистское требование «разоружения», его пошлая этическая формула войны, как «кризис, которым кончается плохая политика» (сопоставьте с ней «циническую» формулу Клаузевица, по справедливости, имевшую огромный успех в марксистской среде: война есть продолжение политики иными средствами),—и вы получите только дополнительные штрихи к картине, на которой Рамзэй Макдональд с «Конструктивным социализмом» подмышкой, наподобие некоего страшного зверя «трагически» блуждает в капиталистической мышеловке.

«Разум может заниматься идеальными вещами, но ноги никогда не смогут сойти с почвы реальности», стыдливо оправдывает Макдональд свой «идеально» ограниченный буржуазными рамками «разум» и свои столь основательно прикованные к капиталистической «реальности» ноги.

* * *

Конструктивный «социализм» Макдональда является своеобразным идеологическим рефлексом отсутствия теоретического самосознания у британского пролетариата. Ряд исторических причин, вскрывать которые здесь не место, обусловил идейную незрелость английского рабочего класса, в продолжение целой эпохи упорно рассматривавшего «муниципализацию газа и воды, как первый акт драмы, которая должна завершиться национализацией всего индустриального капитала страны и триумфом социализма» (Socialism, 68). Каковы же те вероятные перспективы, которые в будущем сложатся для макдональдовщины, каковы судьбы «Конструктивного социализма» и т. п. политических документов, идеи которых так или иначе, но еще гнездятся в мозгах английских пролетариев? Ответ в основном предопределен нашей обычной оценкой судеб английского капитализма и английского рабочего движения. Неизбежный процесс предстоящего и уже начинающегося «выветривания» конструктивного и пр. оппортунизма гарантирован отпадением тех самых специфических условий, которые в прошлом укрепляли позиции аналогичных политических течений. Решающим, пожалуй, является послевоенный факт потери «дифференциальной прибыли» английского капитала на мировом рынке. Состояние «экономического полнокровия» заменяется хроническим состоянием хозяйственного худосочия, состоянием посредственных и низких кон'юнктур и непрекращающейся безработицы. Сюда присоединяется исключительный рост противоположности между буржуазией и пролетариатом, констатированный самим Макдональдом. Это уже сказалось стимулом для резкого поворота английского рабочего класса к «политике», к захвату власти, о чем мы говорили в начале статьи. Исторически небывалое полевение английского пролетариата—«консервативные» британские профсоюзы на левом фланге Амстердама,—полевение непрекращающееся, ползучее, еле сдерживаемое «вождями», то и дело проскакивающее в частных вспышках—в настоящее время уже не «прогноз», а зарегистрированный всей международной прессой факт. Знаменательный «уклон» значительной части английского рабочего класса к большевизму не оспаривается Макдональдом: он сам, сгущая сильно краски, называет левых «лабуристов» и «профессионалистов» большевиками [1]). И характерно, что обе работы Макдональда—и более ранний «Конструктивный социализм» и недавняя «Наша политика»—обращены «лицом», отнюдь не смягчающим, впрочем к большевизму. Старательному разоблачению большевистских методов в них отведено самое почетное место. Вот слова, которыми Макдональд резюмирует стихийные настроения «классового антагонизма», обострившегося после войны. «Капиталистам рабочие представляются большевиками; для рабочих капиталисты являются белогвардейцами. В обоих лагерях жирондисты вытеснены демагогами [2]).

Очень ценное признание, предвещающее тот недалекий исторический час, когда застоявшаяся английская Жиронда, отступит перед славной большевистской Горой и когда в английском рабочем движении вместо затхлого духа Спэнсера-Макдональда, восторжествует боевой революционный дух Маркса и Ленина.

(*Продолжение следует*).

[1]) Unsere Politik, S. 68.

[2]) „To capitalism, labour is Bolshewik; to labour, Capitalism is White Guard, the Girondins on both sides are being wiped out by the demagogues on both sides". (Socialism, 105).

Л. Крицман.

Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции [1]).

«Союз пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата»—каково содержание этого лозунга в **наши** дни?

Прежде всего в наши дни этот лозунг **неточен**. Он берет крестьянство, как **целое**. Но крестьянство, как целое, есть класс-сословие феодального (крепостнического) общества. Лозунг «Союз пролетариата и крестьянства» предполагает поэтому наличие существенных, играющих, в известном отношении, господствующую роль остатков крепостничества, борьбу за их уничтожение. Это лозунг-продукт эпохи царизма и революционной борьбы против него, против политического господства помещичьего землевладения, и против самого помещичьего землевладения. Пока шла **эта** борьба, лозунг «Союз пролетариата и крестьянства» был **точной** строго-научной формулой.

В деле революционной борьбы с крепостничеством и его искоренения пролетариату было по дороге со всем крестьянством как целым: не только с безземельным, работающим на кабальных условиях батраком, не только с бедняком и с середняком, но и с зажиточным и с кулаком. Лозунг «Союз пролетариата и крестьянства» не заключал в себе указания на классовое расслоение крестьянства, на расслоение его на классы капиталистического общества—на буржуазию и пролетариат. Не потому, что это расслоение не принималось в расчет или отрицалось [2]), а потому, что союз против крепостничества был союзом с крестьянством как целым.

Союз пролетариата и крестьянства был союзом не только против крепостничества, но и против крупного капитала. Но не потому, что крестьянство, как целое, стало на точку зрения пролетариата, а потому, что, в силу диалектики истории, крупный капитал русский и иностранный, т.-е. мировой капитал выступал, как сила, поддерживающая царизм, т.-е. господство полукрепостнического помещика. Крестьянство, как целое, оставалось революционной силой по отношению к крепостничеству; капитал, которому в эпоху кануна крушения капитализма было страшно всякое социальное потрясение, **перестал** быть революционным по отношению к крепостничеству. Отсюда противоречия между крестьянством и капиталом. И т. к. крестьянство нуждается в

[1]) Статья дискуссионная.

[2]) Напротив, вопрос расслоения крестьянства был, как известно, предметом горячих схваток между марксистами и народниками, т. к. в зависимости от его решения решался вопрос о том, кого признать руководителем революции—пролетариат или „сознательную“ „внеклассовую“ интеллигенцию, т. е. идеологов буржуазии (тогда еще искренно не понимавших, что они идеологи буржуазии), и следовательно, буржуазию.

организаторе своей революции, и примыкая к другому революционному классу, превращает его в своего организатора, то отсюда и об'ективно необходимая руководящая роль пролетариата в его союзе с крестьянством.

Но теперь борьба с помещиками в СССР **закончена**. Закончена, тем самым, и крестьянская революция. Крестьянства, как класса-сословия, больше не **существует**.

В наши дни в СССР происходит уже не преодоление остатков крепостничества, а преодоление остатков капитализма. Здесь пролетариату не по пути с **капиталистической** частью крестьянства. Поэтому лозунг «Союз пролетариата и **крестьянства**» теперь не точен. В современных условиях его точное выражение — это «союз пролетариата с **большинством** крестьянства», притом с подавляющим большинством крестьянства.

Капиталистическая (и полукапиталистическая) часть крестьянства теперь численно ничтожна—это 2—3%, во всяком случае не больше 5% крестьянства. Слой зажиточных, крепких хозяев, кандидатов в крестьянские капиталисты, едва ли превышает 7—10% крестьянских хозяйств. По данным ЦСУ крестьянские хозяйства с более чем 2 головами рабочего скота составляли в 25 губерниях РСФСР в прошлом 1924 году только 4% всех крестьянских хозяйств, с 2-мя головами 10½% [1]). Между тем уже хозяйства с одной головой рабочего скота (их оказалось 53%, без рабочего скота 32½%) являются в большинстве случаев маломощными, бедняцкими хозяйствами. Еще Владимир Ильич приводил данные, согласно которым жизненный уровень однолошадного крестьянина оказывался **ниже** жизненного уровня сельско-хозяйственного батрака.

Не является ли поэтому педантизмом утверждать, что из за этих нескольких процентов лозунг «союз пролетариата и крестьянства» теперь не точен? Ведь, союз пролетариата с подавляющим большинством крестьянства является безусловно осью всей нашей политики. И союз этот ни в какой мере не является результатом отказа от пролетарской революции, он является выражением не крушения пролетарской революции, а напротив того, крушения капитализма. Он означает, что основная масса крестьянства вступает на путь к социализму под руководством пролетариата. Путь к социализму становится путем развития всего общества, вот о чем говорит этот союз.

Итак, стоит ли принимать в расчет какие-то несколько %%? Но было бы неправильно так ставить вопрос. Капиталистическая часть крестьянства ничтожна численно, **но не социально**. А суть дела не в численности, а в социальной мощи данной группы. Ведь, и капиталистическая буржуазия составляет численно ничтожную группу.

Следовательно, то обстоятельство, что численность капиталистической части крестьянства не велика, дела не меняет. Раз крестьянская противопомещичья революция закончена, крестьянство, как целое, как класс-сословие крепостнического общества, исчезло, и исчез, следовательно, и союз с крестьянством, как с целым.

[1]) По сводке, любезно предоставленной нам зав. ЦСУ П. И. Поповым. Сводка охватывает свыше 125.000 расположенных гнездами хозяйств в 25 губ. потребляющей и производящей полосы, Юго-Востока и Сибири.

В деле борьбы с помещиком и в деле его уничтожения классовое расслоение крестьянства на классы капиталистического общества отступало на задний план (основным было в крестьянстве общее, его об'единение против помещика). После уничтожения помещика это классовое расслоение и есть основное для крестьянства

После того, как помещик выкорчеван, встает вопрос—куда? к капитализму или к социализму?

Лозунг «союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата», поскольку он означает не просто благочестивое положение, а выражает об'ективную тенденцию действительности, может обозначать теперь только одно — союз пролетариата и большинства крестьянства в деле совместного продвижения—пусть как угодно медленного и трудного—по пути к социализму, и следовательно, союз против меньшинства крестьянства, которое идет по пути к капитализму, выражая другую тенденцию нашей диалектической действительности. Или, иными словами союз на почве движения к социализму против движения к капиталисту.

Можно, конечно, сказать, что теперь в нашу эпоху лозунг «союз пролетариата с крестьянством» как раз и означает союз с некапиталистическим крестьянством, ибо под крестьянством следует понимать всех, кто составляет население деревни, кроме кулаков, как во время французской революции народ—это были все, кроме аристократов. Но это, разумеется, была бы лишь словесная увертка.

Итак теперь точная формулировка нашего лозунга это—союз пролетариата с большинством крестьянства под руководством пролетариата. Каково же его содержание?

Уже в старом лозунге «союз пролетариата и крестьянства» под руководством пролетариата звучал похоронный звон капиталистическому миру. Это был лозунг борьбы с помещиком, борьбы, в которой принимала участие и капиталистическая часть крестьянства, как часть того целого, каким все еще было крестьянство в его противоположности помещикам. Речь шла еще только о буржуазной революции. Попытка обойти необходимость буржуазной революции означала об'ективно лишь закрывание глаз на буржуазный ее характер, превращение пролетариата из руководителя крестьянства в этой буржуазной революции в один из руководимых капиталом классов, в слепое орудие буржуазной революции.

Но руководящая роль пролетариата означала настолько далеко зашедшее развитие капитализма (мирового капитализма), что пролетариат уже мог, а капиталистическая буржуазия уже не могла выступить руководителем крестьянства в его борьбе против остатков до-капиталистических отношений. Она означала, что смести препятствие развитию производительных сил общества даже там, где этим препятствием были не капиталистические, а до-капиталистические отношения—стало невозможно под руководством капитала, что смести их было возможно уже только под руководством пролетариата.

Поэтому лозунг «союз пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата» есть лозунг кануна мировой пролетарской революции.

Союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает большее. Этот лозунг самой мировой пролетарской революции.

После уничтожения помещиков союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата, может означать только союз в деле совместного движения по пути от капитализма к социализму.

Он означает, следовательно, эпоху мировой пролетарской революции. Основное при этом не в том, как развертывается мировая пролетарская революция, быстро или медленно, с перебоями или без перебоев. Основное в том, живем ли уже в эпоху мировой пролетарской революции или нет. Здесь, в оценке этого, никогда не сойдутся капитал и пролетариат. Диалектическая противоречивость общества всегда находит себе выражение в противоречивых оценках действительности разными классами. Противоречия жизни—в противоречии мнений.

Мировая война, назревающие послевоенные конфликты капиталистических держав и их коалиций, победоносная русская революция и неудачные восстания пролетариата в Западной Европе, революционные движения колониальных народов, валютный кризис, аграрный кризис, мировая безработица, создание пролетарского коммунистического и крестьянского Интернационалов, все это для пролетариата прорывы и подземные толчки мировой пролетарской революции, для капитала и его идеологов всех мастей от Муссолини и Пуанкаре до Макдональда, Каутского и Дана, все, что угодно, но не проявления и не предвестники мировой пролетарской революции.

Как и все теоретические споры, и этот спор может быть решен и будет решен практикой.

Эпоха мировой пролетарской революции означает—независимо от того, продлится ли она 5 или 50 лет—что там, где победил пролетариат (а пока он победил только в СССР), он в состоянии в общем и целом осуществлять пролетарскую политику, т.-е. политику продвижения к социализму. Происходит ли это продвижение быстро или медленно, с перебоями или без них, это необычайно важно, но основное не в этом, а в том, что продвижение происходит. Оно выражается прежде всего в том, что идет под'ем производительных сил руководимого пролетариатом общества, и что при этом возрастает удельный вес и организующее влияние пролетариата.

На протяжении 4-х лет после окончания гражданской войны перед глазами всего мира развертывается неожиданная для идеологов капитала,—в том числе для Каутского и Дана, — картина хозяйственного под'ема, казалось, в конец разрушенной страны Советов. И темп под'ема крупной промышленности превосходит темп под'ема мелкого сельского хозяйства и мелкой промышленности взятых вместе. В этом залог того, что процесс индустриализации громадной крестьянской (по составу населения) страны, без которого невозможно развитие ее производительных сил, будет итти под руководством пролетариата еще успешнее, чем он шел под руководством капитала. Этот процесс индустриализации, идущий под руководством пролетариата, означает растущее экономическое и социальное значение пролетариата, усиление его руководящей роли в его союзе с большинством крестьянства.

Идеологи капитала полагают, что такого рода под'ем всего народного хозяйства, при котором особенно силен под'ем круп-

ной промышленности, дело временное, что без притока средств со стороны, средств иностранного капитала, которые, как они надеются, могут быть получены только ценой капитуляции пролетариата, этот под'ем натолкнется на неопреодолимый для него предел.

Они, словом, полагают, что мы живем не в эпоху крушения мирового капитализма, а в эпоху крушения попытки пролетарской революции, победившей, повидимому, в силу «несчастного случая».

И этот спор может быть разрешен только практикой, и, по нашему разумению, успешно разрешается ею в нашу пользу.

Но союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает в наши дни не только то, что пролетариат там, где он господствует, в общем и целом в состоянии осуществлять пролетарскую политику, т.-е. политику продвижения к социализму путем усиленного развития базы социалистического хозяйства, современной крупной промышленности. И не только то, что эта находящаяся теперь под командой не капитала, а пролетариата, крупная промышленность становится в руках пролетариата силой, определяющей отношения внутри всего народного хозяйства, следовательно, и с массой мелких хозяев, в такой же или даже в еще большей мере, в какой она определяла отношения внутри всего нашего народного хозяйства, когда находилась в руках крупного капитала. Что пролетариат, следовательно, опираясь на нее, в состоянии не хуже, чем капитал, при помощи политики цен, железнодорожных тарифов, таможенных пошлин, кредита и пр., словом, через сферу обращения, руководить всем народным хозяйством. Что в частности и в особенности пролетариат не в меньшей степени, чем капитал, в состоянии определить характер об'единения мелких хозяев для торговых целей (сбыта, закупок, кредита): что если при господстве капитала кооперация мелких хозяев носит капиталистический характер, включается в систему капитализма, то при господстве пролетариата она принимает характер социалистический, т.-е. включается в общую систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму [1]).

Но союз пролетариата и большинства крестьянства означает не только усиленное развитие находящейся в руках пролетариата крупной промышленности и не только рост ее влияния на все народное хозяйство. Он означает и то, что для мелкого хозяйства *открывается путь его некапиталистического превращения в крупное.*

Там, где господствует капитал, там под'ем производительных сил может быть только *капиталистическим.* Там и под'ем производительных сил мелкого хозяйства неизбежно означает превращение его не только из мелкого в крупное, но и *из мелкобуржуазного в капиталистическое.*

[1]) Именно это включение в систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму, превращает об'единенения мелких хозяйств (как кооперативы по сбыту, кредитные и другие, так и их производственные об'единения) в об'единения социалистического типа. Товарищеское об'единение мелких хозяев может стать переходным моментом на пути к социализму, но может стать переходным моментом и на пути к капитализму (превращение в паевое товарищество мелких капиталистов); станет ли оно тем или другим, зависит прежде всего от того, частью какой хозяйственной системы оно становится.

Борьба с частным торговым капиталом и есть борьба за установление вместо капиталистической, т.-е. стремящейся вести к капитализму, смычки мелких хозяев и крупной руководимой пролетариатом промышленности их социалистической, т.-е. стремящейся вести к социализму, смычкой.

Под'ем производительных сил мелкого хозяйства, рост его производительных сил означает в одно и то же время и рост технического вооружения работника и необходимость кооперации работников (в смысле их совместного труда). Иными словами, что мелкий хозяин уже не может работать один, а должен работать совместно с другими, что увеличившиеся производительные силы требуют работы не одного работника, а нескольких.

Раз'единенные условиями труда мелкие хозяева при господстве капитала, когда товарищеское об'единение на каждом шагу натыкается на бесчисленные в их совокупности непреодолимые материальные и идеологические препятствия, не могут пойти по пути товарищеского об'единения. Такие попытки в массе своей неизбежно терпят крушения. Поэтому при господстве капитала *этот* путь под'ема мелких хозяев закрыт для них. Поэтому масса их в условиях конкуренции с крупным хозяйством опускается все ниже, пытаясь удержаться путем сверхчеловеческого напряжения своих сил. А те, кто подымается над общим уровнем, переходят от работы в одиночку к требуемой выросшими производительными силами совместной работе, путем *капиталистическим,* т.-е. путем найма батраков.

Но эта неизбежность превращения мелкого хозяйства в крупное капиталистическим путем отпадает, когда господство капитала сменяется господством пролетариата. Пролетариат не только устраняет в значительной части те препятствия, на которые натыкается товарищеское об'единение мелких хозяев при господстве капитала, но и дает мелким хозяевам то, что им не достает, *организующую волю,* и одновременно ставит товарищеские об'единения мелких хозяев, товарищеский переход от мелкого хозяйства к крупному, в *привелигированное* положение по отношению к капиталистическому переходу от мелкого хозяйства к крупному.

Определяющее влияние пролетариата во всем народном хозяйстве изменяет сначала по преимуществу характер об'единения мелких хозяев в *сфере обращения,* превращая его из капиталистического в социалистическое, а затем чем далее, тем в большем об'еме ведет к об'единению мелких хозяев в *сфере производства.*

Таким образом, союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает не только социалистическую линию развития крупного хозяйства, но и *социалистическую линию развития мелкого хозяйства,* выдвинутую Владимиром Ильичем в его «Страничках из дневника».

Здесь лежит экономический корень длительного—на целую историческую эпоху—союза пролетариата с громадным большинством крестьянства и в интересах этого громадного большинства. Благодаря господству пролетариата перед громадным большинством крестьянства открывается возможность перепрыгнуть бывший до того неизбежным капиталистический этап развития, который как раз для большинства крестьянства означает процесс его мучительной пролетаризации.

Но эта возможность открывается не на основе народнического отрицания пролетарского руководства, а на основе его *признания.*

В противоположность эпохе до победы революции, когда основой экономического союза пролетариата и крестьянства был их

политический союз, в наши дни основой политического союза пролетариата и большинства крестьянства становится их союз экономический. И в основе этого союза лежит гениально схваченное Владимиром Ильичем обусловленное новым направлением развития всего народного хозяйства новое направление развития мелкого хозяйства. Развития по пути не капиталистического, а социалистического перехода его в крупное хозяйство, словом, по пути не капиталистической, а социалистической концентрации и централизации хозяйства—через об'единения мелких хозяев в кооперативы и коллективы.

Конечно, в условиях господства пролетариата переход мелких хозяев к крупному хозяйству мог бы происходить и иным путем: не путем создания крупного хозяйства извнутри, из среды мелких хозяйств, а путем насаждения его в известном смысле извне. Создание на свободных землях крупного сельского хозяйства со значительно более высокой производительностью труда, чем та, которая возможна в мелком хозяйстве, означала бы, с одной стороны, понижение цен продуктов сельского хозяйства, а с другой стороны—настолько более высокий жизненный уровень рабочих в этом крупном сельском хозяйстве по сравнению с жизненным уровнем мелких хозяев, что неизбежным стал бы массовый отказ мелких хозяев от собственного хозяйства и переход их в крупное в качестве рабочих. Словом, бегство мелких хозяев от своих хозяйств в крупное сельское хозяйство, подобное бегству их из деревень в города в эпоху капитализма.

Но такое создание крупного сельского хозяйства путем насаждения его в известном смысле извне предполагает, во-первых, наличие громадных свободных материальных рессурсов и громадных кадров организаторов, во-вторых, что и то и другое целесообразнее применить в сельском хозяйстве, чем в промышленности.

Для СССР, в его нынешних условиях, это—возможность чисто теоретическая. У нас переход к крупному сельскому хозяйству возможен теперь в основном только путем об'единения мелких хозяев.

Однако содержание лозунга «союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата» ни в коей мере не исчерпывается вышесказанным. Происходящее, в связи с переходом от господства капитала к господству пролетариата изменение в направлении развития мелкого хозяйства создает новую почву для союза пролетариата и большинства крестьянства после победы над помещиком. Мелкое хозяйство, взятое в его развитии, т.-е. в его неизбежном переходе в крупное хозяйство, вступает на социалистический путь развития, т.-е. на общий путь с пролетариатом. Но видеть только это, значит, отрицать сложный характер нашей революции, значит забывать, что она для большинства населения, для массы мелких хозяев, является прежде всего противопомещичьей революцией, значит перескакивать через исторически неизбежный период развития мелкого хозяйства непосредственно после уничтожения помещиков. Верно, что мелкое хозяйство уступает крупному, но это не устраняет другого факта, что мелкое хозяйство мелкобуржуазного крестьянина превосходит мелкое хозяйство крестьянина, явно или неявно закрепощенного.

Победа над помещиками, уничтожение крепостнических отношений, душивших мелкое хозяйство, означает завоевание известного простора для развития мелкого хозяйства. Мелкое хозяйство не могло, опутанное крепостническими отношениями, развернуть полностью свои производительные силы. Теперь оно эту возможность получило.

И прежде, чем оно в массе своей превратится в крупное хозяйство, оно полностью развернет свои производительные силы, ибо ни одна форма хозяйства, как указал Маркс, не исчезает раньше, чем она исчерпала все заключающиеся в ней возможности для развития производительных сил.

Этот под'ем мелкого хозяйства, взятый изолированно, не содержит в себе ни грана социализма. Он представляет собой развитие не социалистической, а мелкобуржуазной экономики. Однако это развитие, пока оно совершается в рамках мелкого хозяйства, не исключает само по себе ни социалистической, ни, конечно, тем более капиталистической линии развития, а напротив того содержит в себе и ту и другую, как возможности, как свои собственные тенденции.

Хотя предоставленное самому себе (а тем более в условиях господства капитала) развивающееся мелкое хозяйство неизбежно превращается в капиталистическое, ибо капитализм есть не что иное, как развитие общественного хозяйства в формах частного хозяйства, т.-е. в формах, вырастающих из форм хозяйства мелких хозяев, однако мелкое хозяйство несет в себе и другую тенденцию развития и потому не исключает и социалистической линии развития.

И поскольку в условиях господства пролетариата, эта другая тенденция получает перевес, работа мелких хозяев над под'емом своего хозяйства означает об'ективно в основной своей массе—подготовку почвы для их будущего товарищеского об'единения и перехода к социалистическому хозяйству.

Но и помимо этого под'ем мелкого хозяйства не стоит ни в каком противоречии с переходом к социализму. В исторических данных условиях он является напротив того одной из предпосылок этого периода. Под'ем народного хозяйства невозможен без под'ема сельского хозяйства, которое является для промышленности и рынком сырья (и продовольствия) и рынком сбыта.

Под'ем же сельского хозяйства в условиях исключительного разрушения промышленности, в результате империалистской и гражданской войны возможен только за счет самого сельского хозяйства, следовательно, за счет рессурсов самих мелких хозяев. А первое время после победы революции даже рост крупной промышленности происходит частично (хотя чем дальше, тем все в меньшей части) за счет ресурсов сельского хозяйства.

Под'ем мелкого сельского хозяйства в результате уничтожения душивших его крепостнических отношений становится, таким образом, одним из условий под'ема всего народного хозяйства, руководимого пролетариатом; становится, следовательно, одним из условий перехода к социализму. Препятствия этому под'ему означают поэтому и препятствия переходу к социализму. Одно из величайших достижений пролетариата, доказывающих его способность быть руководителем всего общества в его переходе к социализму, состоит в том, что пролетариат создает такие переходные формы хозяйства, которые открывают возможность и

для под'ема мелкого хозяйства, под'ема, который исторически ограничен довольно узкими пределами, но и в этих пределах исторически необходим.

Эти пределы определяются размерами превосходства мелко-буржуазного хозяйства под крепостническим и полукрепостническим. Всеми мерами способствовать использованию мелким хозяйством возможности своего под'ема (существующей в этих пределах) —одна из задач пролетариата; вне этого условия невозможен союз пролетариата с **большинством** крестьянства.

Однако соблюдение одного этого условия **недостаточно** для того, чтобы был возможен союз с **большинством** крестьянства на длительный период.

Вполне реальная для части крестьянства (весьма значительной быть может, для большей половины его) возможность известного под'ема мелкого хозяйства создает **иллюзии** возможности такого под'ема и в остальной части крестьянства.

Энтузиазм мелкого хозяина, который, наконец, дорвался до земли, избавился от крепостнических помех в своей работе, охватывает на некоторое время **все** крестьянство.

По отношению к значительной части (быть может большей половине) мелких хозяев (и по отношению к еще более значительной части сельского хозяйства) на некоторое время под'ем их хозяйства еще не переходящего в крупное, происходит в основном, как развитие **мелкобуржуазной** экономики.

А огромное большинство остальных мелких хозяев надрывается в попытках итти тем же путем.

В этих условиях, специфичность которых лежит в сложном характере нашей революции, во время которой произошла экспроприация не только крупного капитала пролетариатом, но и крепостнического и полукрепостнического землевладения крестьянством, союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает не только то, что в основном пролетариат в состоянии осуществлять пролетарскую политику продвижения к социализму, но и то, что в известных областях и на известные—иногда длительные—периоды пролетариат осуществляет политику, соответствующую стремлениям **мелкой буржуазии**, представляющую собой уступку пролетариата этим стремлениям мелкой буржуазии и потому скрепляющую ее союз с пролетариатом.

Так как основная масса мелких хозяев сосредоточена в сельском хозяйстве, то основная область, в которой пролетариат осуществляет в известные периоды такую политику это—сельское хозяйство.

И в этом, вообще говоря, нет ни самообмана для пролетариата, ни обмана для крестьянства, хотя есть самообман для части его.

Наша аграрная революция прошла, как известно, в основном **два этапа**: экспроприация всем крестьянством, как низшим классом—сословием крепостнического общества, помещиков и частичная экспроприация пролетарской и полупролетарской частью крестьянства (беднотой) капиталистической и полукапиталистической части крестьянства (зажиточных).

При этом, поскольку крестьянская революция была антикапиталистической революцией, она происходила не как пролетарская, а как **мелкобуржуазная** революция: ее результатом было не обобществление крупного хозяйства, а его **раздел**.

Политика пролетариата по отношению к капиталу оказалась при этом прямо противоположной в зависимости от того, о каком капитале шла речь: о капитале, вложенном в промышленность, транспорт и т. п. или о капитале, вложенном в сельское хозяйство. Разумеется, корень этой противоположности лежал не в противоположности земли и семян с одной стороны и железа и тканей с другой, не в причинах естественного, а в причинах общественного порядка.

В одном случае политика пролетариата была направлена к пролетарской, в другом к мелкобуржуазной экспроприации капитала потому, что в одной области (город) мелкая буржуазия играла ничтожную, в другой (деревня)—главную роль.

В этом не было самообмана для пролетариата, ибо с точки зрения пролетарской революции осуществление пролетариатом в известных областях и на известное время политики, соответствующей стремлениям мелкой буржуазии (уступающей этим стремлениям), входит в неизбежные издержки пролетарской революции.

Революция неизбежно связана с известными издержками, с известным разрушением производительных сил. В число этих издержек входят для **каждого** из революционных классов—и для пролетариата и для крестьянской мелкой буржуазии—необходимые уступки своему союзнику, без которых невозможен их союз, а значит и победа революции. Поэтому пролетариат пошел на то, чтобы крупное сельское хозяйство было не обобществлено, а разделено; поэтому большинство мелкобуржуазного крестьянства дралось в конце концов в красной, а не в белой, армии, несмотря на неуклонно осуществлявшееся пролетариатом запрещение торговли. Без этих обоюдных экономических уступок ни пролетариат, ни мелкая буржуазия не могли достигнуть своей политической цели—низвержения власти прежде господствовавших классов. Как для пролетариата, так и для мелкой буржуазии их уступки союзнику являлись ценой их революционной победы, входили в неизбежные издержки собственной революции.

Таким образом, осуществляя в известной области политику, соответствующую стремлениям мелкой буржуазии, пролетариат не только не изменял своему делу, но, наоборот, служил ему самым действительным образом. Но в этом не было, разумеется, и обмана со стороны пролетариата, осуществлявшего в области сельского хозяйства политику, соответствующую страстным стремлениям огромного большинства крестьянства.

И в настоящее время после победы революции имеет место в корне различная политика пролетариата по отношению к капиталу в зависимости от сферы его вложения.

В самом деле, поскольку речь идет о взаимоотношениях хозяев, капиталист может сейчас (юридически, т.-е. имеет право) арендовать у кого угодно и что угодно, но **не землю у мелких хозяев**. Любой хозяин, если он располагает деньгами, может (юридически, т.-е. имеет право) нанять рабочего, но **не сельский хозяин**; этот последний лишь в том случае, если он заболел, или служит в Красной армии, словом, не работает по независящим от него причинам и временно нуждается в заменяющем его работнике. Сельское хозяйство сейчас **юридически** табу (запретная вещь) для капиталиста в то время, как разнообразные отрасли промышленности юридически открыты для него.

Значит и сейчас по отношению к сельскому хозяйству пролетариат осуществляет политику, соответствующую стремлениям мелкой буржуазии, и являющуюся уступкой этим стремлениям, ибо ясно, что дело тут не в пролетариате самом по себе, а в его союзе с мелкобуржуазным большинством крестьянства.

Необычно характерно здесь следующее обстоятельство.

Пока шла гражданская война, пролетариат искоренял капитал всеми доступными ему средствами: экономическая деятельность капитала не допускалась, насколько это только удавалось, при помощи соответственных мероприятий органов пролетарского государства; следовательно, при помощи, внеэкономического насилия, при помощи, юридических запрещений и административных мер.

Победа пролетариата была для него одновременно и познанием границ этой победы при данных условиях. Пролетариат вынужден был к частичному отступлению, он признал за капиталом право на существование, хотя и обусловленное подчинением капитала установленному пролетариатом советскому строю. Это не абстрактное и, следовательно, не вечное право; но с другой стороны и не простое признание факта существования, а легализация капитала: так сказать, признание не только де-факто, но и де-юре. Пролетариат перешел от безусловного отрицания капитала к его условному признанию, т.-е. признанию в известных пределах; перешел от прежней борьбы с капиталом путем юридических запрещений и административных мер к борьбе экономической, к конкуренции с капиталом на почве советского хозяйственного и общественного строя.

Но это, поскольку речь идет о борьбе капитала и пролетариата.

Поскольку же речь идет о борьбе капитала и мелкой буржуазии в сельском хозяйстве, борьба эта попрежнему ведется путем юридических запрещений и административных мер. Здесь и до сих пор продолжается безусловное отрицание капитала.

Пролетариат проводит эту политику допущения деятельности в промышленности и запрещения деятельности капитала в сельском хозяйстве не потому, что пролетариат не приемлет как раз сельскохозяйственного капитала [1]), а потому, что этого запрещения требует союз пролетариата с большинством крестьянства, пока это большинство стремится к такому запрещению.

Экспроприация (частичная) капиталистических и полукапиталистических слоев крестьянства беднотой во время второго этапа аграрной революции и низвержение значительной части этих слоев в ряды мелких хозяев, еще не переходящих в крупное, численное усиление таким образом той части крестьянства, которая может в течение известного времени поднимать свое хозяйство, как мелкое хозяйство, с одной стороны, и иллюзии другой части мелких хозяев, с другой стороны, обеспечивали до сих пор этой политике поддержку большинства крестьянства.

Однако для значительной части крестьянства эта политика есть иллюзорная политика, политика самообмана. Эта часть крестьянства не в состоянии поднять своего хозяйства, оставаясь

---

[1]) Ибо силой, могущей организавать вокруг себя мелких хозяев, является в деревне и торговый капитал; а на него юридическое запрещение не распространяется.

мелкими хозяевами. Для того, чтобы стать и быть действительным мелким хозяином, недостаточно получить землю, надо располагать и соответствующими средствами производства.

Мелкобуржуазная антикапиталистическая крестьянская революция оказалась бессильной осуществить это условие путем экспроприации капиталистической и полукапиталистической части крестьянства. Об этом говорят данные о проценте хозяйств без рабочего скота, который по РСФСР составлял [1]):

	%%
в 1917 г.	27,0
в 1920 г.	27,1

В дальнейшем, после завершения антикапиталистической крестьянской революции та часть крестьянства, которая не располагает минимальными средствами производства не только не уменьшилась, а значительно увеличилась (в первую очередь под влиянием исключительного неурожая 1921 года). Так процент хозяйства без рабочего скота по РСФРС [2]):

	%%
в 1920 г.	27,1
в 1922 г.	37,5

Под'ем сельского хозяйства начался с 1923 г., но и до сих пор положение дел не изменилось существенно. По другим данным ЦСУ [3]), охватывающим св. 120 тыс. хозяйств в 25 губерниях РСФСР, процент хозяйств без рабочего скота составлял:

	%%
в 1922 г.	33,7
в 1923 г.	33,6
в 1924 г.	32,4

Следовательно, число хозяйств без рабочего скота изменилось незначительно и остается значительно большим и чем в 1917 и чем в 1920 году.

Как сильны иллюзии значительной части крестьянства о возможности стать настоящими мелкими хозяевами, показывает тот факт, что эти надежды питали (в значительной мере и сейчас питают) не только широкие полупролетарские, но и пролетарские слои крестьянства: огромное большинство сельско-хозяйственных рабочих перешли, как известно, не к товарищескому, а к единоличному хозяйству (хотя, несомненно, среди них в значительной части вербуются члены наших крестьянских коллективов и было бы весьма интересно выяснить, какую часть участников коллективов и в частности их организаторов составляют большинство сельско-хозяйственных рабочих).

Живучесть этих иллюзий коренится в том, что после революции наступает эпоха под'ема мелкого хозяйства, как такового (хотя и исторически ограниченного довольно узкими пределами): правда, не всех мелких хозяйств, а лишь тех, которые располагают достаточными средствами производства. Но именно это

---

[1]) См. „Сборник стат. сведений по СССР“ Москва, 1924, стр. 107.

[2]) См. там же. На Украине в 1923 г. хозяйства без рабочего скота составили 52,7% (см. А. Хрящева „Группы и классы в крестьянстве“, Москва, 1924 г. стр. 51); в 1920 г. по данным „Сборника“ (стр. 107) 34,3%, в 1917 г. 42,2%.

[3]) См. сноску первую.

сознание предстоящего под'ема и делало такими жгучими иллюзии остальной части мелких хозяев, не располагающих средствами для ведения своего единоличного хозяйства.

Живучесть этих иллюзий, имеет, следовательно, не иллюзорную почву. Но рано или поздно эти иллюзии значительной части крестьянства рассеются, будут осознаны им, как иллюзии. Чем дальше, тем сильнее будет расти число тех, кто разочаровался в возможности создать общественное мелкое хозяйство.

В результате империалистской и гражданской войны значительная часть (быть может около половины) мелких хозяев разорена настолько, что возможность под'ема на основе мелкого единоличного хозяйства для нее, как для массы, закрыта.

У этой части мелких хозяев только два выхода—отрыв от земли, отказ от своего хозяйства, переход в ряды городского или сельского пролетариата, или об'единение для товарищеского хозяйства.

Часть—в особенности не до конца разорившиеся—пойдет по последнему пути. Тенденция к товарищескому об'единению имела место у таких крестьян всегда. Например, супряга, т.-е. совместная обработка земли (под которой иногда, а в настоящее время довольно часто скрывается эксплоатация зажиточным маломощного), была весьма распространена и до революции. Так в конце 19 века в Екатеринославской губернии обрабатывали вспашку супрягой [1]).

					%%
Из безземельных хозяйств					19
Из имеющих до			1	дес.	53
"	"	"	1 —3	"	8
"	"	"	3 —5	"	49
"	"	"	5 —10	"	59
"	"	"	10 - 15	"	46
"	"	"	15 — 20	"	34
"	"	"	20—25	"	14
"	"	свыше	25	"	4

Наиболее слабо, как видно из этих данных, супряга была распространена у совершенно разорившихся (безземельных) и в высших (по землевладению) группах крестьянства, сильнее всего у малоземельных, где она в известной, и, вероятно, значительной части являлась зародышем товарищеского об'единения мелких крестьян, погибавшим однако прежде, чем такое об'единение достаточно укреплялось. Теперь эти зародыши погибают много реже, а очень часто укрепляются и развиваются.

Но этот частичный выход в течение долгого времени не сможет ликвидировать тот коренной факт, что значительная часть крестьянства не располагает достаточными средствами производства, что основное, чем оно располагает это его рабочая сила.

Об'единение в коллективы, т.-е. переход к более крупному хозяйству повышает, конечно, продукцию об'единившихся крестьянских хозяйств, а тем самым и жизненный уровень вошедших в об'единение крестьян, но оно не увеличивает возможность применения для их рабочей силы настолько, чтобы поглотить избыток не находящей целесообразного применения рабочей силы. Ибо хотя при переходе к коллективному хозяйству размеры продукции хозяйства растут, но растет одновременно и производитель-

[1]) См. Б. И. Книпович „К вопросу о диференциации русского хозяйства" С. Петербург, 1912 г. стр. 32.

ность труда в нем, а потому потребность его в рабочей силе падает относительно (а иногда абсолютно).

Поэтому улучшая условия существования, а потому и требовательность крестьян в смысле оплаты рабочей силы, об'единение маломощных хозяйств не уничтожает их заинтересованности в возможности применения рабочей силы вне их коллективного хозяйства.

К тому же по пути товарищеского об'единения пошла пока лишь небольшая часть крестьян, которые не в состоянии вести собственного хозяйства.

Поэтому неуклонно растет их предложение рабочей силы.

В течение последних лет одновременно с ростом числа городских рабочих росло и число городских безработных, т.-е. число ищущих работы в городе, что возможно только при условии притока в города безработных извне, т.-е. из деревни.

Нет сомнения, что аналогичное явление должно иметь место и в деревне. Косвенно об этом говорит значительный рост за последний год аренды, т.-е. отказа части крестьянства от ведения собственного хозяйства, и значит и рост необходимости жить продажей своей рабочей силы.

Но в деревне, в силу юридического запрещения крупного частного хозяйства, применение наемного труда осуществляется в разнообразных скрытых формах, неудобных для крестьянина—капиталиста и особенно тяжелых для фактического батрака.

По мере того, как будут изживаться иллюзии разоренной вами, по мере их об'единения в коллективы и перехода другой части крестьянства о возможности стать единоличными хозяеих части на положение, рабочих политика юридического запрещения сельскохозяйственного наемного труда и сельскохозяйственного капитализма будет терять поддержку этой части крестьянства (около половины его).

Но она будет терять поддержку и с другой стороны. Развитие мелкого хозяйства означает его развитие в сторону крупного хозяйства. По мере под'ема той части мелких хозяйств, которые располагают необходимыми для ведения хозяйства средствами производства будет расти (и растет) число зажиточных хозяйств, т.-е. таких, которые стремятся расширить свое хозяйство за пределы, ограничиваемые их собственной рабочей силой.

Беднота—это потенциальные (возможные) пролетарии потому, что их средства производства недостаточны, чтобы они могли полностью и рационально применить свою рабочую силу в собственном хозяйстве.

Зажиточные это—потенциальные (возможные) капиталисты, потому что их рабочая сила недостаточна, чтобы полностью и рационально использовать их собственные средства производства, потому что для этого необходима добавочная чужая рабочая сила.

Именно поэтому различия в состоятельности становятся исходной точкой для образования противоположных классов, количественные различия—исходной точкой для качественных.

Преуспевающий мелкий буржуа не может остаться мелким буржуа, а превращается, поскольку он остается частным собственником, в капиталиста. Применение наемной рабочей силы таким преуспевающим мелким буржуа является, конечно, вовсе не его прихотью, а необходимостью для его преуспевающего хозяйства. Но как раз то, что применение наемного труда стано-

вится для него необходимостью и означает необходимое превращение его в капиталиста (разумеется, протекающее как процесс) [1].

И каждый мелкий хозяин, которого развитие его собственного хозяйства подводит к этой черте, естественно перестает быть сторонником политики юридического запрещения крупного сельского хозяйства. Число ее защитников должно поэтому таять с обоих концов.

С того момента, как утопическая попытка юридически запретить капитализм в сельском хозяйстве потеряет—по разным мотивам у разных слоев крестьянства—поддержку большинства крестьянства, отпадет и у пролетариата основание для особой политики по отношению к капиталу в сельском хозяйстве.

Пролетариат сам по себе не заинтересован в том, чтобы ставить капитал в сельском хозяйстве в иные условия, чем в промышленности, не заинтересован в том, чтобы поощрять вложение капитала в торговлю и ростовщичество за счет вложения его в сельскохозяйственное производство; поощрять скрытые формы капитала, связанные с особенно суровой эксплоатацией работника, за счет открытых.

«Союз пролетариата с большинством крестьянства» означает поэтому не только политику содействия под'ему мелкого хозяйства в рамках мелкого хозяйства, но и политику облегчения и улучшения условий реализации рабочей силы для той части мелких хозяев, которые не в состоянии вести своего собственного хозяйства, политику, к которой необходимо перейти с того момента, когда иллюзии этой части мелких хозяев о возможности стать настоящими мелкими хозяевами исчезнут.

Но не означает ли это ставку на капиталистическое развитие мелкого хозяйства?

Нет. Думать, что уничтожение юридического запрещения сельскохозяйственного капитализма означает превращение сельского хозяйства в капиталистическое, это значило бы считать, что именно это юридическое запрещение и мешает сельскому хозяйству стать капиталистическим. Это значило бы переоценивать одновременно и значение юридических запрещений и потенциальные (скрытые) возможности развития капитализма. Конечно, крупное хозяйство побивает и будет побивать мелкое. Конечно, в борьбе между мелким (мелкобуржуазным) хозяйством и капиталистическим будет побеждать последнее, по мере того, как будет развертываться их конкуренция. Но это не значит, что сельское хозяйство будет становиться капиталистическим.

В условиях господства пролетариата развитие сельского хозяйства будет итти не так, как оно идет в условиях господства капитала. Под давлением конкуренции вообще (и в частности конкуренции капиталистического сельского хозяйства) мелкие хозяева будут толкаться в сторону все более широкого об'единения в коллективы.

Это с одной стороны будет означать усиление конкуренции крупного хозяйства с мелким, ибо к конкуренции крупных капиталистических хозяйств прибавится конкуренция крупных коллективных хозяйств. И это усиление конкуренции будет дополнительным побуждением к товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы.

[1] Попытки доказать, что те, кто нуждается в применении наемного труда в своем хозяйстве, не повинны в этом и потому не имеют ничего общего с капиталистами, подменяют экономический подход моральным, здесь совершенно неуместны. См. напр. статью т. Эр. Квиринг в № 15 „Правды" от 18 января.

А с другой стороны это будет означать возникновение и развитие конкуренции между капиталистическими и между коллективными хозяйствами, т.-е. конкуренции между крупным и крупным хозяйством. Поэтому, экономическая политика пролетариата даже и при уничтожении юридического запрещения сельскохозяйственного капитализма означает ставку на крупное хозяйство, но не капиталистическое, а коллективное, т.-е. переходное к социалистическому, означает ставку на трудового крестьянина, но не отсталого, держащегося за собственное мелкое хозяйство, а передового, идущего на товарищеское об'единение с другими.

То большинство крестьянства, которое является союзником пролетариата, неоднородно. В нем господствуют еще мелкобуржуазные иллюзии о возможности процветающего мелкобуржуазного хозяйства, где каждый сам себе хозяин, и где нет ни капиталистов, ни пролетариев.

Действительность одновременно и поддерживает пока эти иллюзии, поскольку значительная часть мелких хозяев подымается, как мелкие хозяева, и разрушает их, поскольку одни, отчаявшись в попытке поднять свое хозяйство, или забрасывают его или об'единяются с другими, создавая товарищеские хозяйства—коллективы, а другие, подняв свое хозяйство до крайних пределов использования своей рабочей силы, тянутся применять чужую.

Союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает в этих условиях необходимость такой политики пролетариата, при которой были бы обеспечены:

беспрепятственное развитие, более того посильная помощь под'ему мелкого хозяйства, пока оно остается мелким хозяйством;

особая помощь как организационная, так и материальная (кредит) товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы, в которых работают только их члены, и государственному крупному сельскому хозяйству (совхозам);

организация и защита интересов сельскохозяйственных пролетариев-батраков и вообще всех тех крестьян, которые выступают как продавцы своей рабочей силы, там, где они выступают в качестве таковых;

экономическая борьба с сельскохозяйственными капиталистами государственного и товарищеского (коллективного) крупного сельского хозяйства;

наряду с внеэкономической, пока за нее стоит большинство крестьянства, т.-е. пока она является условием союза с ним, и с отказом от последней, когда за нею не будет больше большинства крестьянства.

М. Покровский.

Политические итоги учительского с'езда.

Пишущему эти строки живо припоминаются унылые вечер зимы 1919—20 года. Приходилось ему выступать на собраниях учителей, организовывавшихся союзом «Работников просвещения и социалистической культуры», как он тогда назывался.

Какова бы ни была тема доклада, записки всегда поступали одинаковые. Будут ли выдавать учительский паек и когда начнут? Будет ли отапливаться школа и кто даст дрова? А как насчет жалованья?

Было бы наивностью думать, что присутствовавшие не имели другого источника информации по всем этим вопросам, кроме докладчика о 9 января или о февральской революции. Многое, конечно, могли спросить просто у соседей, тут же в аудитории,— и получить более точный ответ. Но надо было спросить что-нибудь заведомо неприятное для выступавшего перед собранием коммуниста. «Ты вот о революциях распеваешь, а нам голодно, холодно. Ты бы лучше, чем о революциях-то растабарывать, сказал «своим», чтобы они школы топили!» Изредка, у людей посмелее, настроение прорывалось отчетливей, и получалась записочка, написанная бисерным женским почерком: «Вы вот сказали, что Николай II расстрелян,—а я знаю, что он жив и живет за границей».

Но всего ужаснее на этих собраниях был Интернационал Этого Интернационала я до гроба не забуду. Пела одна ячейка, человек 10—15 на аудиторию в 500 человек. Остальные молчали и стояли со скучающим видом людей, слушающих в церкви малую ектенью.

И вот, если бы я попал две недели назад в «Экспериментальный» театр после доклада тов. Зиновьева, не зная, что в театре происходит, я, на вопрос о звуках, доносящихся из зала, без колебаний ответил бы: «свердловцы или рабфаковцы». Кто же у нас дружнее поет Интернационал?

А это пел учительский с'езд. Пел по собственной инициативе и безо всякого предварительного сговора. Просто, само собою вырвалось.

Конечно, с'езд был левее учительской массы. Все учительские с'езды, с 1905 года начиная, были левее учительской массы—по той простой причине, что «середняка» на с'езд не пошлют. На с'езд едет всегда «головка». Получить иной с'езд можно было бы, только назначив делегатов по жребию. В данном случае левизна с'езда подчеркивалась тем, что на нем было почти 30% членов партии, тогда как среди учительства вообще коммунистов менее 5% (4,6). Но, ведь, и те собрания, с печального

воспоминания о которых я начал, организовывал союз—и там были только учителя, по тогдашнему крылатому слову, стоявшие «на советской площадке». Те, которые и на этой площадке не стояли, ни на какие собрания не ходили и сидели дома, терпеливо ожидая, пока их «освободят», на худой конец, хоть поляки. Надежды этого рода были очень распространены среди московского интеллигентного мещанства весною 1920 г., когда началась война с Польшей.

А теперь, с такой же настойчивостью, как на с'ездах 1905 г. «долой самодержавие!», на с'езде 1925 года звучало: «хотим в коммунистическую партию!» Сколько раз это было повторено на с'езде? Любители статистики подсчитают по стенограммам. Я в таком количестве этого желания не слыхал еще нигде. И после речей тов. Фрунзе и тов. Луначарского (посвятившего военным возможностям около получаса) определенно чувствовалось: если бы теперь Польша об'явила нам войну, народный учитель был бы в первых рядах призывающих к защите социалистического отечества.

Ничем, может быть, резче не оттенилось это настроение с'езда, чем речью Н. А. Рожкова. Он пришел призывать беспартийных учителей поддерживать коммунистическую партию во имя общекультурных интересов: а перед ним были люди, которые сейчас же взяли бы партийные билеты, если бы их раздавали по просту, без церемоний. Не мудрено, что с'езд не заинтересовался этой речью. А в 1920 году как радикально она прозвучала бы!

Надо сказать откровенно: такого сдвига учительской массы никто из нас, старых просвещенцев, ожидать не мог. Наибольшей оптимисткой в этом вопросе у нас всегда была т. Н. К. Крупская (спорившая постоянно со мною и по поводу моих впечатлений 1920 года), но, я думаю, с'езд обогнал даже ее ожидания. Было бы, конечно, наивностью думать, что мы имеем уже учителя-коммуниста: желать вступить в партию и быть выдержанным ленинцем, это две вещи разные. И винить за это учителя нельзя, ибо где у нас марксистская литература, для него доступная и к его нуждам приноровленная? Но что у нас есть советский учитель, и что этот советский учитель играет руководящую роль в учительской массе, на этот счет никаких сомнений быть не может.

Что было причиной этого сдвига? Первая мысль, которая приходит в голову, это об'яснить его упрочением советской власти. Убедившись, что новый порядок практически, в пределах предвидения одного человеческого поколения, несокрушим, что с ним надо как-то уживаться, люди отказались от своей «критики» и берут то, что есть, как оно есть.

Против этого об'яснения можно, прежде всего, возразить, что, ведь, в 1920 году мы тоже не были уже в положении случайных «захватчиков». Острый и опасный для нас период гражданской войны был уже назади, Юденич был уже отбит от Питера и отброшен за Нарову, Деникин стремительно откатывался к Новороссийску, Колчак был в плену у красных. О знаменитых «трех неделях» не заикались уже самые беспардонные белогвардейские Хлестаковы. Отдельные интеллигентские группы уже готовились «сменять вехи»,—но учитель в массе к нам не шел. Это, во-первых. А во-вторых, на с'езде чувствовалось не пассивное подчинение неизбежному, а настроения определенно активные,

желание работать и притом работать политически, рука об руку с РКП. Пришлось бы заподозрить учительскую массу в чудовищном лицемерии—об'яснение по отношению к массе совершенно немарксистское, а в данном случае, не имеющее под собою и никакой фактической почвы. Просто до учительства дошла, наконец, Октябрьская революция. Поздновато, но дошла. Лучше поздно, чем никогда.

В другом месте (см. «На путях к новой школе», № 1, 1925 г.) я наметил три препятствия, которые лежали перед учительством на этом пути: социальный состав учительской массы, эсеровское воспитание, материальная зависимость от сельской буржуазии.

Что касается первого, в своей характеристике я имел в виду учительскую массу перед 1905 годом—основные кадры старого земского учительства. Что поповичи среди него преобладали, не подлежит сомнению. Но уже в конце этого периода заметно было пополнение этих кадров новым социальным элементом—крестьянскими детьми, прошедшими через земскую школу. Шесть лет после первой революции, в 1911 году, крестьян-учителей было уже более 1/3 (36,2%): больше, чем поповичей и поповен, которые давали лишь одну пятую (20,2%). По данным тов. Я. Яковлева, «из обследованных в 1924 г. 24 волостей РСФСР—399 учителей—60% оказываются крестьянами и 12% рабочими». В Саратовской губ. крестьяне составляют 55%. Данные эти крайне неполны, но тем не менее говорить о поповиче, как о типе сельского учителя, давно уже не приходится. Этот тип или сбежал к белым или, в дни голода, ушел в советские учреждения. Нет худа без добра: жестокая голодовка учителя в годы военного коммунизма, о которой мне пришлось говорить в моей статье, очистила учительские кадры, во-первых, от шкурнических, во-вторых, от пришлых элементов. Удержались те, кто был предан своей профессии и не шел в советскую канцелярию, хотя она и обеспечивала ежедневную вяленую воблу и ежедневный фунт черного хлеба, да еще удержались местные люди, которым около своего хозяйства легче было прокормиться.

Среди последних не мало было связанных и с местными кулацкими элементами, и сама по себе их наличность еще не была признаком улучшения социального состава учительства. Но тут подошли на помощь политические моменты. Первым из них, по времени, была массовая работа учительства в Красной армии. Влияние Красной армии на работавших в ней просвещенцев не было еще, сколько я знаю, предметом обследования,—но по отдельным случаям, какие приходилось встречать, влияние это было огромным. Красноармейская атмосфера преображала учителя, особенно молодняк. Один старый буржуазный мыслитель говорил, что огромной важности вещь—быть связанным с каким-нибудь крупным делом: после этого житейским мелочам уже гораздо труднее засосать человека. Участие в гражданской войне и было таким крупным делом для нового, вышедшего из деревенской массы, учительства. Не для всего, конечно, но для весьма значительной его части.

Другим политическим моментом был разгром партии эсеров. Надо знать, как ревниво эта партия, пока была в силе, «оберегала» учительство от всякого постороннего влияния—до какой степени влияние эсеровщины было здесь поистине монопольным. На пути к сближению с коммунистами это влияние было главным препятствием: вот отчего учитель «не сдавался» ни в 1920, ни в 1921 году—годах наибольших упований эсеров на успешную контр-революцию. Теперь эта партия стала заграничной по преимуществу—внутри СССР сколько-нибудь серьезных эсеровских организаций более нет. Процесс 1922 года, в особенности связанные с ним разоблачения, должны были нанести сильный удар эсеровской идеологии в учительской среде. Многим учителям, из стариков, теперь просто напросто стыдно, что они когда-то шли за эсерами. И они робко спрашивают нашего брата-коммуниста: «Простили ли» их теперь? С первого взгляда даже не поймешь—за что простили, в чем он был виноват? А разговоришься, и увидишь, что имеешь дело с бывшим эсером или эсерствующим, стыдящимся своего политического прошлого.

Это отпадение учителя от эсеров нашло себе очень интересное отражение в эсерствующей литературе. Чрезвычайно ласковая к учителю, пока он оказывал «геройское» сопротивление коммунистам, эта эсерствующая литература, с 1923 года, примерно, просто перестала его замечать в деревне. Нет, говорит, его вовсе, учителя, в деревне. Есть люди, которые притворно возятся около школы (ради очень больших доходов, должно быть!)—но какие же это учителя? Разве такие учителя в наше, эсеровское, время были? На удочку одной из таких эсерствующих книжонок попалась тов. П. Виноградская, об'явившая, на основании «наблюдений» эсерствующих студентов, что в деревне «что касается учительства-шкрабов, то они почти отсутствуют, их роль в деревне пока сводится к нулю» [1]). Не верьте этим «наблюдателям», тов. Виноградская: это роль эсеров сводится в деревне к нулю, а так как учитель представлялся эсерам (и еще так недавно—всего в 1921 году!) присяжным агитатором и пропагандистом их партии, то теперь на его счет и собираются, под видом «этнографических исследований», всякие деревенские сплетни. А когда попадает в деревню коммунист, то глаза его видят, представьте себе, совсем другое. Обследование целого ряда губерний—Московской, Харьковской, Владимирской, Воронежской, Екатеринославской—свидетельствует об огромном под'еме общественных интересов среди учительства [2]). Его общественная работа так разрослась уже теперь, что начинает серьезно мешать его педагогической работе, и уже теперь приходится ставить вопрос, как эти работы увязать, чтобы учитель, став общественником, не «разучителился». Этнография—общественная наука, и классовая позиция этнографа так же важна, как и классовая позиция историка. Почитайте-ка эсеровские истории октябрьской революции.

Превращение учителя из эсеровского агитатора и пропагандиста в пропагандиста и агитатора на службе Советской власти и РКП и представляет собою тот процесс, который совершается на наших глазах, и одним из проявлений которого был только что прошедший всесоюзный учительский с'езд. Наша насущнейшая задача—всячески облегчить и ускорить этот процесс, идущий, пока что, больше самотеком. Избавление учителя от материальной зависимости перед сельской буржуазией—одна из само собою разумеющихся об'ективных предпосылок этого процесса:

---

1) „Печать и революция" 1924, кн. VI, стр. 97.
2) См. цитир. статью Я. Яковлева в сборнике „Учитель и Революция" стр. 64 и сл.

вот почему увеличение учительского содержанья и декрет об учительских пенсиях были отнюдь не случайными спутниками с'езда. Другим об'ективным моментом является организация учительства на местах.

Организация эта и сейчас гораздо выше того, что мы себе представляем. Мне пришлось говорить на с'езде с учительством как раз из тех северных губерний, где, по эсерствующим «этнографам», учительство—пустое место. С удивлением я узнавал, что учителя глухих лесных мест регулярно собираются по каждым 5—10 школам, читаются педагогические доклады, обмениваются своим школьным опытом. А от ближайшего города 40 верст, и никакой железной дорогой и не пахнет. После этого узнать, что в московской губернии только 20% учителей не втянуты в общественную работу, было уже неудивительно. Наркомпросовские инструктора, посещавшие уездные учительские конференции, единогласно свидетельствуют, что по уровню общественной сознательности эти конференции недалеки от хороших рабочих собраний, а раздававшиеся на них речи были таковы, что инструктор иной раз впадал в сомнение—не на партийную ли конференцию он попал. А это говорили беспартийные—правда, как мы видели, очень желающие войти в партию.

Словом, никогда еще не было более благоприятного момента, чтобы превратить народного учителя (противное слово «шкраб», которого не выносил Владимир Ильич, умерло тихой смертью на всесоюзном с'езде и, надо надеяться, не возродится; хорошо бы воспретить его, в официальном словоупотреблении, формально)—чтобы превратить народного учителя в того советского агитатора и пропагандиста в деревне, каким хотел его видеть Ленин[1]). На пути к этому стоит еще, однако, ряд препятствий.

Прежде всего, надо твердо помнить, что если даже работника физического труда приходится заинтересовывать в его работе индивидуально, чтобы труд был действительно производителен, то по отношению к работнику труда умственного это условие категорическое. Учитель, который не интересуется своей работой, выполняет ее из под палки—не учитель; его нужно гнать из школы. Учителей, живо интересующихся своим делом, у нас достаточно—в процентном отношении, как мне уже пришлось упоминать, их, вероятно, больше, чем было до революции. И этим лучшим как раз учителям очень туго приходится, когда они на местах сталкиваются с «властью», весьма мелкой по калибру на нашу оценку, но там, на месте, располагающей громадными полномочиями. Методы военного коммунизма, методы действия исключительно сверху, давно изжитые и осужденные в центре, на местах до сих пор являются аксиомой. Один из образчиков применения таких методов к школе и учителю был опубликован «Учительской Газетой» в самый день открытия с'езда (статья «Ложка дегтю»). Я приведу, по письму одной провинциальной учительницы, другие—менее яркие, но относящиеся непосредственно к педагогической работе и потому еще более убедительные в данном случае. «На конференции осенью наш инспектор определенно произнес такую фразу: «нам нет дела до индивидуальных наклонностей ваших учеников и вам не должно быть до них дела: вы должны воспитывать нам только социальных единиц». На переподготовке программы ГУС'а разрабатываются по дням, весь материал строго определен и рассчитан, и в таком виде преподносится и «пропускается» через учителей... Теперь в нашей секции мы разрабатываем подробнейшую программу, чуть ли не по дням, для станичных учителей, которые с'ехались сюда на конференцию и получат ее от нас в готовом виде для применения на местах...»

[1]) См. его речь на совещании по работе в деревне, в июне 1920 г. (Соч. XVII, стр. 219).

В Красной армии все это очень хорошо—и очень плохо было бы, если бы каждый красноармеец по своему вздумал маршировать, стрелять и т. д. Это была бы партизанщина, а не армия. Но уже в генштабе никто не попробует сочинять готовые рецепты на всевозможные случаи войны—а пробовавшие это делать во время войн французской революции австрийцы поплатились за это под Маренго и Аустерлицем. Всякому учителю приходится, хотя и в маленьком масштабе, творить—приспособляясь к имеющемуся вокруг его учеников материалу и к индивидуальности этих учеников. И предписать всем учителям во всех школах со всеми учениками в один и тот же день проходить одно и то же—это идеал французской школьной бюрократии, а никак не советской педагогики. Пока мы не изживем этих французско-бюрократических приемов, учитель у нас, пожалуй, действительно останется тем несчастным «шкрабом», который своим забитым видом доставляет злорадное удовольствие эсерам, потерявшим всякую надежду обратить его в свою веру.

Другим недостатком, который надо изживать, является отсутствие живого и компетентного руководства на местах. Ведь тот инспектор, речь которого выше цитировалась, ничего больше единицы (не «социальной», а обыкновенной) по педагогике получить не может. Квалифицированные коммунисты у нас не в избытке и в центре. На местах их очень часто вовсе нет, а есть более или менее усердные просвещенские чиновники. Но, вопреки известному старорежимному афоризму, «усердие» далеко не «все превозмогает». Прежде всего, одного усердия мало, чтобы стать марксистом. А нужно определенное марксистское руководство. И тут приходит на память мысль, возникшая когда-то на лекторской группе свердловского университета: сформирование особых «лекторских бригад», куда входили бы и лучшие педагоги-спецы и хорошие руководители-коммунисты, и которые проводили бы ряд учительских курсов на местах. Такие курсы в свое время сыграли роль в эсеровском воспитании учительской массы. Где удавалось прорваться сквозь эсеровское заграждение, пользовались этими курсами и мы, большевики (мне, например, пришлось читать на таких курсах в Вологде, в июне 1906 г.; немедленно после моего от'езда эсеры направили туда «Непобедимого»—Фундаминского—дабы сгладить впечатление...).

В третьей линии (не по значению, конечно, третьей) необходима специальная литература для учителей. Вопрос этот уже поставлен на очередь и в Госиздате и в Научно-Педагогической секции ГУС'а, но о нем как-то мало говорят, а нужно кричать с крыш. Учителю не в покуп и не в под'ем толстые книги—а между тем учитель в деревне это ходячая энциклопедия. Именно для своей агитаторской и пропагандистской работы он должен все знать, на все уметь дать ответ. И отдельные номера учительской библиотечки должны быть, если не написаны,

то проредактированы, фактически и очень тщательно, нашими лучшими авторами. Американцы в этих случаях прибегают к сотрудничеству целого ряда лиц: один подбирает материал, другой политически (у американцев с точки зрения империализма, разумеется) его редактирует, третий облекает все это в литературную форму. Мы должны отнестись к своей учительской литературе не менее тщательно.

Всесоюзный учительский с'езд задал нам огромные задачи. Но над ними стоит трудиться. До сих пор смычка с деревней мыслилась у нас только по одной линии—через связанного с деревней рабочего. Эта линия остается и до сего дня главной. Но теперь у нас есть и другой привод—через народного учителя. Если прибавить сюда привод третий—через организуемую комсомолом деревенскую молодежь, получится передача такой силы, какой мы еще никогда не имели—о какой мы недавно еще и не мечтали. Наша политическая позиция в деревне сейчас неизмеримо сильнее позиции наших противников—и было бы настоящим чудом,—чудом нашей неумелости—если бы, сидя на таких командных высотах, мы не сумели бы стать политически в деревне так же прочно, как мы стоим в городе.

Б. Семенов.

События в Китае.

Силы, действующие в Китае.

Иностранный капитал и его структура.

Для того, чтобы более или менее правильно оценить положение в Китае и сделать из этого соответствующие выводы, необходимо выяснить те силы, которые в открытом ли или в скрытом виде действуют как во всем Китае, так и в соответствующих его территориях и районах.

Для правильного учета обстановки необходимо посмотреть и на историю развития этих сил, притом историю не только сегодняшнего дня, а и осветить некоторые моменты более отдаленные.

Прежде всего совершенно бесспорным является иностранное влияние в Китае. Но это иностранное влияние в продолжение известных периодов не было одинаково, и положение иностранного капитала, непосредственно после империалистической войны, в Китае , например, совершенно не похоже на его положение до нее, а положение непосредственно после империалистической войны не похоже на теперешнее его положение.

До империалистической войны в Китае действовали иностранные капиталы (мы берем конечно наиболее крупные и влиятельные капиталы) английский, германский, французский, русский и японский. Американский капитал в то время еще значительного участия в промышленной и, вообще, хозяйственной жизни Китая не принимал.

Т. к. очевидно, что политика и взаимоотношения капиталов зависят, главным образом, от их внутренней структуры, в каковой они проникают в полуколонию, то постараемся в общих чертах наметить основные особенности их.

Прежде всего, капитал английский. У английского капитала было определенное преимущество уже в том, что из всех своих основных конкурентов он пришел в Китай раньше всех.

Основной особенностью этого капитала было то, что он был капиталом очень старым, имевшим очень большое предварительное накопление, был капиталом очень полнокровным, у которого соотношение между этим накоплением и капиталом занятым в основной промышленности, в метрополии, было достаточно велико, чтобы выдержать небольшой по сравнению с промышленными прибылями процент при условии приложения его как капитала ссудного. Кроме того, чрезвычайно развитая промышленность в метрополии заставляла искать рынка сбыта этих товаров и т. к. основной тенденцией к распространению своих товаров в это время было уже предложение ссудного капитала с обязательным условием этих займов—приобретение соответствующих товаров, то эта тенденция в соединении с низким уровнем

процента заставляла английский капитал выступать в Китае, как капитал ссудный. Но вместе с тем необходимость получения сырья заставляла переносить в Китай и капитал промышленный, который доставлял бы сырые материалы для отечественной промышленности, производил бы именно сырые материалы для нужд отечественной промышленности.

Таким образом, английский капитал в Китае до империалистической войны выступал в Китае в двояком виде: как капитал ссудный и капитал промышленный—в одинаковой мере.

Германский капитал, который был гораздо менее полнокровен, чем капитал английский, и который сверх того имел сравнительно с английским, гораздо меньшую хозяйственную территорию, развивался относительно быстрее английского капитала, и действовал в Китае как капитал в первую очередь промышленный, ибо в силу своей меньшей полнокровности не мог бы вынести конкуренцию с английским капиталом, как капитал ссудный.

Русский и японский капиталы, почти одинаковой мощности и структуры, действовали в Китае почти исключительно как капиталы промышленные, притом с некоторыми особыми способами проведения своего влияния и работы. Это были капиталы маломощные, но вместе с тем и благодаря этому очень активные, особенно японский. Т. к. японский капитал вышел на мировую арену тогда, когда лучшие места под солнцем уже были захвачены его более старыми и счастливыми соперниками, то японский капитал в первую очередь был капиталом чрезвычайно активным.

Но в силу своей экономической слабости оба эти капитала—японский и русский—не могли выдержать свободной экономической конкуренции с своими соперниками. Для своего существования на иностранной территории они нуждались в своего рода оранжерейной обстановке, в подкреплении своего экономического влияния помощью вооруженной силы, чтобы под покровительством своего штыка не допускать своих соперников до захваченной территории.

Французский капитал действовал, как капитал ссудный, что вытекало из его структуры в метрополии.

Американский капитал, в Китае до империалистической войны почти не действовал, т. к. он еще не смог насытить своего континента и потому еще не выходил в такой мере на мировой рынок.

Таким образом, до империалистической войны на территории Китая подвизались следующие основные соперники: Англия—капитал промышленный и ссудный, Германия—капитал, главным образом, промышленный, Франция—капитал ссудный, Россия и Япония—капиталы промышленные. И т. к. разнородные капиталы допускают известную степень сотрудничества, а однородные имеют достаточно поводов для конфликтов, ибо в самой их однородности кроется первая причина постоянных конфликтов и противоречий между ними, то английский капитал, в силу своей двойственности, был одновременно и чужд и родственен другим своим соперникам и потому Англия до войны шла особняком в Китае, враждуя со своими соперниками и одновременно координируя с ними свои действия с каждым в той мере, в какой английский капитал был однороден или разнороден со своим соперником.

Французский капитал, будучи единственным чисто ссудным капиталом, мирно уживался почти со всеми своими соперниками, кроме Англии, по некоторым вопросам.

Русский и японский капиталы, будучи совершенно однородны, действуя, притом, совершенно одинаковыми методами, все время проводили в глубокой вражде и соперничестве, тем более, что им приходилось действовать на общей территории.

Положение иностранного капитала в Китае во время и после империалистической войны.

Но вот наступила «великая» империалистическая война. Китай хотя и принимал участие в войне, но больше, так сказать, принципиально. Самая война на Китае непосредственно, почти не отразилась. Но в самой структуре, действовавших до сего времени на территории Китая иностранных капиталов, произошли за время этой войны глубокие изменения, изменения, обусловившие и новую политику отдельных иностранных капиталов.

Во-первых, в виду возникновения в странах Антанты военной промышленности и колоссального ее развития во время этой войны, начался отлив иностранного капитала из Китая. Военные прибыли были настолько выше всяких прибылей, которые иностранный капитал мог получить в Китае, что капиталы из Китая пересилились в метрополию, где пошли на создание громадной военной промышленности. В первую очередь отлили те капиталы, которые фигурировали в Китае в качестве капитала ссудного, что вполне понятно, т. к. промышленный капитал был гораздо прочнее закреплен в предприятиях.

В частности германский капитал, по обстоятельствам военного времени, был в Китае совершенно ликвидирован и его место заняли другие. Русский капитал тоже отлил к себе на родину, где и занялся приготовлением в больших размерах военного снаряжения и ружей. К концу же войны, с наступлением нашей революции, он вообще сошел со сцены.

Японский капитал во время войны развил, с одной стороны, громадную военную промышленность, а с другой, пользуясь уходом с китайской арены большей части своих соперников, занял их место. Кроме того, он в результате войны, занимаясь военными поставками, сделался очень полнокровным и тем самым получил преимущество перед своими соперниками, которые, наоборот, втянули массу своих капиталов в военную промышленность и потому сделались менее полнокровными.

Таким образом обстановка за время войны совершенно переменилась, т. к. переменилась структура самих иностранных капиталов. Английский капитал, действующий во время войны в Китае, потерял свой двойственный характер, ибо отсутствие свободных денежных капиталов лишило его свойства ссудного капитала и он остался и начал действовать в Китае после войны лишь как капитал промышленный.

Французский капитал, отлив в метрополию, назад в Китай фактически не возвратился, т. к. он слишком много потерял на войне, с одной стороны, а с другой—потерял все вложенные в России деньги, кроме того, национальная военная промышленность всосала слишком много средств.

Германский капитал был ликвидирован, равно как и русский. Но тут выступил еще один конкурент, который в скором времени занял доминирующее положение — это Соединенные Штаты Северной Америки.

Америка—всемирный банкир, во время империалистической войны, поставщик оружия и военного снаряжения, накопила за время войны слишком много золота, от которого задыхалась. А т. к. Китай, как рынок, постоянно нуждался в деньгах, а Америке их девать было некуда и процент Китай давал, ввиду отсутствия конкуренции в предложении денег со стороны других соперников, очень большой, то Америка устремилась в Китай, как капитал ссудный, тем более, что предложение денег со стороны Америки всегда было обусловлено требованием покупать именно те товары, которых в это время было много в Америке.

Выступая до последнего времени как капитал ссудный, Америка, в силу разнородности стрктуры своего капитала, может в Китае сотрудничать с английским капиталом, с которым основных противоречий, возникающих из однородности структуры, у него нет. И из этой разнородности и вытекает в настоящее время такой трогательный альянс американского капитала с английским, альянс, доходящий до того, что капитан английской канонерки расстреливает китайских лодочников за убийство американца.

Японский капитал ту небольшую часть ссудного капитала, которую он имел до осени прошлого года, потерял после колоссального землетрясения в сентябре 1923 года, т. к. громадные восстановительные работы разрушенной промышленности, не считая уже необходимости пополнения убытков этой промышленности, вызвали значительный отлив японского ссудного капитала из Китая в метрополию. Оставшись только в виде промышленного капитала в Китае, притом в силу экономической слабости своей действующего особыми методами (охрана своими штыками и пр.), не дающими никакому другому капиталу работать совместно с японским, этот последний встал перед соединенной англо-американской коалицией как глубоко враждебная сила.

Местные китайские силы.

Но кроме влияния иностранного капитала, в Китае существуют и свои местные силы, которые в конечном счете, оказывают тоже свое серьезное влияние на происходящие события и на соотношение сил. Прежде всего в Китае уже имеется национальный китайский капитал. В результате быстрого процесса капитализации страны должен был естественно народиться национальный китайский капитал. Но до империалистической войны этот национальный капитал рос не так быстро, а империалистическая война, вызвав громадный спрос на продукты, которыми Китай был чрезвычайно богат, кроме того, вызвав и отлив иностранного капитала из Китая и, тем самым, оставив пробелы в его хозяйстве, дала толчок к скорейшему росту китайского национального капитала. Этот капитал начал развиваться, конечно, не с тех форм, с которых в свое время развивался, напр., английский капитал. Китайский национальный капитал сразу же усвоил себе все совершенные формы иностранного капитала и начал развиваться, как капитал финансовый. Две особенности обстановки толкали китайский национальный капитал к развитию именно в чистых национальных формах. Во-первых, в самом начале своего промышленного развития Китай уже не имел сильной государственной власти, которая могла бы путем протекционизма ограждать свою национальную промышленность от конкуренции иностранного капитала и, наоборот, рядом грабительских договоров было закреплено привиллегированное положение иностранного капитала в Китае. В силу этого обстоятельства, иностранный капитал в Китае не ассимилировался, не смешивался с китайским, и последний в большинстве случаев существовал самостоятельно. Это обстоятельство, конечно, имело отрицательное значение на количественный рост китайского капитала, но зато обеспечивало его сохранение в чистом виде. Второе обстоятельство,—это особенности условий китайского быта и жизни. В силу того, что обстановка, в которой приходилось действовать иностранному капиталу, была для него совершенно незнакома, незнакома и в настоящее время в значительной степени, вследствие крайней трудности китайского языка и своеобразия быта, то иностранный капитал должен был в своей работе прибегать к помощи исключительно китайцев. Создается институт «компрадоров». Эти компрадоры, действуя первоначально в качестве приказчиков иностранного капитала, постепенно обращаются в самостоятельных капиталистов. И т. к. иностранный капитал действует через этих компрадоров, то, таким образом, китайский рынок, как бы изолируется от действия иностранного капитала этой стеной компрадоров, и в нем свободно развивается китайский национальный капитал.

Китайский национальный капитал необычайно вырос за последнее время и продолжает расти с такой же быстротой. Напр., из 19 миллионов тонн каменного угля, выработанного в Китае в 1922 году, почти половина выработана на копях, принадлежащих китайскому капиталу, а из 97 миллионов долларов, вложенных в каменноугольные копи всего Китая, 50 миллионов принадлежат китайскому капиталу. В одном только Шанхае в 1924 г. из всех 49 хлопчатобумажных фабрик, работающих в этом городе, китайскому национальному капиталу принадлежат 24, почти вся мукомольная промышленность Китая сосредоточена в руках китайцев.

Т. к. иностранный капитал мало смешивается с китайским, а также вследствие того, что иностранный капитал, благодаря невыгодным для Китая торговым и другим договорам, находится в определенно привиллегированном положении по сравнению с китайским, последний, конечно, не может питать хороших чувств к своим соперникам. Такое привиллегированное положение иностранцев вызывает резкий отпор китайской крупной буржуазии, т. к. их преимущественное положение задерживает ее собственный рост, а существование различных местных таможенных обложений, падающих главным образом на китайскую промышленность и торговлю, т. к. иностранцы сумели от этих местных налогов отделаться, налогов, идущих на нужды милитаризма, поддерживаемого иностранцами в своих собственных интересах, вызывает такое же резкое недовольство китайской крупной буржуазии и китайским милитаризмом.

Одновременно быстрый процесс капитализации страны приводит к обезземеливанию мелких собственников.

Если возьмем цифры только за два года—1917 и 1918, то увидим следующую картину:

Категория	количество земли у одного собственн. в му (му—1/18 дес.).	количество владельцев 1917 год	1918 г.
1	100 му и более . . .	2.835.464	2.278.365
2	50 » » до 100 му .	5.348.315	4.137.136
3	30 » » » 50 му .	10.122.214	6.712.366
4	10 » » » 30 му .	13.248.474	11.303.570
5	Менее 10 му	17.353.386	17.914.331
	Итого	48.907.853	42.345.668

Таким образом, если сравним только эти два года, то замечаем следующую картину. В 1917 году в процентном отношении первая категория составляла 6% всего числа владельцев, вторая—11%, 3-я—21%, 4-я—26%, и 5-я—36 проц. В 1918 году 1-я категория составляет 6%, 2-я—11%, 3-я—14%, 4-я — 27% и 5-я — 42%. Все категории количественно уменьшаются, кроме последней, которая увеличивается на 600.000 владельцев. Средние категории, владеющие землей от 10 и до 100-му, уменьшаются больше всего—на 6 слишком миллионов, иначе говоря, резервная армия труда только за один год получила новых шесть миллионов членов (в действительности больше, т. к. здесь приводятся цифры только владельцев, не считая их семей).

Т. к. площадь обрабатываемой земли, равная в 1917 году 75 миллионам дес., или 1.350.000.000-му, в 1918 году не уменьшилась, то, очевидно, что, наряду с обезземеливанием мелких собственников происходит и некоторое укрупнение количества земель в руках первой категории, которая численно уменьшилась.

Местные налоги, которые взимают за землю отдельные дудзюни, налоги, с развитием китайского милитаризма все более и более увеличивающиеся, вызывают со стороны обезземеливаемого крестьянства ненависть против милитаризма и питающего его империализма, а постоянные войны, которые ведутся между отдельными дудзюнями и разоряющие крестьянские хозяйства, отнюдь не уменьшают этой ненависти.

Крайне многочисленные китайские ремесленники и кустари, не могущие конкурировать с привозимыми из-за границы товарами гораздо лучшего качества и более дешевыми, вытесняемые и разоряемые ускоренным процессом капитализации страны, также не могут питать особой приязни к иностранному капиталу.

Наконец нарождающийся китайский пролетариат. Численность всей рабочей массы в Китае приблизительно определяется в 5 миллионов человек. Из этого количества 2 миллиона заняты в современной капиталистической промышленности. По отраслям производства эти рабочие распределяются следующим образом: горнорабочих—420.000, металлистов—200.000, текстильщиков и рабочих шелкового производства—300.000, железнодорожников — 100.000, рабочих электрической промышленности — 100.000, табачной и спичечной—200.000, печатников — 80.000, строительных рабочих—600.000, бумажников—100.000 и т. д.

В профсоюзы организовано 300.000, при чем на долю крупной промышленности падает 215.000 членов. Т. к. наиболее крупная

промышленность в Китае принадлежит все же иностранцам, то естественно, что ненависть рабочих в первую очередь и главным образом направлена в сторону иностранцев, а жестокие расправы, которыми по требованию иностранцев китайские милитаристы пытаются задушить рабочее движение в Китае (стачка на Пекин-Ханькоуской ж. д. и пр.) вызывают ненависть и против милитаристов и милитаризма, как системы.

На основе этого роста ненависти китайского народа к иностранному империализму и китайскому милитаризму и пробуждения национального самосознания, возникает большое национально-освободительное движение в Китае, руководимое партией Гоминдан и ее вождем Сун-ят-сеном. Наибольшее проявление это движение имеет на юге Китая, где у партии Гоминдан имеется территориальная база и государственный аппарат. Во всех остальных частях Китая это движение под давлением своего мощного противника—иностранного империализма существует в скрытом виде, вырастая с годами и созревая.

На февральском конгрессе Гоминдана в 1924 году была принята вновь выработанная программа партии, предусматривающая три основных принципа: принцип национальный, принцип демократизма и социализма. Национальный момент новой программы партии определяется, как борьба против иностранного империализма и собственного китайского милитаризма и борьба за равноправие всех национальностей, населяющих Китай. Социалистический принцип—равномерное распределение всех земель—определяется партией, как борьба за ограничение роста частного капитала. Партия Гоминдан требует разрешения аграрного вопроса путем предоставления малоземельным крестьянам и арендаторам земли и средств для аренды. В вопросе о промышленности программа Гоминдан предусматривает национализацию предприятий, носящих монопольный характер, а также национализацию крупных предприятий, как иностранных, так и китайских, находящихся в частных руках (напр., железнодорожных и банковских).

Партия Гоминдан создала почти во всех городах и странах, где имеются китайцы, свои отделения. До 1919 года количество зарегистрированных членов не доходило до 100.000 человек, в 1920 году уже превышало 100.000. К декабрю 1922 года членов партии было уже 238,000 человек. В 1923 году количество членов в Китае увеличилось еще на 23.000 и в колониях—на 4.600. Работа Гоминдана проходит при непосредственном и деятельном участии киткомпартии.

Все эти силы направлены против иностранного империализма своим острием. В известных случаях эти силы, как направленные против одного общего врага, контактируют свою работу. Но эти же силы, до тех пор, пока соответствующий иностранный капитал или об'единенная группа иностранных капиталов работает безраздельно в соответствующей сфере влияния, придавлены и доминирующим политическим влиянием в этой территории пользуется иностранный капитал.

Очевидно, что в случае, если бы это влияние иностранного капитала в силу каких-либо причин было аннулировано или ослаблено, немедленно же эти китайские силы начали бы действовать и оказывать свое влияние на складывающуюся политическую обстановку.

Последние события в Китае.

Что же произошло в Северном Китае и какова обстановка в результате окончания этих событий (это прекращение, конечно, только временное, как мы увидим ниже)?

Прежде всего, конечно, ни для кого не секрет, что главной движущей силой, вызвавшей эти события, было соперничество двух противников—англо-американского капитала, с одной стороны,—и японского, с другой. Эти две иностранные силы являются вместе с тем и главными иностранными капиталами, действующими в Китае, так как остальные, как мы видели выше, или же были ликвидированы в результате войны, или же отлили к себе в метрополию.

Чем же об'ясняется такое яркое проявление противоречий иностранных капиталов в Китае? Ведь мы знаем, что до империалистической войны иностранные империалисты почти всегда столковывались между собой, не доводя до столкновений своих ставленников в Китае.

Почти во всех вопросах иностранцы выступали единым фронтом, маневрируя, в случае, если интересы отдельных иностранных капиталов сталкивались в каком-либо вопросе.

Совсем не то наблюдается после империалистической войны. Столкновения противоречий иностранных империалистов в Китае начинает разрешаться уже не единым фронтом, а вооруженной борьбой, которую ведут, конечно, не сами империалисты, а китайские милитаристы соответствующей ориентации. Об'ясняется это тем, что если до империалистической войны Китай представлял из себя такую арену для работы иностранных империалистов, которая позволяла им маневрировать, то в настоящее время обстановка совершенно изменилась. Китай уже не представляет из себя такой арены, где можно было бы в случае столкновения таких интересов найти компромисс, удовлетворяющий обе заинтересованные стороны. Произошло это по двум причинам. С одной стороны, интересы империалистов определились и утончились в большей степени, чем это было до империалистической войны, эти интересы выросли, в то время как арена приложения осталась прежней. Кроме того, сужению способствует и рост китайского национального капитала, который заполнил уже довольно значительные пробелы в хозяйственной жизни Китая, существовавшие до империалистической войны. Поэтому, лишенные в значительной степени свободы маневрирования, подталкиваемые ростом своих интересов в Китае, империалисты все чаще и чаще начинают прибегать к вооруженному (через посредство пока китайских милитаристов) разрешению своих противоречий. В результате роста противоречий между англо-американским и японским капиталами и возникла эта последняя гражданская война в Китае. Конечно, кроме этих основных причин действовали и причины местного характера, мотивы личного и иного характера, но, в конце концов, эта основная причина—столкновение двух иностранных капиталов—является основной и она определяет как самое развитие событий, так и их конечный исход.

Ход событий.

Посмотрим, как развивались китайские события.

В конце августа было первое сообщение о начавшихся военных приготовлениях в провинциях Чже-цзян и Цзян-су. Вопрос шел пока что только о военных приготовлениях, но это не помешало Америке ухватиться за это обстоятельство. 30 августа (на другой день после появления первых известий о военных приготовлениях), в Вашингтоне уже состоялось заседание кабинета под председательством Кулиджа, на котором Юз доложил, что в Китае вспыхнула гражданская война и что «интересам американских подданных угрожает опасность». Но еще за сутки ранее Америка предупредила китайское правительство о неизбежности вмешательства иностранных держав, в случае возникновения гражданской войны в Китае. 31 августа английский консул в Кантоне пред'являет Сун-ят-сену ультиматум, в котором уже упоминает о неизбежности вмешательства английских вооруженных сил в конфликт.

Если бы дело ограничилось только таким быстрым реагированием на события, которые еще только намечаются, то можно было бы, пожалуй, только удивиться предвидению Юза и таким быстрым мерам, которые он принимает по отношению к защите интересов американских граждан в Китае. Но вопрос принимает уже поистине удивительные формы, если просмотреть японскую прессу, посвященную началу китайских событий. Конечно, японская пресса совершенно не брала на себя обязанности скрывать каких-либо махинаций Юза и она разоблачает его не за страх, а за совесть. По этим сообщениям «проект разделения Китая на зоны влияния был рассмотрен во время пребывания Юза в Лондоне. Группой Моргана было оказано давление на Юза перед его от'ездом в Лондон. В Лондоне Юз согласился на интервенцию на основе формулы, подтверждающей договор о «праве держав защищать жизнь и имущество иностранцев, не останавливаясь в случае необходимости перед активным выступлением, как, например, в том случае, если падение нынешнего китайского правительства приведет к всеобщему хаосу».

Как видим, г. Юз очень и очень дальновиден. Он знает, что в случае поражения его ставленников в Китае, неминуемо установление правительства, которое полезно Японии. Поэтому он за полгода до китайских событий обеспечивает себе базис для вооруженного вмешательства, «в случае, если падение правительства приведет к всеобщему хаосу».

Первые столкновения начались около Шанхая. И так как почти сразу определился ход событий и особенно их исход около Шанхая, то англо-американская коалиция успокоилась за судьбу своего влияния. Лу-юн-сян будет разбит, а так как по учете всех сил у У-пей-фу их оказывалось больше, чем у Чжан-цзолина, то можно было совершенно спокойно ждать развертывания событий. И этот период, отмечаясь в японской прессе, как период критический для Японии, вместе с тем знаменуется и доминированием точки зрения японского военного министерства о необходимости вмешательства в дела Китая, так как «интересам иностранцев в Китае угрожает опасность». Но зато этот же период англо-американской прессой отмечен как не представляющий опасности для «интересов иностранцев в Китае».

Агентство Рейтер от 24 сентября п. г. сообщает, что великие державы высказались против вмешательства в китайские дела... Рейтер, конечно, имеет здесь в виду вооруженное вмешательство, так как с его точки зрения только голый штык имеет название вмешательства в чужие дела.

Одновременно с этим английская пресса публикует такое сообщение: «в официальных кругах считают неосновательными опасения, высказываемые в японских кругах, относительно слухов об англо-американском плане интервенции в Китае, плане, который, по слухам, имеет британское происхождение. Никаких шагов не было предпринято британским правительством по отношению к интервенции в Китае по той причине, что подобная интервенция не имеет практического значения в настоящее время. Если настанет момент, когда будет случай для международного действия, британское правительство будет весьма осторожным и посоветуется со всеми заинтересованными державами, включая Японию и Францию, и никакие меры не будут предприняты без согласия этих держав».

Таким образом, раз Японию и Францию (особенно первую) спросят, когда придет время для международного вмешательства, и раз момент сейчас определенно неподходящ для такового, то, очевидно, он неподходящ не только для Америки и Англии, а и для самой Японии. Поэтому, полагая, что У-пей-фу сильнее Чжан-цзо-лина (а так, оно, пожалуй, и было бы, если бы Фын-юсян в критический момент не изменил У-пей-фу), Англия и Америка могли заявлять о своем невмешательстве в дела Китая, налагая тем самым такое же обязательство и на Японию и лишая ее единственной возможности помочь своему ставленнику в критический момент своей вооруженной силой.

К чему же Юзу и Макдональду в то время было будоражить свое общественное мнение интервенцией в Китае, раз с их точки зрения победа и без того была обеспечена, так как многими мелкими услугами своему ставленнику У-пей-фу они, казались бы, уже обеспечили победу? Поэтому английская официальная пресса заявляет, что «интервенция не имеет практического значения в настоящее время».

Переворот 23 октября и политика нового китайского правительства.

Но события развернулись несколько не так, как предполагали это англо-американские империалисты. Генерал Фын-ю-сян, начальник одиннадцатой дивизии войск У-пей-фу—«христианский генерал», в самый критический момент отошел от У-пей-фу и, обнажив левый фланг У-пей-фу, тем самым способствовал его поражению. Но Фын-ю-сян не только обнажил левый фланг У-пей-фу. Он занял Пекин и произвел там государственный переворот. Полетел ряд министров, вместо них появились новые, но кроме этого, события, происходящие в Пекине после переворота 23 октября с. г., принимают несколько необычайный характер.

Вскоре после переворота было организовано новое правительство, составленное из сторонников Фын-ю-сяна и Чжан-цзо-лина с некоторой примесью «лойяльных» чжилийцев. Но как только **это правительство приступило к управлению, причем министры чжан-цзо-линовцы еще не успели прибыть в Пекин, как оно**

уже «порадовало» империалистов некоторыми необычными действиями и заявлениями.

Прежде всего б. император, спокойно живший в своем дворце, окруженный свитой и получая большую пенсию, был под конвоем выведен из своего дворца, пенсия его с 4 миллионов в год была сбавлена до 400 тысяч долларов, он был лишен императорского титула, который со времени китайской революции 1911 года продолжал носить, его гвардия и свита были распущены.

В таком «дерзком» обращении со столь высокой особой послы их величества короля Англии и императора Японии естественно усмотрели некое потрясение основ и немедленно же заявили протест. Но факт остался фактом—последние остатки формальной монархии в Китае были ликвидированы. Такой «дерзкий» поступок уже несколько взволновал империалистов, и Япония, в предвидении будущих осложнений, на всякий случай на неопределенное время удлиняет срок службы в своих войсках, расположенных в Маньчжурии и других частях Китая, а американская пресса начинает муссировать слухи о якобы готовящихся вооруженных выступлениях СССР в Китае, о переброске 50-тысячной армии и выезде тов. Троцкого с Кавказа к границам Китая, подготовляя тем самым свою «общественность» к будущим своим мероприятиям в Китае.

Конечно, один только факт изгнания императора из дворца и лишение его остатков императорских прерогатив не мог в такой сильной степени встревожить империалистов, чтобы они уже на основании только одного этого факта начали принимать конкретные решения по отношению Китая. Но они предполагали (и совершенно верно), что за этой первой ласточкой должны последовать дополнительные решения китайского правительства.

И действительно, дальше начинаются вещи, которые, говоря «высоким штилем», наполняют сердца империалистов глубокой тревогой. Китайский министр иностранных дел Ван-чен-тин в самый день празднования Октябрьской революции публикует заявление, в котором говорит о предстоящем пересмотре договоров с иностранными державами, отзываясь весьма нелестно о самих договорах. А в ответ на призыв тов. Карахана к уничтожению грабительских договоров с империалистами, премьер Ван-фу, не оставляя уже никакого места сомнениям, которые могли бы возникнуть на этот счет у империалистов, выражает надежду, «что Советское правительство поможет Китаю советами».

Ни для Ван-фу, ни для империалистов, конечно, не секрет, что первый совет, который в настоящее время может дать СССР угнетенному Китаю—это разорвать те грабительские договоры, которые навязаны Китаю иностранными империалистами.

И если аннулирование императорской фикции, будучи первой ласточкой, не понравилось империалистам, то такое заявление, сделанное ответственным представителем нового китайского правительства, конечно, только еще более усилило тревогу империалистов, ибо если в первом случае дело идет только о монархической фикции, вещи, так сказать, «на любителя», то во втором—пахнет совершенно не фиктивными карманами.

Новое правительство поднимает вопрос о национальной конференции с непременным участием Сун-ят-сена, как главы Гоминдана и руководителя национально-освободительного движения в Китае. Сун-ят-сен перед своим от'ездом из Кантона публикует

манифест, в котором говорит о своей программе переустройства государства.

«Если мы хотим завершить дело революции, которая заключается в национальном развитии Китая, то прежде всего мы должны уничтожить двойное зло: милитаризм и империализм».

На первое время Сун-ят-сен готов ограничиться и программой минимум, в которой главным пунктом стоит «аннулирование неравных договоров, навязанных Китаю империалистическими державами, а также несправедливых условий, которые позволяют державам держать Китай в экономической зависимости от них».

Одновременно Сун-ят-сен выдвигает необходимость созыва национального собрания, «главной задачей которого явится об'единение и восстановление Китая». В Шанхае, куда Сун-ят-сен прибыл по дороге на север, он дает хорошую отповедь английской печати, которая настаивала на недопущении его в Шанхай.

Все эти мероприятия правительства и особенно появление на авансцене Сун-ят-сена, чрезвычайно обеспокоили империалистов и они, каждый по своему и на свой лад, поднимают трогательный в своем единодушии вой.

Три правительственные партии японского парламента требуют от своего правительства немедленных мероприятий, а принц-регент, обсудив положение в Китае с военным министром Угаки и начальником генерального штаба Каваи, дает им полномочие принять все меры к «защите интересов японских граждан в Китае». По японским сообщениям, «решения, принятые Японией, Англией и Америкой, несомненно очень важные и, по сообщению чиновников министерства иностранных дел, державы намерены предложить Китаю немедленно прекратить гражданскую войну».

Получив распоряжение принца-регента, японский военный министр, будучи крайне исполнительным человеком, в тот же день передал ему план японского вмешательства в гражданскую войну в Китае. Японский кабинет в тот же день план военного министра одобрил. Если бы речь шла не «о защите интересов японских граждан», то эта быстрота принятия решений могла бы прямо навести на подозрения, что план уже давно был готов. Но военный министр Японии не только исполнителен. Он вместе с тем и решителен и даже героичен. «Япония,—заявляет он,—должна защищать интересы своих граждан даже в том случае, если бы ей в связи с этим угрожали экономические потери».

Или, как говорили некогда наши патриоты: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах».

В тот же день, как план был утвержден (все в тот же день!) высаживается в Тяньцзине дополнительный японский десант, а два истребителя идут один в Циндао, другой в Тяньцзин. Японское посольство в Пекине заявляет пекинскому правительству:

«Японские войска, прибывшие на истребителях и других судах в китайские порты, не будет вмешиваться в гражданскую войну до тех пор, пока обе воюющие стороны не затронут жизнь или имущество иностранцев и пока не будет нарушено регулярное железнодорожное сообщение между разными торговыми центрами китайской республики. До сих пор в Китае, помимо Южно-маньчжурской ж. д. находилось всего 590 солдат, из них одна рота в Пекине, одна в Тяньцзине и одна в Шанхай-гуане. Этих войск совершенно недостаточно для воспрепятствования возможного нападения на мирных жителей-иностранцев. В случае, если прибывших вчера из Японии войск окажется еще недостаточно, японское правительство распорядится о немедленной присылке военных частей из Кореи».

Пекинское правительство пыталось было намекнуть японцам, что их войск даже черезчур много, но очевидно его доводы не были признаны достаточно убедительными и основательными.

В это же время за океаном американские держатели иностранных займов требуют от Юза немедленного воздействия на китайское правительство, чтобы последнее приняло меры к выполнению своих обязательств.

Английская пресса тоже встревожена до крайности и, возмущаясь поведением Китая, требует принятия экстренных мер.

«Дейли Телеграф» заявляет, что «Англия должна вернуться к своей старой роли застрельщика Запада и настоять на почтительном отношении к своим договорным правам».

«Таймс» заявляет, что Англия имеет свои способы, как подойти к взбудораженному Китаю.

И если вспомнить опиумную войну Англии с Китаем в 1842 году, вторую войну в 1860 г., то «способы» подхода к взбудораженному Китаю, которые советует применить «Таймс», становятся ясными, тем более, что Англия достаточно хорошо усвоила свою старую роль «застрельщика» в Китае, и «Таймс» об этом хорошо помнит. И идя навстречу желаниям почтенных органов печати, Болдуин на банкете у лорда-мэра Лондона делает на этот счет совершенно недвусмысленные заявления.

Юз, правда, в этот период «угрозы иностранным интересам в Китае» по большей части молчал, но, во-первых, Юз знает, что английские подходы к «боязливой и смятенной душе Китая» идут через карманы и горло того же Китая, а, во-вторых, достижения Англии в Китае будут одновременно и достижениями г. Юза.

Временная нейтрализация иностранного влияния в Северном Китае.

Что же произошло в Северном Китае в результате разгрома У-пей-фу? Почему китайское правительство предыдущего состава (Ван-фу, Ван-чен-тин и др.), будучи не особенно большими сторонниками национально-освободительного движения, вынуждены были говорить о таких страшных для империалистов вещах и призывать Сун-ят-сена к участию в конференции?

Несомненно, что с поражением северной армии У-пей-фу политическое влияние англо-американского капитала в Северном Китае претерпело значительный ущерб, а с победой Чжан-цзо-лина политическое влияние Японии увеличилось. Таким образом, оба эти влияния в известной степени уравновесились и, будучи направлены одно против другого, взаимно уничтожались. Выше уже мы говорили, что национально-освободительное движение неминуемо должно выявиться тогда, когда политическое давление иностранного империалиста в какой-либо сфере его влияния ослабнет или аннулируется. Это могло, конечно, произойти или путем изгнания этого империалиста из определенного района Китая или же вследствие нейтрализации его влияния другим иностранным влиянием. Это и произошло в Северном Китае, и в ре-

зультате такой нейтрализации иностранного влияния в Китае появились заявления бывшего пекинского правительства и призыв к Сун-ят-сену принять участие в конференции по переустройству Китая.

Временный перевес Японии в Сев. Китае.

Но события развивались далее. По инерции японское политическое влияние продолжало усиливаться, в то время, как англо-американское влияние восстанавливалось с меньшей скоростью. Высадка японских войск в Тяньцзине, прибытие в Пекин Чжан-цзо-лина с войсками придавали все больший вес Японии и равновесие нарушалось на короткий срок в сторону Японии. Раз появилось опять доминирующее влияние одного иностранного империалиста, национально-освободительное движение в этом районе Китая должно было постепенно параллельно росту этого нового иностранного влияния замирать. И действительно новое правительство Дуа-ци-чжуя почти не упоминает об аннулировании договоров и хотя оно встречает Сун-ят-сено с великим почетом, но под самым этим почетом видна уже некоторая боязнь влияния и авторитета Сун-ят-сена. Япония же старается закрепиться на занятых позициях. Так, последние сообщения говорят о назначении Лу-юн-сян, разбитого в начале гражданской войны губернатора провинции Чже-цзянь, губернатором провинции Чжили.

Но сможет ли Япония надолго закрепить за собой завоеванные позиции. Мы смело можем утверждать, что такое усиление политического влияния Японии в Северном Китае является только временным (некоторым подтверждением этого служит отъезд Чжан-цзо-лина и увод им своих войск из Пекина). Англо-американский капитал находится в этой сложной обстановке в определенно выигрышном положении, так как вся экономика Северного Китая после империалистической войны тесно связана с ним. Кроме того, только ради прекрасных глаз Японии Дуан-ци-Чжуй не будет на стороне Японии. Очевидно, в скором времени новому китайскому правительству понадобятся деньги для залечивания ран, нанесенных гражданской войной и на самое содержание государственного аппарата. Япония вряд ли может предложить новому правительству заем, так как она сама не особенно давно делала заем у Америки. Кроме того, англо-американский капитал, как гораздо более могущественный, имеет, конечно, в своем распоряжении массу возможностей, чтобы заставить проводить свою политику новое пекинское правительство. И если новое пекинское правительство не будет проводить мероприятий, направленных в пользу англо-американского капитала, то, очевидно, оно в скором времени кончит свое существование.

Но в ходе событий, в процессе возвращения англо-американским капиталом своего утраченного влияния, события в Северном Китае должны пройти еще раз через некоторый период равновесия, когда вновь проявятся национально-освободительные тенденции.

Роль и задачи Гоминдана в этом этапе.

Для национально-освободительного движения в Китае переживаемый сейчас период является единственным в своем роде.

Конечно, не нужно питать больших иллюзий по поводу реальных возможностей полной ликвидации иностранного влияния в Китае. Этот период равновесия, сменяющийся японским влиянием и долженствующий смениться перед окончательным утверждением англо-американского влияния, еще одним периодом равновесия, вызвавши на открытую сцену национально-освободительное движение в Китае, является, конечно, только временным. Когда восстановится англо-американское влияние, пекинское правительство этого или иного состава, заговорит, конечно, совсем иным языком, но все же этот неопределенный период равновесия будет продолжаться известный срок и этот период Гоминдан, как руководящий центр национально-освободительного движения, должен использовать в полной мере. Гоминдан должен не упустить этого момента, так как этот момент знаменует собой выход национально-освободительного движения на всекитайскую арену.

Кроме того, Гоминдан, поставив совершенно ясно и точно задачи на ближайший период, выраженные в манифесте Сун-ят-сена, может и должен явиться естественным центром национально-освободительного движения во всем Китае.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией Рязанова. Книга первая.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. ГИЗ. Москва, 1924 г., тираж 500 экз.

Научное издание и подлинно-научная разработка литературного наследства Маркса и Энгельса становится возможной только при диктатуре пролетариата. Поэтому, сейчас она возможна только в Советской России.

В других странах она невозможна: революционные (коммунистические) партии пролетариата других стран не могут это делать не только благодаря непрерывным преследованиям их со стороны буржуазных государств и партий, но и потому, что они не имеют для выполнения этого необходимых денежных и технических средств; социал-демократические партии, в частности германская, хотя и имеют возможность и средства эту задачу выполнить (известно, что значительная часть архива Маркса и Энгельса хранится у немецкой социал-демократии), но выполнять ее по своей оппортунистической, предательской природе не хотят и неспособны. В самом деле, чего ждать в отношении научного опубликования и научной разработки марксова и энгельсова литературного наследства от тех, которые даже в лучшие, розовые дни своего существования замалчивали ряд работ основоположников марксизма, выхолащивали из марксистского учения его революционную методологию, занимались подправкой, подчисткой, подлогом марксовых и энгельсовых работ. Чего ждать для разработки великого учения Маркса от тех, которые, называя себя ближайшими учениками его и Энгельса, забыли даже тропу к скромной могиле великого учителя!

Нет, ни в одном буржуазном государстве выполнение этой задачи немыслимо, невозможно. Только диктатура пролетариата открывает для этого широкие двери, представляет все средства,—начиная от людей, кончая зданиями.

И, действительно, только в Советской России, где власть находится в руках партии рабочего класса, последний имеет возможность создать и поставить на подлинно научную ногу изучение теории и опыта борьбы, оставленных пролетариату в наследство его учителями—Марксом и Энгельсом. Только в Советской России имеется специально для этого созданный (и так превосходно поставленный) научный **Институт Маркса и Энгельса**[1]). Только в Советской стране возможно то научное и **полное** издание работ Маркса и Энгельса и та разработка их, которые предпринял этот Институт.

* * *

Одним из важнейших изданий Института К. Маркса и Ф. Энгельса является периодический журнал—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, издаваемый под редакцией директора Института—т. Рязанова. В редакционной статье первого номера (вышел несколько месяцев назад) тов. Рязанов следующим образом характеризует задачи журнала: «задачи журнала... определяются задачами самого Института. Генезис, развитие, распространение идей научного социализма, иными словами *история* марксизма, его теории и практики—вот круг этих задач». При этом «Архив» «является по преимуществу *историческим* журналом», охватывающим генезис и развитие рабочего и революционного движения марксизма и всех вопросов, которые это учение затрагивает, вплоть до «истории человеческой идеологии». Как видит читатель, задачи журнала намечены *чрезвычайно* широко. Единственными границами их служат: во-первых, изучение этих вопросов по 1914 г., т.-е. по дату краха II Интернационала; во-вторых,—отказ от изучения истории русского рабочего и революционного движения.

Возникают невольно вопросы: 1) не слишком ли широко намечены задачи журнала; 2) почему дата краха II Интернационала выбрана конечной *гранью* для изучения истории Марксизма и рабочего движения и 3) почему вопросы развития в России рабочего движения, марксизма и большевизма исключены из журнала? С точки зрения задач журнала, как их определяет его редакция, это *непоследовательно*, как по формальной, так и по диалектической логике.

Вообще же желательно, чтобы журнал наметил себе более определенные и менее широкие рамки.

Первый номер журнала Институтом посвящен «памяти В. И. Ленина—*исполнителя* заветов К. Маркса и Ф. Энгельса, гениального *мастера* классовой борьбы, великого *теоретика пролетарского государства*» (курсив везде мой. П. С.). Почему редакция журнала посвящает номер Ленину только как «*исполнителю* заветов», «*мастеру* классовой борьбы» и почему она в посвящении берет Ленина-теоретика только, как теоретика пролетарского государства? Разве ленинизм, как марксизм эпохи гниения и крушения капитализма, войн, пролетарских и национально-колониальных революций и диктатуры пролетариата исчерпывается только вопросами теории пролетарского государства? И разве роль Ленина—это только роль «исполнителя заветов» и «мастера классовой борьбы»? Впрочем, эти вопросы—мимоходом...

* * *

Первый отдел журнала озаглавлен—«Статьи и исследования». В рецензируемом номере в этом отделе помещены три весьма интересных статьи, так или иначе относящиеся к истории воз-

[1]) В деле создания и постановки Института, а также в деле издания и разработки трудов Маркса и Энгельса огромная роль и заслуга падает на руководителя Института тов. Д. Б. Рязанова.

никновения теории и практики марксизма. Вначале идет прекрасная статья т. А. М. Деборина—первая из серии статей «Очерки по истории диалектики». Эта статья—очерк первый—рассматривает диалектику у Канта.

Ленин в своей замечательной по краткости, популярности и глубине содержания статье—«Три источника и три составных части марксизма» (1912 г.)—указывает, что марксизм одним из своих источников имеет немецкую классическую философию. В частности, известно какую колоссальную роль в развитии методологии Маркса и Энгельса играла диалектическая логика и философия истории и права Гегеля[1]). Маркс открыто признал себя учеником Гегеля и указал, что он «даже кокетничал с гегелевской диалектикой». Марксовский диалектический метод—есть диалектический метод Гегеля, поставленный с идеалистической головы на материалистическое основание и переработанный с точки зрения последовательного материализма.

Но диалектика сама имеет свою историю; в частности диалектика Гегеля не родилась, как deus ex machina—из ничего. Предшественниками Гегеля в этой области в новой истории были Кант, Фихте, Шеллинг.

Кант известен нам больше всего, как идеалист-эклектик, метафизик, один из тех, кто питает своим учением современные резко враждебные марксизму и ленинизму идеалистическо-поповские философские бредни. Не даром в борьбе с кантианством разоблачению его реакционности в настоящее время и неверности по существу его философии посвятили некоторые свои работы лучшие марксисты—у нас, Ленин, Плеханов, Деборин, Аксельрод.

Но в философии Канта, за эклектически-идеалистическими извращающими покровами, несомненно, имеется некоторое рациональное зерно, отражающее так или иначе реальные категории бытия и имеющее известное положительное значение в истории развития научной методологии. Эту сторону кантовской философии обнаружил и указал еще Гегель в своих: «Наука логики», «Феноменология духа», «История философии» и др. Об этой стороне кантианства говорили Маркс и Энгельс. Ее подчеркивал Плеханов.

Работа тов. Деборина исходит из этих данных и ставит *своей* задачей обстоятельно и детально выяснить роль Канта в развитии диалектики.

«Можно сказать даже,—говорит тов. Деборин,—что он (т.-е. Кант, П. С.) является ее основателем, ибо он выдвигает *проблему диалектики*, при чем дважды: один раз в «до-критический» и второй раз в «критический» период своей деятельности» (стр. 15).

В т. н. «до-критический» период Кант стоит в общем на материалистической позиции. Исходя из учения Ньютона, Кант пытается примирить с ним философию. Он рассматривает «историю космоса... как *вечный процесс изменения материи*, в основе которого лежит «борьба противоположных сил». (См. ст. 17 и 18). С этой же точки зрения Кант смотрел тогда и на историю человеческого рода.

---

[1]) По этому вопросу смотри превосходные статьи тов. Деборина—„Маркс и Гегель“ в журнале „Под знаменем марксизма“ за 1924 г.

Тогдашние жалкие условия существования немецкой буржуазии заставили этого первого ее критического мыслителя повернуть с материалистической почвы в выспренние выси трансцендентального идеализма[1]). Но и в этот т. н. критический период своей философии Кант много дает для диалектики, больше даже, чем в первый период.

Чувствуя в духе времени необходимость нового метода, видя недостаточность формальной или абстрактной логики, Кант стремился заменить ее новой логикой. Но немецкая действительность цепко держала его в своих импотентных об'ятиях, и Кант мог достичь только того, что оторвал сознание от бытия, форму от материи, вещь от свойств и т. д. И все противоречия реальной жизни перенес из нее в суб'ект в разум. «Кант в своих антиномиях открыл диалектическую природу разума, но со своей точки зрения не мог доказать *необходимость противоречия* в самых вещах. Противоречия были перенесены из действительности, где их якобы нет и не может быть, в человеческий разум, в суб'ект» (стр. 28). Да и самые диалектические моменты разума, его противоположности по Канту последовательно сменяются, но не существуют одновременно, они еще чисто метафизически «отделены друг от друга абсолютной пропастью» (стр. 45). Переход от абстрактного к конкретному невозможен. «Мир абсолютный противостоит нашему человеческому миру, как нечто безусловно нам чуждое» (стр. 48). Истина поэтому недоступна познающему разуму.

«Кант не справился со всеми трудностями, связанными с преодолением формальной логики и с утверждением диалектики» (стр. 45).—Но положительная заслуга Канта заключается в том, что он проблему диалектики поставил; и хотя он дал только отрицательную диалектику, однако, своим анализом подготовил почву для дальнейшего развития положительной диалектики. В последнем его *отрицательная* заслуга.

В заключение тов. Деборин показывает диалектические моменты во взглядах Канта на историю человечества и на то устройство гражданского общества и правового государства, которое, по мнению Канта, должно установиться в обществе. В работах критического периода на эти темы Кант еще более, чем в своих «Критиках» выступает как теоретик тогдашней германской буржуазии, развивающей, по выражению Маркса, «немецкую теорию французской революции».

Прекрасная статья тов. Деборина есть ценный вклад в марксистскую историю диалектики.

---

[1]) „Трансцендентальный“ (термин Канта, значит—„относящийся к познанию“. По учению Канта мы не познаем и не можем никогда познать мира как он есть сам по себе. Этот мир есть непознаваемая, недоступная для нас „вещь в себе“. Мы можем познавать только мир явлений данный нашими чувствами. Но этот мир явлений познается нами потому, что a priori, прежде всякого опыта мы обладаем категориальными формами познания и сверхопытным единством самосознания (трансцендентальная апперцепция), благодаря которым весь хаотический материал явлений систематизируется и получает закономерный характер. Но эта закономерность т. о. есть закономерность суб'ективная. Недаром Кант говорит, что „разсудок диктует природе ее законы“.

Т. о. в философии Канта эмпиризм примирен (эклектически) с идеализмом, при чем первый подчинен последнему.

За недостатком места мы, к сожалению, лишены возможности остановиться на двух других интересных статьях первого отдела: т. Цобеля—«К истории союза коммунистов» (разбирающей вопрос о кельнской общине «союза коммунистов» до мартовской революции 1848 г.) и т. Д. Б. Рязанова «Об условиях, причинах и процессе возникновения Международного Товарищества Рабочих I Интернационала».

* * *

Второй отдел «Архива» озаглавлен—«Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса». Он представляет колоссальную ценность и интерес и является самым основным отделом сборника. В нем помещены часть «Немецкой идеологии»—именно о Фейербахе—и сообщение тов. Рязанова об искажении (в свое время) ЦК-том германской с.-д. партии «Введение» Энгельса к марксовой «Классовой борьбе во Франции».

Опубликованная рукопись о Фейербахе одна из частей утерянной якобы ранней работы Маркса и Энгельса о «Немецкой идеологии», относящейся к 1845 году. Оказывается, что рукопись попросту валялась среди архива Бернштейна. И только чутье, глаз и настойчивость т. Рязанова сумели ее отыскать и приобрести для архива Института. Таким образом, только спустя почти 80 лет эта работа увидела свет и стала доступна читателям.

«Напечатанная рукопись, как правильно подчеркивает в предисловии к ней т. Рязанов, дает теперь возможность точно установить, «что материалистическое понимание истории, как оно было изложено в «Нищете философии» и «Коммунистическом манифесте», формулировано Марксом и Энгельсом не позже осени 1845 года» (стр. 195). Значительная доля в этой работе,—устанавливает дальше тов. Рязанов,—принадлежит Марксу, который «увлек за собою Энгельса» (стр. 199). Перед работой о Фейербахе тов. Рязанов поместил в «Архиве» сделанный с оригинала точный перевод тезисов Маркса о Фейербахе и их оригинальный текст.

Дело в том, что Энгельс в свое время не совсем точно воспроизвел тезисы; Плеханов же, переводивший их с опубликованного Энгельсом текста на русский язык, не везде сделал точный перевод смысла этого текста.

Так, например, в конце 4-го тезиса у Маркса стояло: «Also nachdem z. B. die irdische Familie als das Geheimniss der heiligen Familie entdeckt ist muss nun erstere selbst theoretisch und praktisch vernichtet werden» («Следовательно, после того как, например, земная семья раскрыта, как тайна святого семейства, первая должна быть теоретически и практически разрушена»[1]).

Энгельс передал последнюю часть фразы словами: «...theoretisch und praktisch umgewälzt werden» («теоретически раскритикована и практически подвергнута коренному перевороту»). Плеханов же перевел эту часть фразы следующим образом: «подвергнута теоретической критике и практическому преобразованию». Т. о. Маркс говорит о необходимости уничтожить земную семью,

[1]) Нам думается, что точному смыслу слова „vernichten" соответствует не „разрушать", а „уничтожать". Поэтому, пожалуй, лучше было бы сказать не „разрушена", а „уничтожена". В переводе здесь также почему то не переведено слово „selbst"—„сама".

которая служит светской основой «святого семейства». Энгельс заменяет слово «vernichtet», словом «umgewälzt», изменяя несколько этим положение Маркса. Плеханов передал это уже совсем «мирными» словами и преобразовании такой семьи.

Помещенная после тезисов работа о Фейербахе—неоцененный вклад не только в историю взглядов Маркса и Энгельса, но и в теорию исторического материализма. В частности она чрезвычайно важна для понимания механизма, создания идеологий. В краткой рецензии нет никакой возможности даже в малой степени исчерпать богатство этого опубликованного документа. Поэтому выделим только некоторые наиболее обращающие внимание мысли.

Задача «Немецкой идеологии»—разоблачение младогегельянской философии, авторы которой «только облекают в философский жаргон представления немецких бюргеров» (стр. 211).

...«Ни одному из этих философов не пришло в голову задать себе вопрос о связи немецкой философии с немецкой действительностью» (стр. 214). Фейербах «сделал шаг вперед, но недостаточный». «У Фейербаха то огромное преимущество..., что он понимает, что и человек есть «чувственный предмет», но «он... не добирается до реально существующих, деятельных людей, а остается при абстракции «человек»... Т. о. он никогда не в состоянии рассматривать чувственный мир, как совокупную, живую чувственную деятельность, составляющих его индивидуумов». (стр. 218). «Он смотрит на человека, таким образом, сознательно, а не действительно, не практически; между тем, «для практического материалиста, т.-е. для коммуниста (подчеркивают Маркс и Энгельс) дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их и изменить их» (стр. 217).

«Поскольку,—продолжают авторы,—Фейербах является материалистом, он не имеет дела с историей, поскольку он занимается историей, он вовсе не материалист. Материализм и история идут у него совершенно различными путями» (стр. 219).

Между тем,—говорят авторы,—«мы знаем только единственную науку — науку истории», которую можно делить (не отделяя. П. С.) на историю природы и историю людей» (стр. 214).

Переходя к истории людей, авторы говорят: «В полной противоположности к немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь собираемся подниматься с земли на небо», таким образом... «мы будем исходить из реально деятельных людей, пытаясь вывести из их реального жизненного процесса также и развитие идеологических рефлексов и отражений этого жизненного процесса»...

«Сознание (Bewusstsein) никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием (bewusstes Sein), а бытие людей—это реальный процесс их жизни»... Мораль, религия, метафизика и проч. виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают, поэтому, «свою видимость самостоятельности. У них нет вовсе истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (216 стр.).

«Первым и историческим делом является... производство материальной жизни»... «Оно является в качестве естественного, а с другой, в качестве общественного отношения». Оно ведет к порождению новых потребностей, к воспроизведению людей, к созданию и изменению форм общежития и форм сознания. «На «духе» заранее тяготеет проклятие, отягощение его материей», которое выступает здесь... в виде языка. «Язык так же древен, как сознание, язык—это практически существующее для других людей, а значит существующее для меня самого реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми» (стр. 220)[1]).

Противопоставление сознания бытию зарождается с разделением труда, с появлением которого начинает развиваться частная собственность, классы, государство и т. д. Все эти процессы делают сознание классовым сознанием, отрывают его от материальной основы, дают возможность казаться ему чем-то самодовлеющим и главным в истории. «Господствующие мысли представляют не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, т.-е. отношений, которые делают какой-нибудь класс господствующим». Т. о. «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями», т.-е. представляют мысли его господства» (стр. 230). Поэтому они высказываются идеологами господствующего класса (задача которых вырабатывать иллюзии и мысли этого класса о самом себе и других), как вечные истины, господствующие над течением реальной жизни и управляющие им. «Так, например, в какой-нибудь стране в эпоху, когда королевская власть, аристократия и буржуазия борются за господство, когда, следовательно, господство разделено, в качестве господствующей мысли выступает учение о разделении властей, высказываемое в качестве «вечного закона». Вообще, фокус идеологов, «имеющий целью доказать в истории господство духа... сводится к следующим трем штукам: № 1. Нужно отделить мысли людей господствующих по эмпирическим основаниям при эмпирических условиях и в качестве материальных индивидов от этих самых господствующих людей, и, таким образом, признать господство мыслей или иллюзий в истории».

«№ 2. Нужно ввести в это господство мыслей некоторый порядок, показать некоторую мистическую связь между следующими друг за другом господствующими мыслями; это достигается тем, что их рассматривают, как «самоопределение понятия» (это возможно потому, что эти мысли действительно связаны друг с другом при посредстве своей эмпирической основы, и потому, что, рассматриваемые, как простые мысли, они становятся саморазличениями, различениями, устанавливаемыми мыслями)».

«№ 3. Чтобы устранить мистический характер этого, «само себя определяющего понятия», его превращают в некоторое лицо—«самосознание», или же, чтобы иметь совершенно материалистический вид, в ряд лиц, представляющих в истории «понятие»,—в «мыслящих» философов, в идеологов, которых рассматривают опять-таки, как фабрикантов истории, как «совет стражей», как господствующих. Таким путем удается устранить все материалистические моменты из истории, после чего можно, опустив поводья, дать волю своему спекулятивному коню» (стр. 232—233).

[1]) Сравни с этим то место из „Феноменологии духа" Гегеля (глава „Отчужденный от себя дух.—Образование"), где Гегель говорит о языке.

Таков механизм возникновения всякой идеологии, т.-е. извращенного мышления, и форм его сознания, которые ставят все на голову. Уничтожение этого типа мышления возможно только с коммунистической революцией, устраняющей господство всех классов (стр. 226). «Революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества» (в том числе и от форм и типа его мышления) «и стать способным создать новое общество» (стр 227).

После разоблачения «мистической» тайны спекулятивной философии, и всяческой идеологии вообще, Маркс и Энгельс переходят к изображению этапов истории, показывают диалектику различных общественно-классовых форм, появляющихся с развитием в обществе производительных сил и разделения труда.

Мы не будем останавливаться на этом. Здесь невозможно сколько-нибудь полно передать этого поразительного документа по теории исторического материализма. Его нужно скорее издать отдельно и каждый сознательный коммунист должен его изучать и изучать... Читателю же, вероятно, стало уже отчетливо ясно, каким чрезвычайно важным вкладом в сокровищницу пролетарской мысли является опубликование этой, прежде забытой, рукописи.

Следующим документом «Архива» является заметка тов. Рязанова, которая показывает, на основании рукописи, отысканной им в архиве... немецкой социал-демократии, как в свое время Центральный Комитет последней урезал и извратил «Введение» Энгельса к «Классовой борьбе» Маркса. Именно, на это «Введение» любили и любят ссылаться ревизионисты и оппортунисты всех стран, доказывая, что в нем под конец своей жизни «один из основоположников «самого революционного учения», какое только знало XIX столетие», отрекался от своего революционного прошлого и завещал своим ученикам всеми силами избегать сделанных им и Марксом ошибок» (стр. 257). Но уже в свое время ортодоксальные марксисты показали, что такое толкование есть полное извращение мыслей и взглядов Энгельса. Он сам в письме к Каутскому от 1895 г. это подчеркнул: «К моему величайшему изумлению, я нахожу сегодня в «Vorwärts» извлечение из моего введения, напечатанное без моего ведома и, таким образом, скомпанованное, что я превращаюсь в мирного поклонника законности quand même. Тем более, хотел бы я, чтобы все введение целиком появилось в «Neue Zeit» и это позорное впечатление стерлось. Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые—кто бы они ни были—дали ему повод исказить мое мнение».

Таким образом, ради приспособления и легальности (все это происходило во время подготовления второго закона о социалистах) руководители немецкой с.-д. подстригли Энгельса под мирного поклонника буржуазной законности!

Отысканный тов. Рязановым оригинал «Введения» с поправками редакторов показывает теперь со всей документальной очевидностью, что это действительно так. Вычеркнуты все места об уличной борьбе, все места, которые говорят о необходимости рево-

люционной борьбы и свержения буржуазии. Так, например, выкинуто следующее место: разобрав усиление неблагоприятных условий для уличной борьбы, Энгельс пишет,—«значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали более неблагоприятными для гражданских инсургентов... Всякая будущая уличная борьба может таким образом победить только в том случае, если и этот минус ситуации будет компенсирован другими моментами... Она... должна будет вестись при помощи более значительных сил. Но последние предпочтут тогда, как и во время всей великой французской революции или 4 сентября и 31 октября в Париже—открытое наступление—пассивной баррикадной тактике» (стр. 259).

Правильно замечает тов. Рязанов, что этими словами «Энгельс как бы предвидел опыт октябрьской революции!».

Выкинут еще ряд очень важных мест. Таким способом Энгельса превратили в оппортуниста, чтобы оправдывать затем этим исковерканным документом позорную, предательскую тактику оппортунистической немецкой социал-демократии.

Действительно, это «игра краплеными картами»!

* * *

Отдел третий журнала озаглавлен: «Из переписки Маркса и Энгельса». В первой книге помещена переписка между Засулич и Марксом по вопросу о судьбах русской общины и письма Энгельса к Бернштейну.

Ряд черновиков (впервые опубликовываются) и окончательный текст письма Маркса и Засулич в ответ на ее запрос чрезвычайно важен для взглядов Маркса на конкретное своеобразие исторического процесса, для вопроса оценки им эволюции общинной формы землепользования и для его точки зрения на судьбы русской «сельской общины». К сожалению недостаток места не позволяет останавливаться на этих документах подробнее.

Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну охватывают период со 2-го февраля 1881 года по 4 июля 1895 года. Это было время, когда в немецкой социал-демократии под действием «бичей и скорпионов закона против социалистов» наметился поворот «под сень легализма» ценой отказа от революционных взглядов и революционной деятельности. Маркс и Энгельс повели против этого бешеную борьбу и содействовали известному успеху «подпольников» и тому, что «партия решилась... поставить в Швейцарии нелегальный орган «Социал-Демократ». Спустя некоторое время редактировать его стал Э. Бернштейн, который тогда (после некоторых колебаний) занял позицию революционную. Приглядевшись к его линии, Энгельс начинает с ним переписку. В письмах Энгельс направляет линию газеты, инструктирует Бернштейна, развивает ему свою оценку конкретной политической ситуации почти во всех странах и партиях. В особенности много внимания уделяется Англии, Франции и Германии и социалистическим партиям этих стран. Письма затрагивают ряд вопросов (национальный, колониальный и т. д.). Энгельс учит Бернштейна, что «мы должны работать над освобождением западно-европейского пролетариата и этой цели должны подчинить все остальное». (стр. 307). Энгельс клеймит, как левую фразу—«ррреволюционную фразеологию и декламацию»,—так и оппортунистическое направление в социал-

демократических партиях Германии и Франции и в рабочем движении Англии.

Вот, что например, пишет Энгельс о французской партии мало-нистов ...«они представляют в зародыше то, во что вполне развились здешние (т.-е. английские. П. С.) рабочие: хвост буржуазно-радикальной партии (курсив везде Энгельса. П. С.). Единственно, что их об'единяет, это буржуазный радикализм, так как рабочей программы у них нет никакой. И те рабочие вожди, которые занимаются фабрикацией такого рабочего «голосующего стада» для радикалов, в моих глазах являются настоящими предателями» (стр. 334).

Пусть повнимательнее вчитаются в эти строки меньшевистские предатели всех стран. Энгельс еще в 1882 г. дал им заранее прекрасную характеристику и оценку, которую продолжал затем развивать Ленин.

Для большевистской ленинской партии чрезвычайно важны и следующие строки Энгельса, целиком совпадающие со взглядами Ленина и подтверждающие важность требований последнего от революционной пролетарской партии—непримиримой борьбы, вплоть до разрыва, с оппортунистами в рабочем движении. В письме от 20 октября 1882 года Энгельс пишет: «всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития». При наличии опасных вредных оппортунистических течений в партии, которые «хотят принести в жертву своим социальным целям классовый характер движения»... «желать проповедывать единство при таких условиях было бы чистейшей глупостью. Моральными проповедями нельзя предупредить детских болезней, которыми при современных условиях надо переболеть» (стр. 325).

И далее—1-го марта 1883 г. Энгельс пишет: «Мы (т.-е. он и Маркс. П. С.) всегда сильно боролись против мелко-буржуазного мещанского и филистерского мировоззрения внутри партии» (стр. 341).

Партия должна быть крепкой организационно и сплоченной идейно. Программа чрезвычайно важна поэтому для партии: «Когда организуют партию без программы, в которой каждый может участвовать, то это уже вовсе не партия».

Письма затрагивают также ряд других чрезвычайно важных вопросов: политической тактики партии, взглядов на государство и т. д.

Обстоятельства места не позволяют, однако, долее задерживаться на этих документах, которые каждый сознательный партиец и рабочий должен прочитать (их необходимо поэтому издать отдельно).

* * *

Последний, четвертый отдел «Архива» посвящен критике и рецензиям. Статья тов. Ф. Ротштейна «Новая литература о чартизме» (разбирает 3 американских и 2 английских книги) проливает некоторый новый свет на вопросы истории чартизма. Статья А. Неусыхина «Новый опыт построения систематической истории хозяйства» (посвященная вышедшей в 1923 г. в Мюнхене и Лейпциге новой книге Макса Вебера «История хозяйства». Очерк всеобщей социальной и экономической истории») интересна, но, на мой взгляд, дает недостаточную критику построениям и категориям,

выдвигаемым М. Вебером и слишком преувеличивает их ценность для нас.

Что касается статьи тов. А. Удальцова «К теории классов у Маркса и Энгельса», написанной им по поводу книги Солнцева «Общественные классы», то она интересна и в своей критической части правильна. Но трактовка теории классов Маркса и Энгельса, данная тов. Удальцовым, на мой взгляд, представляется не совсем удачной. Тов. Удальцов совершенно справедливо считает, что формулировка Солнцева (который говорит, что по Марксу общественные классы определяются... производственными отношениями), недостаточна, смазана, поверхностна.

Но удовлетворителен ли ответ самого тов. Удальцова на вопрос, что лежит в основе образования и существования классов? Нет. Он говорит, что по Марксу «действительной основой классового деления общества»... является ...«распределение средств производства, основанное на монополизации их частью общества» (стр. 408) или иначе ...«раз'единение средств производства (по крайней мере основных) и непосредственных производителей ...и монополизация этих средств производства в руках меньшинства населения» (стр. 412). Но разве такая формулировка достаточна? Разве она об'ясняет нам основную причину образования и существования классов? Чем вызвано именно такое распределение средств производства, которое ведет к монополизации их в руках меньшинства? Чувствуя, что этот вопрос законен, тов. Удальцов говорит, что оно связано с появлением в обществе прибавочного продукта и возможности эксплоатации (стр. 412). Связано, это верно. Но что же создает возможность неравномерного накопления и распределения не только продукта, но и средств производства? Тов. Удальцов на это ответа не дает, и не может дать именно потому, что он выбросил, так сказать, вон энгельсову и марксову теорию об общественном разделении труда, как основе классового деления общества. Тов. Удальцов считает, что эта точка зрения свойственна (иногда) только Энгельсу, но не Марксу, а затем хочет представить дело так, что разделение труда и для Энгельса не является решающей основой классового разделения.

«Ясно, что и разделение труда,—пишет т. Удальцов,—в смысле выделения в обществе «руководителей» и «исполнителей» также не выдвигается Энгельсом, как первоначальная (подчеркнуто автором. П. С.) основа классового образования... Равным образом и разделение труда в смысле выделения в обществе различных профессий (в связи с дифференциацией производства на скотоводство, земледелие,, ремесло и т. д.), также не является для Энгельса основой классов» (стр. 420). Ergo—Энгельс не придерживается, как кажется на первый взгляд, «утверждения, что в основе классового образования лежит разделение труда». Так разделывается тов. Удальцов с этой неравящейся ему точкой зрения на образование и существование классов.

Суб'ективно можно понять и оправдать тов. Удальцова—он сражается с богдановской теорией классов, которая считает, что в основе классового деления лежит разделение в обществе различных функций «общественной службы». И правильно делает, что сражается. Эта теория (хотя она и напоминает внешне теорию Маркса—Энгельса) неверна и вредна. (Мы надеемся подробнее разобрать этот вопрос в особой статье).

Но об'ективно тов. Удальцов неправ. Он, борясь против Богданова, приписывает Энгельсу не то, чему тот учит вместе с Марксом и за Марксом о разделении труда, как основе классового общества. А проделав это, тов. Удальцов выплескивает из ванны марксизма и самого ребенка—эту теорию.

Конечно, Энгельс не считал, что деление на руководителей и исполнителей или выделение различных профессий лежит в основе образования классов. Первое для него является следствием разделения труда в процессе производства и вытекающего из него определенного распределения средств производства. Выделение же профессий для него отнюдь не тождественно с разделением труда.

Ошибка тов. Удальцова—коренная ошибка по этому вопросу—заключается в том, что он разделение труда берет только с технической стороны, тогда как кроме этого оно также является и определенным общественным отношением. Общественное и техническое разделение труда связаны, но не тождественны. Общественное разделение труда появляется на определенной ступени развития производительных сил и технического разделения труда и на определенной другой ступени должно исчезнуть. Общественное разделение труда по Марксу и Энгельсу есть категория, связанная с меновым хозяйством, с классовым обществом. Именно появление общественного разделения труда по Марксу и Энгельсу и ведет к неравномерному распределению в обществе средств и продуктов производства, создает частную собственность, эксплоатацию, монополию и т. о. лежит в основе образования классов.

Этой точки зрения придерживался не только Энгельс, но и Маркс. Именно она составляет, так сказать, суть их учения о классах.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько справок.

Во-первых, (чтобы недалеко ходить),, возьмем ту работу о Фейербахе, которая опубликована в этой же книжке «Архива» и которая написана Марксом и Энгельсом совместно, причем, по мнению тов. Рязанова, львиная доля в ней падает на Маркса.

Вот что мы читаем на стр. 222: «Вместе с разделением труда, в котором даны все эти (общественные. П. С.) противоречия... дано и распределение (курсив авторов. П. С.)—притом как количественно, так и качественно, неравное распределение труда и его продуктов, т.-е. собственность. Впрочем, разделение труда и частная собственность представляют собой тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же, что в другом случае говорится по отношению к продукту деятельности» (стр. 222).

«Различные ступени разделения труда являются в то же время «различными формами собственности» (стр. 254).

Наконец,—«самым крупным разделением материального и духовного труда является отделение города от деревни... Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса, основывающиеся прямо на разделении труда и на орудиях производства (курсив мой. П. С.) ...Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. ...Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности»... и т. д. (стр. 234).

Как видим, здесь Маркс и Энгельс совместно пишут то, что Энгельс подчас буквально повторяет в «Анти-Дюринге», в «От

утопии к науке», в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», т.-е. в тех работах Энгельса, которым т. Удальцов не склонен придавать большого значения (см. стр. 415 и 416) в вопросе о теории классов.

Но если этих примеров тов. Удальцову недостаточно, мы можем взять, например, «Нищету философии». Вот что пишет Маркс в § 2 главы 2-й:

«впервые ...сколько-нибудь значительное разделение труда было именно разделение между городом и деревней» (стр. 115). И далее:

«под режимом патриархальным, под режимом кастового строя, феодальной и цеховой системы существовало разделение труда в целом обществе» (стр. 124). («Нищета философии» СПБ. 1905 г., «Библиотека просвещения»).

Что касается некоторого противопоставления Энгельса Марксу и оспаривания значения для этого вопроса, например, «Анти-Дюринга», то т. Удальцову следует вспомнить, что «Анти-Дюринг» был Энгельсом прочитан Марксу и выпущен с полного одобрения последнего. Впрочем, по вопросу о роли разделения труда тов. Удальцов может найти немало страниц в «Капитале». Некоторые цитаты кстати он приводит и сам.

Таким образом, мы считаем,, что в своей статье тов. Удальцов не совсем верно пытался очертить суть учения Маркса и Энгельса об образовании классов.

Что касается рецензий, помещенных в «Архиве», то их (за исключением некоторых мест в рецензии т. Луппола и рецензии т. Карева—на наш взгляд беглой, неглубокой и содержащей ряд ошибочных положений) можно считать хорошими и удачно подобранными.

* * *

Читатель, нам думается достаточно видит, какое громадное значение и какую великую ценность для нашей партии и для всего пролетариата имеет работа Института К. Маркса и Ф. Энгельса—и тот журнал Института, разбором коего мы только что занимались.

П. Сапожников.

О героической поэме тов. Крицмана.

Свою речь о новой экономической политике на Московской губпартконференции осенью 1921 года Ленин начал сравнением двух наших подходов к осуществлению социализма с тактикой японцев при взятии Порт-Артура. Ген. Ноги пытался захватить сначала Порт-Артур непосредственно, ожесточенными общими штурмами крепости. Убедившись на опыте, что таким путем крепости не возьмешь или, во всяком случае, такой метод овладения крепостью потребует колоссальных жертв, японцы перешли к другому методу—к медленной систематической осаде Порт-Артура и систематическому, шаг за шагом, овладению одного укрепленного пункта за другим.

Первый период нашей революции—период «военного коммунизма»—характеризуется таким подходом к социалистическому

строительству и такими методами этого строительства, которые ставили себе целью непосредственный, кратчайшим путем, переход к социалистической организации хозяйства. На опыте мы убедились, что такими методами и таким путем построить социализм в нашей отсталой крестьянской стране нельзя. Мы перешли после окончания гражданской войны к новой экономической политике, которая ставит своей задачей постепенное приспособление старой, товарно-капиталистической экономики крестьянского хозяйства новой социалистической, систематическое расширение и развертывание социалистических отношений и систематическое овладение одной за другой остающихся областей товарно-капиталистического хозяйства.

Опыт первого периода сыграл свою роль. Он позволил нам выяснить и наметить правильные, соответствующие обстановке формы и линии перехода к социалистическому строю, на опыте изучить и наметить основные принципы «экономики переходного периода». Решающие стратегические узлы хозяйства, захваченные в течение этого первого, «штурмового» периода, удержаны в наших руках и являются теперь исходными для развертывания наступления на остающиеся участки товарно-капиталистической системы. В основном удержан и созданный в эпоху военного коммунизма остов пролетарского управления хозяйством. Именно, поэтому, анализ этого опыта, его изучение, представляет не только величайшее теоретическое но и не меньшее практическое значение и для нас самих и для коммунистических партий других стран.

В этом отношении чрезвычайный интерес представляет книга тов. Крицмана: «Героический период Великой Русской Революции (опыт анализа так наз. «военного коммунизма»). Госиздат 1925 г.

Здесь мы имеем впервые законченный анализ эпохи коммунистического «Sturm und Drang'а» (бури и натиска), принадлежащий перу одного из образованнейших наших экономистов. Как по своей теме, так и по обстоятельности анализа, книга тов. Крицмана является наиболее выдающейся из экономической литературы последних лет, посвященной проблемам нашей экономики.

Она тем более ценна, что мы до сих пор еще очень бедны исследованиями, которые ставят своей задачей изучение нашей экономики и опыта нашего хозяйственного строительства. А между тем именно здесь, в этой области лежат теперь задачи марксистской политической экономии. Именно здесь можно дать нечто новое в теоретическом отношении и вместе с тем имеющее практическое значение для нашей работы над строительством социализма, для нашей политики и для политики коммунистических партий других стран.

С рядом принципиальных положений, развиваемых тов. Крицманом в его книге, нельзя, однако, согласиться. Очень плохо на «опыте» тов. Крицмана отразилось его пристрастие к схематическим построениям, к которым он приспособляет, с большим или меньшим успехом, живую действительность революции, те процессы, которые в действительности переплетаются между собой, находятся в диалектическом взаимодействии, автор стремится выделить и заключить в строго ограниченные обособлен-

ные схемы, стоящие в резком противоречии с действительным ходом революции.

В этой книге автор снова развивает свою теорию *фаз революции* («фазеологию революции»), изложенную им впервые в 1918 году. По схеме тов. Крицмана пролетарская революция проходит следующие пять стадий: стадию идеологической революции, политической, экономической, распадающейся на две фазы—центр тяжести первой—«в разрушении старой и создании новой командной власти в экономике», центр тяжести второй «в организации нового экономического строя», в создании планомерного социалистического хозяйства, и, наконец, стадию технической революции.

Все эти фазы резко отделены одна от другой. Следующая фаза начинается только после того, как в основном заканчивается предыдущая. «Политическая революция становится возможной только после того, как произошла революция идеологическая, а эта последняя только тогда закреплена, когда она действительно привела к революции политической. Но пока какая-нибудь фаза революции еще не завершена, в остальных областях еще необходимо, сохраняются в основном старые отношения. В частности, переворот в технических отношениях невозможен, пока в основном не завершены все предшествующие фазы революции» (стр. 26).

Нечего и говорить, тов. Крицману приходится много изощряться над тем, чтобы вложить живую действительность революции, все ее многообразие и сложность в Прокрустово ложе своей жесткой схемы. И вместе с тем, так как на деле, в ходе революции мы имеем такое переплетение процессов и экономических и политических, которое никак в эти схемы уложить нельзя,—тов. Крицману приходится во многом искажать действительность для того, чтобы выдержать стройность своих построений. Это неизбежный результат *недиалектического подхода* к анализу революционного процесса.

Нам кажется, прежде всего, крайне неудачным термин—идеологическая революция, и еще более неудачным и абсолютно неверным утверждение, что эта идеологическая революция предшествует политической. Область идеологии необ'ятно широка: сюда входит масса вещей, на ряду с политическими взглядами—религия и нравственность, и философия, и художественное творчество. Все эти элементы, в той или другой форме и степени, составляют необходимую часть, точно так же и идеология масс: рабочие и крестьяне не представляют в этом отношении исключения. Система политических взглядов составляет лишь небольшую часть «идеологии». Утверждать, что до политической революции происходит идеологическая—это значит чудовищно извращать действительность, т. к. совершенно очевидно, что в основном идеология масс может подвергнуться переработке и измениться лишь *в процессе и после* совершения революции, после разрушения машины буржуазного просвещения, ликвидации буржуазной печати и всех других средств, при помощи которых буржуазия обрабатывала пролетариат и крестьянство в нужном ей направлении; а вместе с тем после того, как для масс будет создана действительная *возможность* просвещения. И тогда этот процесс «идеологического переворота» требует многих и многих лет, в этом мы убеждаемся каждый день на деле. Совершенно непонятно поэтому, как тов. Крицман, «рассудку вопреки и наперекор стихиям», воспользовался таким ненадежным термином—«идеологическая революция», да еще в такой постановке.

Но если даже понимать идеологию, как политическую идеологию, как политическое сознание масс, то и тогда дело обстоит далеко не так просто, как это выходит у тов. Крицмана. Он говорит следующее: «Революция прежде всего завоевывает людей (разумеется определенного класса) и именно то, что отличает их от вещей, их головы (!). Такова первая фаза революции в течение которой центр тяжести лежит в области идеологии (!), а основной задачей революционной партии является агитация за политический переворот» (стр. 21).

Если даже здесь речь идет о политическом сознании масс, то и тогда это положение неверно. *Массы учатся на опыте борьбы и в процессе борьбы.* Процесс революционизирования сознания масс нельзя рассматривать обособленно от процесса классовой борьбы, отрывать первый от последнего. Точно так же нельзя противопоставлять агитацию политическому действию, так как в действительности завоевание революционной партией «голов» происходит на опыте борьбы и агитация революционной партии переплетается и *должна переплетаться с политическим действием и работой над организацией масс.* В построении т. Крицмана—сначала агитация, «идеологический переворот», затем политический переворот—выпадает вся сложность задач коммунистических партий, которые шаг за шагом должны развертывать борьбу, выставлять лозунги, соответствующие данной ступени борьбы, втягивать в нее массы трудящихся организовывать и просвещать их на опыте и в процессе борьбы.

То же самое мы должны сказать и о взаимоотношении политической и экономической революции. Неправильно, недиалектично и здесь обособлять, разграничивать эти процессы так жестко, как это делает тов. Крицман, так как и здесь мы имеем в действительности *переплетение* этих процессов. На ряду с подготовкой к политической революции в 1917 г. и мобилизацией масс вокруг советов, шла подготовка к экономической революции—подготовка экспроприации крупного капитала под лозунгом «рабочего контроля над производством» и сплочение масс вокруг фабрично-заводских комитетов. Развертывание политической революции сопровождалось развертыванием экономической: сначала все большим вмешательством фабрично-заводских комитетов в руководство предприятиями, а затем и захват этими комитетами предприятий, экспроприация финансового капитала, транспорта, торгового капитала и пр. Пролетарская революция развивалась и по линии «политики» и одновременно по линии «экономики». «Политическая» и «экономическая» революция являются, таким образом, лишь *двумя сторонами одного и того же процесса пролетарской революции*, и это именно, такая *увязка* политики и экономики составляет основной признак последней.

Совершенно непонятными представляются поэтому следующие утверждения тов. Крицмана: «Однако между октябрьским переворотом и экспроприацией крупного промышленного капитала, вернее, провозглашением ее (декрет от 28-го июня 1918 года о национализации крупнейших предприятий) лежит промежуток времени *около восьми месяцев*, т.-е. такой же, как между февральской и октябрьской революциями. И если бы не внешние

факторы, экспроприация капитала не была бы произведена и в июне 1918 г. Рассматриваемая не на фоне прежнего безмятежного существования капитализма, при сравнении этого ее периода с последующим (1918 до апреля 1921 г.) и с одновременной ей аграрной революцией, русская пролетарская революция в этот первый период ее развития, не может быть охарактеризована иначе, как революция, длительно задерживающаяся на своей второй фазе и не переходящая в следующую (в фазу экономической революции)» (стр. 38).

Даже если стать на юридическую, декретную точку зрения, которая, конечно, для периода революционной бури не выдерживает никакой-критики, то и тогда натяжка, производимая тов. Крицманом в угоду своим схемам, очевидна. Стоит только напомнить основные декреты экспроприация землевладения—декрет от 26 октября 1917 г.[1]).

Экспроприация финансового капитала—декрет от 14 декабря 1917 г.

Экспроприация транспортного капитала—декрет от 26 января 1918 г.

Экспроприация ссудного капитала—декрет об аннулир. займов—26 января 1918 г.

Экспроприация торгового капитала—декрет о национализации внешней торговли от 23 апреля 1918 г.

На самом деле в этот период происходила и фактическая, хотя и не санкционированная декретами, экспроприация крупного промышленного капитала местными органами. Ко времени издания декрета о национализации крупной промышленности, фактически, большая часть крупных промышленных предприятий была уже экспроприирована и находилась в руках органов рабочего управления. Декрет 28 июня 1918 г., таким образом, лишь санкционировал и юридически оформил то, что уже было в значительной степени осуществлено рабочими организациями. И здесь схемы тов. Крицмана служат ему плохую службу[2]).

* * *

Тов. Крицман громит «комфилистеров» и «коммещан», пренебрежительно относящихся к «военному коммунизму». Свою задачу он видит, повидимому, не столько в том, чтобы критически исследовать строй военного коммунизма, как «реабилитировать» его, покончить с представлениями о том, что военный коммунизм был организацией войны и доказать, что он был организацией социализма, предвосхищением будущего социалистического строя.

Мы дальше разберем, насколько правомерна такая — снова нужно сказать—недиалектическая постановка и насколько выдерживает ее сам тов. Крицман. Отметим лишь, что увлечение задачей подобной «реабилитацей» вызывает у тов. Крицмана другой, не менее вредный, чем комфилистерский, уклон в сторону некоторой идеализации военного коммунизма. Его изложение часто заставляет забывать, что читаешь историко-экономическое исследование, а не героическую поэму. Спокойный ход этого изложения прерывается патетическими отступлениями, вроде следующего: «Напротив того, пролетарская организация хозяйства в том виде, какой она приняла в эпоху гражданской войны, является лишь первым грубым наброском — орудием еще непригодным и потому требующим переделки. Но она появилась. То, что до сих пор существовало только в царстве возможного, появилось в царстве действительного. Скрытая тенденция материализировалась. Брешь в царство будущего пробита. Пусть тенденции развития осуществились в первый раз в извращенном виде. Но они осуществились!».

Несуществующее стало существующим. Остается несовершенное сделать совершенным. Как ни велика эта задача истории—она меньше разрешенной (стр. 125). Таким образом тов. Крицман претендует одновременно не только на лавры историка, но и певца эпохи военного коммунизма.

Свою оценку военно-коммунистического строя тов. Крицман формулирует следующим образом: «В действительности так называемый «военный коммунизм», это—первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов перехода к социализму. Он в основе своей отнюдь не является заблуждением лиц или класса; это—хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями — предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее (теперь уже прошлое), ставший возможным благодаря, изложенным выше, специфическим условиям развития русской пролетарской революции» (стр. 75).

Что касается этих специфических условий русской революции, то здесь автором на первый план выдвигается одно основное, которое в дальнейшем формулируется автором так, что оно теряет свой специфически русский характер. Условие это—острота классовой борьбы и ожесточенное сопротивление свергнутых господствующих классов, заставляющие пролетариат в своей политике, выходить за пределы экономически-целесообразного и вторгаться в такие области хозяйства, которые еще не подготовлены для обобществления. Это условие по всей вероятности, будет налицо и в других странах, во время социалистической революции и именно в такой общей форме—а отнюдь не специфической—формулирует его тов. Крицман. «Чем напряженнее эта борьба за политическую власть, чем отчаяннее сопротивление низвергнутых и лишенных господства классов, чем свирепее гражданская война, чем грознее опасность контр-революции, с тем большей принудительностью выступает политическая необходимость экономического подавления контр-революции, революционная необходимость углубления экономической революции, т.-е. усиленного использования политической власти как орудия разрушения старых экономических отношений, являющихся источниками силы (экономической и политической) низвергнутых революцией господствующих классов. Обессиление контр-революции, подрыв ее экономической базы, становится революционной необходимостью и чем сильнее сопротивление контр-революционных сил, тем в большей мере экономическая политика революции переходит за пределы экономически не-

---

1) Экспроприацию землевладения в условиях нашей революции никак нельзя отнести исключительно к феодальной революции. Эта мера—особенно в форме национализации—бьет по капиталистической частной собственности.

2) Тов. Бухарин в „Экономике переходного периода“ принимает—с некоторыми изменениями теорию фаз тов. Крицмана. Однако он подчеркивает переплетение фаз и процессов революции.

посредственно целесообразного». (Экономически нецелесообразное становится революционной необходимостью) (стр. 56).

«Удлинение и обострение гражданской войны неизбежно приводят, поэтому, во-первых, не только к решительному ускорению экспроприации капитала, но и двойному расширению процесса экспроприации имущих, к расширению круга экспроприируемых, с захватом среднего и мелкого капитала, незаметными переходами сливающегося с крепкими, самостоятельными товаро-производителями и верхами нового третьего сословия (технической интеллигенции) и к распространению процесса экспроприации на нефункционирующие, как капитал, богатства, как на возможный (потенциальный) капитал, а, во-вторых, к уничтожению возможности функционирования капитала, к насильственному удушению рынка и к подавлению товарно-денежных отношений, так как именно они являются тем местом, куда укрывается капитал в качестве торгового капитала и где он оказывается наиболее трудно достягаемым» (стр. 59).

Эта концепция подкупает своей монистичностью и стройностью. Как видим, она связывает также «военный коммунизм» с гражданской войной, однако, иначе чем обычно. Военный коммунизм оказывается особой организацией хозяйства в пролетарском государстве, порожденной обострением классовой борьбы, заставляющей пролетариат, в силу внутренней логики борьбы и для самозащиты, итти на полную ликвидацию товарно-капиталистических отношений и созданию пролетарского натурального хозяйства.

Эта концепция стройна и монистична, но по нашему мнению основных, наиболее характерных черт военного коммунизма она не об'ясняет.

Бесспорно, что обострение классовой борьбы и логика этой борьбы, прежде всего заставили нас выйти за пределы экономически-целесообразного, национализировать среднюю и мелкую промышленность, эспроприировать денежный и торговый капитал во всех его видах. Ленин чрезвычайно отчетливо и наглядно раз'яснил эти обстоятельства борьбы и ее последствия, на московской губпартконференции в октябре 1921 года.

Но из этой концепции никак нельзя об'яснить нашей тогдашней экономической политики по отношению к крестьянскому хозяйству, по отношению к нашему союзнику крестьянству,—политики, которая, прежде всего, является одним из основных и главнейших признаков «военного коммунизма». Эта концепция не может об'яснить продразверстки и полного запрещения торговли товарооборота для крестьянского хозяйства.

Как может тов. Крицман, исходя концепции из этой своей только об'яснить, почему нам потребовалась ликвидация даже местного товарооборота и местной торговли, почему мы принуждены были перейти к продразверстке, которая и придала всему хозяйству резко выраженный натуральный характер, а не установить хотя бы продналог, дополняемый товарообменом?

То соображение, что в порах этого товарооборота мог укрыться и работать против нас средний и мелкий капиталист, не выдерживает критики. Опасности, которые несли с собой продразверстка и полное запрещение товарооборота, находившиеся в полном противоречии с интересами мелкого крестьянского хозяйства, были в сто раз больше для пролетарской диктатуры, чем те, какие могли возникнуть от допущения этого товарооборота. В этом мы имели случай убедиться на целом ряде крестьянских восстаний, проходивших под лозунгом «долой продразверстку» и с требованием свободной торговли.

С другой стороны, концепция тов. Крицмана не дает об'яснения и тому, почему вся организация нашего хозяйства была построена на началах такой строгой централизации, почему учет выдвигался тогда на первый план, почему такое непомерное развитие получила главинская система. Ведь если бы основное значение имело условие, выдвинутое тов. Крицманом, возможна была бы более децентрализованная система хозяйства, предоставлявшая больше инициативы и самостоятельности местным органам и производственным об'единениям. Зачем нам понадобилось строить именно такую жесткую систему?

Таким образом концепция тов. Крицмана не дает, нам кажется, об'яснения основных моментов военного коммунизма нашей политики по отношению к крестьянскому хозяйству: продразверстка, полное запрещение товарооборота, что придало всей системе резко очерченный облик натурального хозяйства; крайней централизации всего хозяйства.

Об'яснения этих моментов нужно искать в других условиях, из которых одни совсем обходятся тов. Крицманом, другие отодвигаются им на задний план.

Ленин не раз говорил, что военный коммунизм был вызван «крайней нуждой, разорением и войной». Действительно, именно эти три фактора обусловили в основном наиболее своеобразные черты военно-коммунистической организации хозяйства: особый тип отношений государственного хозяйства с крестьянским, натуральный характер хозяйства и централизацию.

По нашему мнению, т. Крицман напрасно нападает так ожесточенно на тех, кто сравнивает наше положение в 1918—20 г. с положением осажденной крепости (между прочим,—этим сравнением часто пользовался Владимир Ильич). В общем оно правильно и все те аргументы, которые тов. Крицман выдвигает против него (что в осажденной крепости не существует добывающей и обрабатывающей промышленности и поэтому в ней не может быть организации производства и воспроизводства) доказывают лишь, что это сравнение, как и все, не совсем точно и имеет свою меру. Тов. Крицману необходимо разделаться с этим сравнением для того, чтобы выдержать стройность своей схемы.

Вспомним, однако, наше положение в 1918—20 г. Советская Россия была опоясана в это время сплошным кольцом фронтов. Какие-либо торговые сношения с заграницей были невозможны. Вместе с тем «уже Брестский мир, навязанный новорожденной и потому, в военном отношении, еще беспомощной Советской России германским империализмом, и им же созданное усиление казачьей и добровольческой контр-революции, привели к тому, что хозяйственный организм Советской России, периода гражданской войны, был изуродован до невозможности. Россия была разорвана на две части и в Советской России осталось около $^2/_5$ населения, большая часть металлообрабатывающей промышленности, $^3/_4$ текстильной, но только 45% производства пшеницы, 37% производства ячменя, 8% производства сахара, 10% добычи угля, 28% выплавки чугуна, 33% производства металлических про-

дуктов [1]). Потеря Баку и Грозного лишила Советскую Россию нефти. Мятеж чехо-словацких отрядов отрезал Советскую Россию от Поволжья, Урала, Сибири, Туркестана, лишил ее, следовательно, остатков металлургии, всего хлопка, сибирского коровьего масла, наконец, важнейших оставшихся хлебных районов, бывших и районами сельско-хозяйственного сырья» (стр. 50). Ко всему этому необходимо добавить разорения, причиненные империалистической войной и первыми шквалами революции.

Именно отсюда и только отсюда, «войной, нуждой и разорением» можно об'яснить *тип отношений пролетарского государственного хозяйства с крестьянским хозяйством*, который так характерен для эпохи военного коммунизма—можно об'яснить *продразверстку*. При таком положении, когда хлеборододные губернии были отрезаны от нас и нам приходилось базироваться, главным образом, на потребляющих, когда нужно было почти исключительно за счет недостаточных хлебных рессурсов крестьянства этих губерний кормить голодающее население городов, рабочих и многочисленную армию, не было другого выхода, как брать все хлебные излишки крестьянского хозяйства, ничего или почти ничего не давая взамен, так как промышленность едва могла обслужить потребности армии. Вместе с тем приходилось итти на крайние меры по проведению жестокой хлебной монополии и ликвидации какой бы то ни было торговли хлебом, так как при крайне напряженном положении со снабжением хлебом малейшее нарушение системы распределения грозило бедствиями для населения городов и для армии.

С другой стороны, «разорение и нужда» обуславливали в значительной степени и ту крайнюю *централизацию*, которая так характерна для организации хозяйства в эпоху военного коммунизма. Районы топлива и сырья были отрезаны от нас. Производство в ряде отраслей шло исключительно за счет старых запасов хлопка, металла, шерсти, нефти и проч., а эти запасы далеко не были велики. Возможности обеспечения повышенным пайком рабочих, занятых в производстве, были тоже весьма ограничены. При таких условиях не было другого выхода, как путем *строгого учета, жесткой экономии и централизации* обеспечить ход тех производств, которые имели наиболее жизненное значение для страны и для ее обороны.

В том же направлении усиления *централизации* действовало и подчинение нашего хозяйства задачам *обороны*, которые выдвигались тогда на первый план. Какое значение для нашего хозяйства имело снабжение армии, показывают следующие цифры: на долю Красной армии, по планам распределения, приходилось в 1920 г. муки—25%, крупы—50%, зерна-фуража—40%, табаку—100%, хлопчато-бумажных тканей от 70% до 100% и обуви—90% (стр. 168). Это накладывало, разумеется, очень сильный отпечаток на хозяйство и определяло его организационную структуру, вело к его *централизации*. «Над всей организацией народного хозяйства стоял орган военной диктатуры—Совет Обороны и его органы: Чрезвычайный Уполномоченный

[1]) Эти цифры тов. Крицмана относятся к весне 1918 г. В дальнейшем развертывании гражданской войны территория Советской России сократилась значительно больше и, следовательно, хозяйственное положение было значительно острее.

Совета Обороны по снабжению Красной армии (персонально эту должность занимал председатель ВСНХ)—являвшийся *диктатором* в деле выполнения всех назначений, которые касались снабжения армии и военной промышленности всем, что было им необходимо, кроме предметов продовольствия, и Главное Управление продовольственным снабжением Красной армии...» (стр. 169).

И тов. Крицман, начавший с ожесточенных нападок на «быстроумных людей», выдвигающих, как определяющий момент нашей тогдашней хозяйственной структуры подчинение хозяйства задачам обороны, вынужден сам признать этот момент и включить его—через несколько глав—в свою схему, предварительно проделав однако с ним, чтобы он не нарушил стройности схемы, диалектический фокус: «Структура народно-хозяйственной организации в эпоху гражданской войны определялась таким образом двумя моментами—крайним обострением и углублением революции, т.-е. классовой борьбой и тем, что борьба эта приняла *форму войны*... *Однако основные принципы, проникавшие и характеризовавшие эту организацию (хозяйства), были порождением не войны, как формы, которую приняла революция, а самой революции, по отношению к которой война была лишь формой ее проявления*». (Курсив наш) (стр. 169).

Таковы об'ективные условия, породившие у нас, при диктатуре пролетариата, в период 1918—20 гг., своеобразную систему «военного коммунизма».

Однако, наряду с этими *об'ективными* условиями действовал в том же направлении и суб'ективный фактор, который однако тов. Крицман обходит полным молчанием, может быть потому, что сам он (как и все мы) не был безгрешен в отношении этого суб'ективного фактора. Именно, имея в виду этот фактор Ленин и говорил о нашей политике в период 1918—20 гг. как об ошибке. Речь идет о господствовавшем тогда в партии убеждении, *что именно таким непосредственным, прямым путем, без предварительного приспособления старой экономики к новой социалистической, мы осуществим переход в нашей отсталой стране к социалистическому строю*. Что такое представление господствовало у нас свидетельствуют писания той эпохи. Что оно, помимо всех об'ективных условий, определяло тогда нашу политику, тоже не подлежит сомнению. Напрасно поэтому тов. Крицман пытается отмахнуться от анализа этого фактора и его роли утверждением, что военный коммунизм «в основе своей не является заблуждением лиц или класса».

Разумеется, если бы даже мы руководствовались теперешним представлением о формах перехода к социализму в условиях нашей страны, то и тогда мы должны были бы, силою обстоятельств, придти в основе к—«военно-коммунистической организации хозяйства». Но вопрос заключается в *мере*, в *широте* захвата и в *соответствии* изменявшейся с конца 1919 г. в нашу пользу обстановке. То, что каждая баба с крынкой молока считалась спекулянткой, что жестоко ликвидировалась, помимо торговли хлебом и мясом, местная торговля и всеми другими продуктами крестьянского хозяйства, что уже после окончания гражданской войны и накануне перехода к новой экономической политике

закрывалась Сухаревка, был взят курс на ликвидацию денег, организовались посевкомы, которые должны были подчинить крестьянское хозяйство прямому государственному регулированию, все это, по нашему мнению, не вызывалось ни военными, ни политическими условиями, а скорее неверным представлением о формах перехода к социализму.

Задачей критического анализа эпохи военного коммунизма является, помимо всего, и выяснение той роли, которую сыграли эти представления в определении нашей тогдашней политики, чего, к сожалению, не делает тов. Крицман.

* * *

Книга тов. Крицмана наносит сокрушительный удар пошлой меньшевистской легенде о военном коммунизме. Творцы этой легенды—Мартов и А. Богданов—утверждают, что «военный коммунизм» был выражением «солдатского мятежа», что на всем военно-коммунистическом строе лежит печать «солдатчины» и что солдатско-крестьянская стихия придала этому строю резко очертер[1]). Тов. Крицман разрушает этот меньшевистский поклеп на ченный потребительский и уравнительный характер нашу революцию.

Военно-коммунистическая организация хозяйства была в известном смысле военной, но она была пролетарской организацией, а не солдатско-крестьянской. Пролетариат был творцом этой системы и его печать лежит на всей гигантской организации хозяйства, созданной в эту, действительно героическую, эпоху, на организации власти и на всех мероприятиях этой эпохи, направленных своим острием против капитализма—к созданию нового социалистического строя.

А. Стецкий.

Письмо в редакцию.

Карл Радек.

Про англо-американское сотрудничество и прегрешение против диалектики [2]).

«Взял и ухватил, потому, сударь, что в этом деле главное—ухватить; даже ума не требуется».

(*Щедрин: «Господа ташкентцы»*).

В январском номере «Большевика» тов. Дм. Бухарцев помещает статью под заглавием «Сотрудничество и противоречия англо-американского капитализма в плане Дауэса». Тов. Бухарцев, сидя в пресс-бюро Главконцесскома, имеет возможность следить за международной прессой и поэтому статья его, хотя не содержит никаких открытий Америки, однако, дает целый ряд интересных фактов об англо-американской конкуренции, дополняющих, например, то обозрение англо-американской борьбы на мировом рынке, которое дает М. Бэр в своей новой работе об Англии. Но не будучи сам, повидимому, приверженцем безазбучного просветительства, тов. Бухарцев считает, что он не сможет для своих азбучных истин найти читателя, если не добавить к ним немножко соли и перцу. Я ему в этом вполне сочувствую, но нельзя солить статей вымыслами, которые читатель с легкостью может проверить.

Тов. Бухарцев заявляет, что «План Дауэса представляет собою крупнейшее событие современности». Я не знаю, с какого времени тов. Бухарцев считает современность и поэтому думаю, что он очень преувеличивает значение плана Дауэса. Крупнейшим событием современности план Дауэса, наверное, не является, но представляет собою одну из крупных попыток послевоенной буржуазии стабилизировать капиталистическое хозяйство. Поэтому разногласия в оценке плана Дауэса имеют политическое значение; такие разногласия тов. Бухарцев пытается сконструировать, противопоставляя моему взгляду на англо-американскую кооперацию, как источнику плана Дауэса, утверждение, что эта кооперация попросту мною выдумана—на самом же деле существует только англо-американская конкуренция.

Я не могу ответить тов. Бухарцеву комплиментом, что он изобрел порох. В докладе своем на 4-м конгрессе Коминтерна, опубликованном ИККИ под заглавием «Ликвидация Версальского договора», я писал следующее:

«В экономическом отношении Соединенные Штаты Северной Америки сделались решающей мировой силой. В лице их Англия имеет более опасного противника, чем когда-либо могла стать Германия. Кардинальный вопрос состоит в том,—будет ли эта экономическая конкуренция и дальше обостряться или же будет достигнуто сотрудничество англо-саксонских держав. От того или иного решения этого вопроса зависит дальнейшее развитие мировой политики. В данный момент еще невозможно ответить на этот вопрос. Все находится еще в начальной стадии и никто не сумел бы сказать, что из этого выйдет. В английских капиталистических кругах ясно понимают, сколь опасно конкурировать с Америкой, и стремятся к сотрудничеству с ней. Но, с другой стороны, это сотрудничество может быть достигнуто лишь на почве отступления английского капитала перед американским, который, ни с чем не считаясь, выдвигает свои интересы на первый план. Английская дипломатия постоянно говорит о необходимости такого сотрудничества, но вместе с тем, она убеждена в своем превосходстве над американской и думает, что в ее руках крупные козыри, которые дадут ей возможность одурачить Америку. Таким образом, происходит борьба тенденций сближения и конкуренции, которые в конечном счете могут привести к англо-американскому соперничеству в мировом масштабе. Приобретенный нами в истории опыт говорит, что два крупные промышленные государства, обладающие значительными морскими силами, обычно вступают в борьбу друг с другом, а не приходят к соглашению». («Пять лет Коминтерна», т. II, стр. 235—36. Изд. «Красная Новь», 1924).

---

[1]) Совершенно непонятно, почему на выпусках „курса политической экономии", где содержится этот меньшевистский поклеп на нашу революцию, красуется до сих пор „А. Богданов и И. Степанов".

[2]) **От редакции.** Признавая, что на страницах „Правды" тов. Радек проблемам как англо-американского блока, так и англо-американской конкуренции давал в общем правильную трактовку, редакция считает, что это ни капли не умаляет ценности статьи тов. Бухарцева. Конкретное освещение перспектив союзничества Англии с С.-А. С. Ш., данное тов. Бухарцевым, было особенно необходимым, поскольку в оценке англо-американских отношений существовал несомненный перегиб в сторону „сотрудничества".

Перед лицом лондонской конференции мне пришлось установить, что английское сотрудничество, которое началось в Вашингтоне, за счет дальне-восточных дел, достигло второго этапа в Лондоне за счет дел европейских. Но считал ли я, «что мы вступаем в длительный период англо-американского сотрудничества, причем не видно даже начала конца этой трогательной дружбы двух акул мирового империализма». Длительный период и трогательная дружба—это уже беллетристика, принадлежащая перу тов. Бухарцева, а не моему, что конца англо-американского сотрудничества еще не видно,—это я утверждал и готов от этого утверждения отказаться, только в том случае, если тов. Бухарцев приведет факты, указывающие, что англо-американская конкуренция привела к началу разрыва англо-американского сотрудничества на Дальнем Востоке или в Европе. Редакция «Правды» в номере от 13-го, в статье, посвященной уходу Юза, высказывает убеждение, что этот уход приведет к углублению англо-американского сотрудничества; автором этой статьи является редактор «Большевика», тов. Бухарин, который, видно, тоже не заметил начала конца этого сотрудничества, так хорошо видного зоркому глазу тов. Бухарцева.

Но может быть, я считаю, что англо-американское сотрудничество противоречит англо-американской конкуренции, что я, вообще отрицаю существование этой последней? Ведь тов. Бухарцев утверждает, что я говорил не «о каком-нибудь непродолжительном блокировании, а о союзе». Тов. Бухарцев даже считает необходимым поучать меня на счет того, что доклад Дауэса не только не затушевывает противоречий между Англией и Америкой, но его обостряет; для подкрепления этого утверждения тов. Бухарцев даже выдвигает тяжелое орудие: цитату из статьи тов. Сталина. Не знаю, для каких целей понадобилось ему эта стальная броня, ибо летом прошлого года в моих статьях в «Правде», посвященных докладу Дауэса, я писал следующее:

«Таким образом, ближайшие перспективы проведения в жизнь лондонского договора сулят не мир, а целый ряд новых конфликтов между Англией и Францией, с одной стороны, Францией и Германией—с другой. Но мало того, лондонское соглашение создаст новые противоречия между странами, вывозящими капитал в Германию и заинтересованными поэтому в увеличении германского вывоза и странами, которые будут бояться этого увеличения. Раздел между интересами финансового капитала и тяжелой промышленности, который пройдет через все страны, найдет свое олицетворение, в первую очередь, в обострении англо-американских отношений». (Карл Радек «Империалистический разбой под флагом демократии и пацифизма, стр. 62—63, «Красная Новь», 1924).

Это утверждение является у меня не голословным предсказанием или выводом из общего и мне небезызвестного положения о противоречиях капитализма, а является результатом конкретного анализа международного положения.

В этом конкретном положении конкуренция не является противоречием политического сотрудничества, и если тов. Бухарцев «чувствует» неувязку в постановке вопроса тов. Тальгеймера, который, с одной стороны, в своей статье о международном положении в № 8 «Спутника Коммуниста» говорит об англо-американском сотрудничестве, а с другой стороны, о том, что Германия сделается яблоком раздора между Англией и Америкой, то разногласия между тт. Тальгеймером и Бухарцевым являются результатом того факта, что тов. Бухарцев—собиратель вырезок из торговых отделов буржуазных газет, а тов. Тальгеймер—марксист диалектик. Понятно, нельзя без знакомства с фактами понимать международное положение даже будучи диалектиком, ибо диалектика есть только метод исследования действительности, но отсутствие диалектического мышления не позволяет привести в порядок самые факты. Уже Парвус, будучи еще марксистом, должен был об'яснять реформисту Кальверу, изучающему очень тщательно биржевую цедулку и товарные индексы, что они являются недостаточным источником марксистского понимания истории.

Вся история капитализма, есть история конкуренции. Она не прекращается в период империализма, этого монополистического капитализма, но на почве конкуренции двух империалистических стран возможно и временное их сотрудничество, и союзы, и такое обострение отношений, которое приводит к войне. Международное положение послевоенных лет определяется тем, что все капиталистические страны конкурируют друг с другом на мировом рынке, но отношения между ними не влились еще окончательно в определенное русло, не кристаллизировались окончательно в систему союзов. Так же выглядело международное положение на грани XIX и XX столетия. Главными промышленными конкурентами уже были Германия и Англия, но англо-германский антагонизм не сделался еще стержнем мировой политики. Теперь дальновидные круги английского и американского капитализма понимают, что им сулит обострение их конкуренции, и также, как четверть века тому назад Чемберлен и лорд Ландедоун пытались добиться соглашения с Германией, чтобы избежать столкновения с ней и использовать ее против русской империи, точно так же теперь американский империализм пытается вовлечь в свой фарватер Англию, для того, во-первых, чтобы избежать с ней конфликта, в во-вторых, чтобы использовать ее против Японии. Американский империализм экономически сильнее английского, но он не имеет военных баз на всех океанах и отлично понимает, что при стратегическом положении на Тихом океане попытки его побороть Японию без помощи Англии—безнадежны. Мало того, если основным вопросом для мирового империализма является теперь расширение рынков сбыта путем открытия русского рынка и завоевания Китая, то достаточно указать на громадные размеры этой задачи, чтобы понять почему сильнейшая из мировых держав Америка стремится сохранить сотрудничество с Англией. Со стороны Англии необходимость этого сотрудничества еще более очевидна, Англия экономически слабее Соединенных Штатов, и, как правильно заметил лондонский «Экономист» накануне Вашингтонской конференции: достаточно ей решиться соперничать в морских вооружениях с Америкой, чтобы быть разбитой.

Почему все это нужно понять, почему все это нужно говорить в нашей печати? — по той простой причине, что это—факт, определяющий теперь мировое положение. Тов. Бухарцев правильно повторяет азбуку, что одним из элементов нашей внешней политики является противоречие интересов отдельных капиталистических групп. Но если эти интересы в данный момент

приводят к сотрудничеству двух руководящих капиталистических держав, то это надо знать, чтобы не набить себе шишек на голове. «Но,—говорит тов. Бухарцев,—если сделать логические выводы из такой оценки международного положения, то нельзя будет найти ничего утешительного ни для перспектив мировой социальной революции, ни для перспектив укрепления нашего Союза». Если тов. Бухарцев считает необходимым находить утешение в отрицании фактов, то это его дело, но тов. Чичерин наверное поблагодарил бы его за совет утешаться таким дешевым образом. Советую тов. Бухарцеву прочесть мою работу «об эре демократического пацифизма», напечатанную в октябрьском-ноябрьском номере «Красной Нови», и статьи в «Правде»—«На пути к Новой Антанте», может быть, он найдет там действительный, не придуманный материал, на котором я строю перспективы дальнейшего развития социальной революции и укрепления СССР. Эти перспективы основываются на том факте, что даже англо-американскому сотрудничеству не удастся устранить конфликтов с другими, хотя бы более слабыми, капиталистическими державами; что растет отпор восточных народов и, наконец, что и англо-американское сотрудничество не будет вечно продолжаться. «Эта кооперация разобьется в тот момент, когда выступят наружу различия интересов обоих конкурентов (контрагентов) при дележе добычи, или когда неудачи англо-американской кооперации сделают более прибыльными для каждого из контрагентов попытаться на собственный счет сговариваться с колониальными народами или капиталистическими странами, представляющими теперь об'ект англо-американской политики». («Красная Новь», октябрь-ноябрь 1924, стр. 261). Если вместо того, чтобы находить точки опоры в действительной жизни, утверждать, как это делает тов. Бухарцев, что «в техническом сотрудничестве» англо-американских банков состоит все англо-американское сотрудничество, то этим можно утешить... мир, но не помочь русским рабочим ориентироваться в сложном международном положении.

Тов. Бухарцев «ухватил», но он очутился в положении городового Глеба Успенского, который жаловался, что хотел схватить злоумышленника за шиворот, но, увы, шиворота у того не оказалось. Мы не будем говорить о вреде таких упражнений и для хватающих и для партии, ни об источниках любви к «беспредметному движению», о котором говорит Щедрин: «налетел, нагрянул, ушиб,—а что ушиб, он даже не интересуется и узнавать об этом».

…яйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3–4 (19–20)

ФЕВРАЛЯ 25

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"